

ФГБОУ ВПО «ПОВОЛЖСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ»

На правах рукописи

ШАЛАПИНИН АНТОН АЛЕКСАНДРОВИЧ

**КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ СООТНОШЕНИЕ
ПОЗДНЕЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ СРЕДНЕГО
ПОВОЛЖЬЯ**

Специальность 07.00.06 – Археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Самара 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. Физико-географическая характеристика территории Среднего Поволжья, палеогеография, историография, методика и источниковая база исследования	
1.1. Физико-географическая характеристика региона и палеогеографический фон развития культур в позднем энеолите.....	9
1.2. Историография позднего энеолита.....	14
1.3. Методика изучения и состояние источниковой базы исследования.....	38
ГЛАВА II. Характеристика позднеэнеолитических комплексов Среднего Поволжья и проблемы культурной атрибуции лесостепных памятников	
2.1. Позднеэнеолитические комплексы Самарского Поволжья.....	52
2.2. Позднеэнеолитические комплексы Сурско-Свияжского междуречья и волосовская культура Марийского Поволжья.....	65
2.3. Проблемы культурной принадлежности позднеэнеолитических комплексов Самарского Поволжья.....	83
2.4. Проблемы культурной принадлежности позднеэнеолитических комплексов Сурско-Свияжского междуречья.....	97
ГЛАВА III. Проблемы хронологии, происхождения и дальнейшей судьбы позднего энеолита Среднего Поволжья	
3.1. Вопросы абсолютной хронологии позднего энеолита.....	109
3.2. Вопросы происхождения позднеэнеолитических комплексов.....	120
3.3. Проблемы участия позднего энеолита в сложении культур эпохи бронзы.....	132
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	138
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	142
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	168
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	170

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Проблема соотношения позднэнеолитических комплексов Среднего Поволжья входит в одну из крупных и активно разрабатываемых в отечественной археологической науке тем взаимодействия лесного и степного населения в первобытную эпоху. Включая в себя лесную, лесостепную и частично степную ландшафтные зоны, Среднее Поволжье являлось, с одной стороны, территорией проникновения различного по своему происхождению и культурной ориентации населения, а с другой стороны служило местом для формирования новых самобытных образований, нередко становившихся источниками воздействия на сопредельные регионы. Интерес к позднему энеолиту Среднего Поволжья вызван тем, что на это время приходится угасание традиций изготовления воротничковой керамики в степной и лесостепной зонах и генезис волосовской культуры в лесной полосе. И если процесс развития самарской, хвалынской, волосовской археологических культур рассмотрен достаточно подробно, то проблема воздействия на лесной энеолит со стороны степи и лесостепи требует более детального изучения. Нуждаются в интерпретации пограничные памятники, содержащие материалы лесного круга. Не менее острыми являются вопросы о судьбе лесостепной линии развития в эпоху позднего энеолита на указанной территории.

Объектом исследования являются позднэнеолитические комплексы Среднего Поволжья, а для решения вопросов истоков, хронологического положения, культурного взаимодействия и дальнейших судеб – материалы неолита-бронзы указанного региона и сопредельных территорий.

Предметом исследования стали процессы культурного взаимодействия в период позднего энеолита на территории Среднего Поволжья.

Территориальные рамки исследования охватывают лесную и лесостепную зоны средневолжского региона, границы которых проходят на

юго-востоке по р. Самаре, на северо-востоке р. Илеть, на севере по р. Большой Кокшаге и нижнему течению р. Ветлуги, на юго-западе по р. Суре. В современных административных единицах этот регион является территорией республик Марий Эл, Чувашия, западной части Татарстана, Самарской, Ульяновской, северо-восточной части Пензенской областей.

Хронологические рамки исследования. Согласно разработкам И.Б. Васильева и Н.В. Овчинниковой поздний энеолит Самарского Поволжья датируется III тыс. до н.э. [Васильев, 2000]. Радиоуглеродные даты указывают на время бытования позднеэнеолитических комплексов бассейна рек Самара и Сок в промежутке с третьей четверти IV до начала III тыс. до н.э. в некалиброванном виде или XLIII – XXXVII в. до н.э. в калиброванном значении. В рамках середины III – рубежа III - II тыс. до н.э. датируются волосовские памятники Марийского Поволжья [Никитин, 1991; 1996] и Сурско-Мокшанского междуречья [Королев, 1999]. Согласно радиоуглеродным датам время существования позднеэнеолитических комплексов на севере Среднего Поволжья и в Посурье определяется III – началом II тыс. до н.э. в некалиброванном виде или XXXIX - XX в. до н.э. в калиброванном значении.

Степень изученности. Степень изученности позднего энеолита в различных регионах неодинакова. Благодаря начатой А.Х. Халиковым в 50-х гг. XX в. и затем продолженной Г.А. Архиповым, В.В. Никитиным, Б.С. Соловьевым работе по изучению и систематизации волосовских памятников наиболее детально прослежен генезис энеолитических древностей в северных районах Среднего Поволжья. В лесостепной зоне Среднего Поволжья начало целенаправленного изучения позднеэнеолитических памятников приходится на 70-е гг. XX в. и связано с деятельностью И.Б. Васильева, Н.Л. Моргуновой, В.П. Третьякова. Наиболее представительные коллекции позднеэнеолитических материалов в Самарском Поволжье были получены во второй половине 80-х гг. XX в. в Сокском микрорайоне П.П. Барынкиным, И.Б. Васильевым, Е.В. Козиным,

А.Е. Мамоновым, Н.В. Овчинниковой. С конца 80-х гг. XX в. и по настоящее время коллективом исследователей (Н.С. Березина, А.В. Вискалин, А.А. Выборнов, А.И. Королев, В.В. Ставицкий) проводятся работы по изучению позднеэнеолитических памятников на территории Сурско-Свияжского междуречья. Осмысление полученных результатов нашло отражение как в работах, посвященных отдельным регионам [Халиков, 1958; 1960], [Никитин, 1978; 1991; 1996], [Васильев, 1978; 1980; 1981, 2000], [Моргунова, 1995], [Королев, 1999], [Соловьев, 2000], [Ставицкий, 2006], так и в исследования обобщающего характера [Халиков, 1969], [Третьяков, 1990а; 1990б], [Королев, 2006], а также в публикациях, в которых непосредственно рассматривается указанная проблематика [Васильев, 1982], [Королев, 2008], [Моргунова, 2010]. Подробному рассмотрению данных аспектов посвящен отдельный параграф первой главы диссертации.

Цель и задачи. Целью работы является исследование культурно-хронологического соотношения позднеэнеолитических комплексов Среднего Поволжья.

Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Охарактеризовать степень изученности рассматриваемой проблематики и состояние источниковой базы исследования.
2. Конкретизировать культурную принадлежность и происхождение позднеэнеолитических комплексов лесостепной зоны Среднего Поволжья.
3. Выявить признаки взаимодействия и установить направленность культурных связей внутри средневолжского региона и сопредельных территорий в позднем энеолите.

Источники исследования. Источниковой базой исследования послужили данные, полученные раскопками П.П. Барынкина, Н.С. Березиной, И.Б. Васильева, А.В. Вискалина, А.А. Выборнова, Е.В. Козина, А.И. Королева, А.Е. Мамонова, В.В. Никитина, Н.В. Овчинниковой, В.В. Ставицкого, А.Х. Халикова. В работе использованы коллекции с памятников Марийского Поволжья, Посурья, Самарского

Поволжья, хранящиеся в фондах Алатырского краеведческого музея, Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им В.М. Васильева, Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева, Пензенского государственного краеведческого музея, археологической лаборатории Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, Самарского областного историко-краеведческого музея им П.В. Алабина, Чувашского государственного института гуманитарных наук. Всего учтено 164 памятника, содержащих рассматриваемые материалы. В качестве опорных использовались данные о 18 памятниках Марийского Поволжья, 6 – Сурско-Свияжского междуречья, 3 – Самарского Поволжья. Для сравнительного анализа прорабатывались энеолитические материалы из раскопок О.Н. Бадера, Д.А. Крайнова, Н.Л. Моргуновой, Ю.А. Морозова, Л.А. Наговицина, В.П. Третьякова, А.И. Юдина, хранящиеся в фондах Пермского государственного университета, Ивановского государственного университета, Оренбургского государственного педагогического университета, института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН, Удмуртского научно-исследовательского института, Удмуртского государственного университета, Саратовского и Энгельского краеведческих музеев. Также использовались публикации памятников и отчеты о раскопках, хранящиеся в архивах ИА РАН, МарНИИ, ЧГИГН, ПГСГА, Министерства культуры Самарской области.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования явился комплексный подход, который был реализован на основе общенаучных принципов историзма и объективности, позволяющих рассмотреть поздний энеолит в динамике его развития, связях с предшествующим временем, взаимодействии с однородными явлениями сопредельных регионов, влиянии на культуры эпохи бронзы. В процессе изучения рассматриваемой проблемы были использованы общеисторические методы исследования: историко-сравнительный и историко-генетический.

Историко-сравнительный метод способствовал выявлению общего и частного в характере развития позднего энеолита Среднего Поволжья. Историко-генетический метод применялся при раскрытии свойств и изменений в процессе исторического движения, а также установлении причинно-следственных связей и закономерностей на завершающем этапе меднокаменного века средневожского региона. В работе использовались и традиционные для археологического исследования методы: типологический, стратиграфический, планиграфический, картографический методы. При работе с массовым материалом применялся статистический метод. При определении хронологической составляющей схемы культурного взаимодействия в период позднего энеолита впервые использованы результаты радиоуглеродного датирования. В общей сложности для материалов позднего энеолита рассматриваемого региона учтено 35 радиоуглеродных дат. Более подробно методы охарактеризованы в третьем параграфе первой главы.

Научная новизна работы заключается в следующем:

1. Систематизированы и обобщены результаты изучения позднего энеолита Сурско-Свияжского междуречья и Самарского Поволжья.
2. Использованы материалы, полученные в результате новых исследований позднеэнеолитических памятников, прежде всего в Утюжском археологическом микрорайоне Чувашского Посурья.
3. Для ряда памятников лесостепной зоны определена или уточнена культурная атрибуция, выявлена их специфика.
4. Рассмотрен хронологический аспект проблемы взаимодействия лесостепных и лесных памятников Среднего Поволжья.

Научно-практическая значимость работы. Результаты исследования дополняют представление о взаимодействии лесного и лесостепного населения в эпоху раннего металла. Материалы диссертации могут быть использованы при разработке спецкурсов по археологии для высших учебных заведений, написании обобщающих работ и учебных пособий по

древней истории средневожского региона, при создании археологической карты Среднего Поволжья и музейных экспозиций.

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования были изложены в докладах Урало-Поволжских археологических конференциях в Астрахани в 2006 г. и Самаре в 2008 г., на научно-практическом семинаре в Алатыре в 2008 г., на II международной научной конференции «Археология восточноевропейской лесостепи» в Пензе в 2008 г., на конференции «Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы» в Оренбурге в 2009 г., на 14-м и 15-м научно-методических семинарах «Тверская земля и сопредельные территории в древности» в Твери в 2010 и 2011 гг., на научной конференции молодых ученых «Новые материалы и методы археологического исследования» в Москве в 2011 г., на Самарских археологических научных конференциях с 2006 по 2011 гг., а также опубликованы в двенадцати печатных работах, три из них в изданиях, рекомендованных ВАК.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Поздний энеолит Самарского Поволжья представлен тремя линиями развития, первая из которых тяготеет к памятникам гаринской культуры и токсского типа Волго-Уралья, вторая - к волосовской культуре, третья представлена керамикой «с внутренним ребром» имеющая сходство с керамикой турганинского типа Волго-Уралья и среднестоговской культуры.

2. Частично истоки данных позднеэнеолитической групп фиксируются в энеолите лесостепной полосы Среднего Поволжья.

3. Поздний энеолит Сурско-Свияжского междуречья, входя в ареал распространения волосовской культуры, имеет свою специфику, что вызвано хронологической неоднородностью памятников, различными источниками проникновения на данную территорию и участием в их сложении южных культур.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения, включающего иллюстрации и таблицы.

ГЛАВА I. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ, ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДИКА И ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Физико-географическая характеристика региона и палеогеографический фон развития культур в позднем энеолите

Среднее Поволжье – часть Восточно-Европейской равнины в пределах бассейна р. Волги от устья р. Оки на западе до впадения р. Белой в р. Каму на востоке. Территорию Среднего Поволжья в административных единицах составляют восточная часть Пензенской, Нижегородская, Ульяновская, Самарская области, республики Чувашия, Марий Эл, Татарстан (Рис. 1).

Рассматриваемый регион расположен в трех ландшафтных зонах: таежной, лесостепной и степной. Первая из них занимает Левобережье р. Волги на участке между Нижним Новгородом и Казанью, а также Правобережье Нижней Камы. К югу находится лесостепная зона, охватывающая Правобережье Волги от Нижнего Новгорода до Сызрани и Левобережье Волги от Казани до Самары. Степная зона занимает небольшой участок Левобережья Волги к югу от р. Самары.

Таежная зона Среднего Поволжья включает в себя провинции южной тайги Низменного Заволжья и Вятско-Камской возвышенности. Территория Низменного Заволжья представляет собой равнину, понижающуюся в сторону долины р. Волги. Южная часть провинции занята древней долиной Волги, состоящей из широкой поймы и двух надпойменных террас. Для данной провинции характерна слабая эрозия почв и широкое развитие эоловых форм рельефа. Восточнее на территории Вятско-Камской возвышенности рельеф становится сложнее. В ее западной части с севера на юг вытянут Вятский Увал с развитой овражно-балочной сетью, осложненный карстовыми явлениями. Таежная зона характеризуется прохладным и влажным климатом, благоприятным для хвойных лесов. На территории Низменного Заволжья широкое распространение получила сосна, также

встречается ель, в восточных районах - пихта. Для Вятско-Камской возвышенности типичен сибирский вид хвойного леса, состоящий из ели и пихты. В южной части таежной зоны встречаются широколиственные породы, представленные дубом, вязом, липой, кленом. Наиболее крупные реки таежной зоны – Унжа, Ветлуга, Большая и Малая Кокшага, Вятка текут в направлении с севера на юг. Близкое залегание грунтовых вод от поверхности в рассматриваемой зоне вызвало широкое развитие процессов заболачивания.

В лесостепную зону Среднего Поволжья входят следующие ландшафтные провинции: лесостепная провинция Приволжской возвышенности, провинция лесостепи Низменного Заволжья, лесостепная провинция Высокого Заволжья. Приволжская возвышенность представляет собой ассиметричное плато с обрывистыми восточными и наклонным западным склонами. На западе она постепенно переходит в Окско-Донскую низменность. Низменное Заволжье, являясь древней долиной р. Волги и ее пологим левым склоном, имеет вид плоской или волнисто-увалистой равнины. К востоку от р. Кондурчи и нижнего течения р. Шешмы начинается территория провинции Высокого Заволжья, большая часть которой расположена на Бугульминском плато. По сравнению с таежной зоной в лесостепи повышается температура летнего сезона, и сокращается количество атмосферных осадков, однако климатические условия в указанных провинциях имеют свою специфику. На западе и северо-западе Приволжской возвышенности климат наиболее влажный и приближается по своим характеристикам к условиям юга таежной зоны. Восточнее климат становится суше и континентальнее. Наиболее низкие температуры отмечаются на территории Высокого Заволжья. В юго-западной части Высокого Заволжья уменьшается количество атмосферных осадков, и возрастают летние температуры воздуха. Здесь климат приближается к степному. Одной из характерных особенностей рассматриваемой зоны является сочетание сомкнутых, преимущественно лиственных лесов на

северных лесных почвах и травянистых степей на черноземах. Наиболее развит лесной покров в западной и центральной части Приволжской возвышенности. Здесь встречается сосна, а в северных районах - ель, дуб, береза, липа и др. Лесные участки чередуются со степными. Среди основных массивов луговых степей следует назвать Ульяновский, Саранско-Пензенский, Сызранский. В Низменном Заволжье граница между лесом и степью проходит по долине р. Большой Черемшан. Главными лесообразующими породами здесь являются дуб и липа. Северо-восток Высокого Заволжья сравнительно богат широколиственными и мелколиственными лесами, в юго-восточной части господствовала луговая степь, переходящая к югу от р. Кинель в разнотравно-типчаково-ковыльную. На территории Приволжской возвышенности основные реки текут с юга на север: Сура, Свияга, в Заволжье с востока на запад: Кама, Большой Черемшан, Сок.

К югу от р. Самары расположена степная провинция Низменного Заволжья. Для нее характерно увеличение солнечного тепла и одновременно меньше атмосферных осадков. В этих условиях лес встречается только по поймам рек и иногда - по склонам балок. Господствующим типом растительности здесь являются разнотравно-типчаково-ковыльные степи [Мильков, 1953. С. 184-242].

Рассматриваемый регион имеет сложную и разветвленную гидрологическую систему, имеющую как меридиональное, так и широтное направления, что давало благоприятные возможности для взаимодействия древнему населению. Помимо основных водных путей, связывающих данную территорию с Верхним и Нижним Поволжьем, а также Средним Прикамьем через р. Волгу и р. Каму соответственно, истоки юго-западных притоков р. Волги (реки Ока, Сура) входят в соприкосновение с притоками р. Дон (реки Хопёр, Медведица), а на юго-востоке верховья рек Большой Кинель и Ток располагаются рядом с верховьями р. Демы – западного притока р. Белой.

Поздний энеолит Среднего Поволжья совпадает с завершающей фазой атлантического, первой и второй фазами суббореального периодов по схеме Блитта-Сернандера.

Завершающая фаза атлантического периода, характеризующаяся постепенным похолоданием климата, приходится на рубеж IV - III тыс. до н.э. В лесной зоне в это время происходит постепенная деградация формаций широколиственного леса. Основным типом леса становятся сосняки с участием ели и широколиственных пород. Наряду с похолоданием шел процесс заболачивания территории и подъема уровня озер, который достаточно четко прослеживается по пыльцевым диаграммам поселения Воймежное I, Берендеевского, Ивановского и других болот Волго-Окского междуречья [Хотинский, 1977. С. 53; Спиридонова, 1997. С. 50-51; 1999. С. 29-30; Алешинская, 2002. С. 90].

Начальная фаза суббореального периода рассматривается как время глобального похолодания. В это время происходит деградация аридных областей, смещение к югу зоны широколиственных лесов, степей и становление тайги на севере зоны смешанных лесов. По мнению Е.А. Спиридоновой и А.С. Алешинской лес в это время доходил до р. Большой Иргиз. Начальная фаза суббореального периода приходится на вторую половину III тыс. до н.э. [Хотинский, 1977. С. 152; Спиридонова, 1999. С. 30].

Следующая фаза суббореального периода (конец III – первая половина II тыс. до н.э.) связана с аридизацией климата. В это время повышаются летние температуры, понижаются зимние, уменьшается количество выпадения осадков. В лесной зоне появляются широколиственные породы [Алешинская, 2000. С. 355]. Южная часть подтаежных лесов и подзона широколиственных лесов от Волжского бассейна до Камско-Приуральского сектора оказалась занята лесостепью и северной разнотравно-типчаково-ковыльной степью [Аськеев, 2009. С. 55].

Данных, позволяющих реконструировать палеогеографическую обстановку в рассматриваемом регионе, не достаточно.

Согласно М.И. Нейштадту в среднем голоцене (атлантический и суббореальный периоды) Сурско-Мокшанское междуречье входило в зону широколиственных лесов состоящих из дуба, вяза, липы. В данном регионе широкое распространение получили сосновые и березовые леса [Нейштадт, 1957. С. 161-162, 361].

Вполне возможно, что о характере растительности в конце атлантического периода на севере Среднего Поволжья можно судить по материалам Майданской и Отарской VII стоянок. Согласно А.Х. Халикову, споро-пыльцевой спектр волосовского слоя Майданской стоянки характеризуется сочетанием широколиственных и хвойных пород и значительным распространением разнотравья [Халиков, 1969. С. 126]. На поселении волосовской культуры Отарское VII в верхнем слое преобладает пыльца сосны (70 %), также присутствует пыльца березы (13 %) и ели (8 %). В группе травянистых доминирует пыльца разнотравья (62,2 %). В нижнем слое сокращается доля пыльцы сосны до 13,7 %, и увеличивается содержание пыльцы березы до 36,6 % и широколиственных пород до 32 %. В группе травянистых по прежнему преобладает разнотравье (70,6 %) [Шаландина, 1995. С. 172-174].

Результаты палинологических исследований на Ивановской стоянке указывают на некоторое увеличение облесенности (сосна, береза) в бассейне р. Ток в конце энеолита на фоне преобладания степного характера растительности [Лаврушин, 1995. С. 186].

По данным В.К. Немковой к востоку от рассматриваемой территории, в бассейне р. Белой в атлантический период произрастали сосновые леса с участием березы, липы, вяза. С севера на юг фиксируется сокращение доли ели в пыльцевом спектре. В конце периода в бассейне Нижней Белой появляются безлесые ландшафты [Немкова, 1976. С. 268; 1978. С. 13, 24, 32].

О палеогеографической обстановке в суббореальный период в Марийском Поволжье можно судить по данным с поселения Малая Шита. В пыльцевом спектре данного памятника преобладает пыльца сосны (83 %), а также присутствует пыльца березы (12 %) и ольхи (5 %). В слое поздневолосовского поселения Юркино I доминирует пыльца сосны, также отмечена пыльца березы и ели [Спиридонова, 2000. С. 158].

В суббореальный период в низовьях р. Белой преобладают сосново-березовые леса с участием ели. Присутствуют безлесые ландшафты с ксерофитами. Южнее распространены были березовые леса с липами, дубами, вязами и лещинами, с включениями сосновых лесов. Также отмечены степные пространства [Немкова, 1978. С. 15, 25-26; 35-37].

Таким образом, споро-пыльцевые анализы, полученные непосредственно с памятников позднего энеолита Среднего Поволжья, не противоречат общей схеме изменения климата в конце атлантического – суббореальном периодах. В целом природные условия на рассматриваемой территории были близки современным.

1.2. Историография позднего энеолита

Вплоть до начала 50-х гг. XX в. материалы, предшествующие эпохе бронзы, происходящие с территории Среднего Поволжья, были весьма ограничены [Круглов, 1935. С. 134-135; Смирнов, 1952. С. 7-9; Мерперт 1958. С. 45-46]. Собственно позднеэнеолитические древности представляли собой отдельные фрагменты и небольшие коллекции керамики с узкого круга стоянок (Захар-Калма, Пензенские), чьи культурно-хронологические позиции были определены значительно позже [Халиков, 1969. С. 149; Васильев, 1976. С. 108-110; Васильев, 1978. С. 175; Ставицкий, 1992. С. 33-35].

В изучении позднего энеолита Среднего Поволжья выделяются три этапа: 1 этап – 50-60-е гг. XX в.; 2 этап – 70-е гг. XX - первая половина 90-х гг. XX в.; 3 этап – со второй половины 90-х гг. XX по настоящее время.

С 50-х гг. XX в. начинается целенаправленное изучение энеолитических памятников в северных районах Среднего Поволжья. В это время казанскими археологами получены полноценные источники по лесному энеолиту со стоянок Обсерватория III, Сумская I, Займище III и др. Первой попыткой осмысления новых материалов стала работа А.Х. Халикова, вышедшая в 1958 г. Автором была дана их характеристика, выявлена специфика, выразившаяся в фактуре, форме, орнаментации посуды, каменном инвентаре, жилищах. При этом указывалось на преемственность с местным неолитом, которая проявлялась, прежде всего, в керамике. Сравнивая энеолитические материалы Казанского Поволжья с неолитическими комплексами сопредельных территорий, автор отметил наибольшее сходство с волосовской культурой Поочья, а также с верхнекамским неолитом. При сопоставлении с материалами волосовской культуры А.Х. Халиков указывал на близость стоянок Сумская I и Обсерватория III с памятниками первого этапа развития указанной культуры, а Займище III - второго этапа. Затрагивая вопрос о происхождении волосовской культуры, исследователь склонялся к гипотезе о восточных истоках ее формирования на основе близких друг к другу неолитических памятников Прикамья и Казанского Поволжья. По мнению автора, волосовская культура Среднего Поволжья участвовала в сложении приказанской культуры эпохи бронзы [Халиков, 1958. С. 11-44].

Изучая вопрос о синхронизации культур лесостепи и леса в эпоху бронзы на территории Среднего Поволжья, Н.Я. Мерперт соотносил по времени указанные материалы с памятниками полтавкинского типа [Мерперт, 1958. С. 62-73].

Вывод о принадлежности средневожских энеолитических материалов к волосовской культуре был положительно встречен одним из основных ее исследователей - И.К. Цветковой, однако она была склонна относить их не к раннему, а к позднему этапу [Цветкова, 1960. С. 54].

В дальнейшем, в связи с накоплением новых материалов по волосовской культуре Среднего Поволжья (Майданская, Руткинская и другие стоянки, поселение Галанкина Гора), полученных Марийской археологической экспедицией в конце 50-х гг. XX в, была начата более детальная разработка проблемы ее внутренней периодизации. Было намечено три этапа в развитии средневолжских энеолитических древностей. На позднем этапе волосовская культура вместе с балахнинской участвует в качестве местного компонента в сложении чирковской культуры эпохи бронзы. Также был поднят вопрос о лесостепных истоках волосовской культуры. Основой для возникновения данной гипотезы стало антропологическое заключение о европеоидном типе погребенных, происходящих с ряда волосовских памятников Поочья. Также констатировалось отсутствие генетической связи волосовской культуры с местным неолитом [Халиков, 1960. С. 49-71].

На различия в каменном инвентаре памятников Волго-Окского междуречья и Среднего Поволжья указал В.П. Третьяков. Автор объяснял выявленную специфику различными источниками каменной индустрии данных регионов. По мнению исследователя, ареал собственно «волосовской» каменных орудий находится в пределах Волго-Окского междуречья, в Среднем Поволжье были восприняты лишь некоторые ее типы [Третьяков, 1965. С. 222].

Итоги изучения энеолитических памятников Среднего Поволжья в 50-первой половины 60-х гг. XX в. были подведены А.Х. Халиковым. Используя наиболее полно имеющийся на тот период корпус источников по волосовской культуре, автор затронул основные проблемы, связанные с ее генезисом. Происхождение энеолитических материалов им связывалось с волго-камским неолитом, однако не исключал влияния в западной части волосовского ареала балахнинской, рязанской и днепро-донецкой культур. Автор предложил трехчленную периодизацию волосовской культуры и датировал ее концом третьей четверти III тыс. – второй четвертью II тыс. до

н.э. Волосовская культура, по мнению исследователя, участвовала в сложении чирковской и приказанской культур эпохи бронзы [Халиков, 1966. С. 16-26; 1969. С. 127-176].

Изучение энеолитических памятников в лесостепной зоне в рассматриваемый период носило эпизодический характер. Пожалуй, из стационарных раскопок энеолитических памятников можно назвать только исследование В.Ф. Каховским поселения Челкасы I на р. Б. Цивиль в Посурье, отнесенное автором к кругу памятников волосовского типа. Материалы данного памятника не были опубликованы в полном объеме [Каховский, 1969. С. 146-147; Каховский, 1979. С. 9-14].

Начальный этап генезиса волосовской культуры в Среднем Поволжье рассмотрен В.П. Третьяковым, который предположил, что ее появление происходило при участии как волго-камского неолитического населения, так и носителей средневолжской ямочно-гребенчатой керамики [Третьяков, 1969. С. 41-43].

При публикации одного из опорных памятников Среднего Поволжья Майданской стоянки В.П. Третьяков затронул вопрос о ее датировке. В отличие от А.Х. Халикова, относивший данный памятник к раннему этапу волосовской культуры, автор видел ближайшие аналогии в материалах поселений Займище III, Панфилово (второй комплекс), Холомониха и датировал второй четвертью – серединой II тыс. до н.э. [Третьяков, 1970. С. 181].

О.Н. Бадер выделил в лесной зоне Восточной Европы в эпоху энеолита крупную волго-камскую этнокультурную область, в которую, наряду с турбинской и окской волосовской, входила средневолжская локальная культура. Склоняясь к гипотезе об уральском происхождении волосовской культуры, автор все же отмечал параллели с материалами нарвской и днепродонецкой культур, а также поселения Ракушечный Яр [Бадер, 1970. С. 38-39].

Таким образом, в рассматриваемый период была определена культурная принадлежность энеолитических материалов северных районов

Среднего Поволжья, начата разработка периодизации и прослежен финал, связанный со сложением чирковской культуры. Следует отметить, что первостепенное значение при решении культурно-хронологического положения энеолитических памятников севера Среднего Поволжья имели данные, полученные ранее для волосовской культуры Поочья [Брюсов, 1952. С. 72-86; Цветкова, 1952. С. 21-52] и гаринско-борской (турбинской) культуры Прикамья [Бадер, 1958. С. 49-60; 1961а; 1961б. С. 110-271]. Не решенными оставались вопросы о происхождении, статусе энеолитических средневолжских материалов и абсолютной хронологии. Лесостепной регион Среднего Поволжья в это время был изучен слабо. Об энеолите данной территории можно было судить по материалам ряда стоянок около г. Пензы и Захар-Калма, отнесенных к волосовской культуре.

Следующий этап, длившийся с 70-х до середины 90-х гг. XX в., знаменуется как значительными полевыми открытиями энеолитических памятников Среднего Поволжья, так и аналитическими разработками проблематики меднокаменного века указанного региона.

Целенаправленные работы по изучению волосовских памятников велись в Марийском Поволжье. Исследование Руткинского, Уржумкинского, Ахмыловского II, Мазарского I, Баркужерского III и других поселений значительно обогатили фактологическую базу и позволили более подробно проследить генезис волосовской культуры на севере Среднего Поволжья. В.В. Никитиным была предложена четырехчленная периодизация волосовской культуры на данной территории, дана характеристика каждого из этапов, отмечена специфика средневолжских памятников. Различия в материальной культуре волосовского населения Оки и Средней Волги объясняются влиянием местных традиций, наибольшее сходство проявляется на развитом этапе развития культуры. Волосовские памятники лесостепи имеют свою специфику и относятся к развитому этапу [Никитин, 1978. С. 21-44]. В.В. Никитин затронул вопрос о частичном сосуществовании поселений с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой с волосовскими

памятниками. Об этом свидетельствуют совместное залегание волосовской и гребенчато-ямочной посуды на ряде памятников и заимствование отдельных элементов культуры [Никитин, 1978. С. 193-200].

В лесостепном Поволжье в это время открываются стоянки Алексеевская [Васильев, 1977б. С. 66-76], II Старо-Елшанская, Старо-Елшанская береговая [Васильев, 1979. С. 7-9], на которых была выявлена серия посуды, имеющая аналогии в культурах лесного круга. Первой сводкой таких материалов является работа И.Б. Васильева, в которой были затронуты вопросы их культурной принадлежности, времени существования, а также синхронизации и взаимодействия лесостепных и лесных культур энеолита-бронзы. Энеолитические материалы «северного облика» были отнесены к волосовской культуре, и их появление в лесостепи объяснялось движением населения с основной своей территории. Исключением являлась Алексеевская стоянка, керамика которой сочетала в себе как волосовские, так и «древнеямно-среднестоговские» традиции. В схеме развития энеолита – бронзы лесостепи место данных памятников было определено между мариупольским и ямным временем, что соответствовало первой половине III тыс. до н.э. [Васильев, 1978. С. 169-184]. Такая датировка привела к противоречиям с традиционной хронологией лесного энеолита Среднего Поволжья.

По мнению И.Б.Васильева, процесс взаимодействия между южными и волосовской культурами имел место в эпоху бронзы, о чем свидетельствует появление на полтавкинской посуде такой орнаментации, как «шагающая гребенка», вертикальный зигзаг [Васильев, 1979а. С. 45-46].

К осмыслению волосовских материалов поселения Челкасы I обращается В.Ф. Каховский. Автор отнес данный памятник к позднему этапу развития культуры. Нахождение в одном слое волосовских и атликасинских материалов объяснялось исследователем контактами между энеолитическим и балановским населением [Каховский, 1977. С. 28-29].

В рассматриваемый период продолжена разработка проблематика локальных вариантов волосовской культуры. Своеобразным стимулом, подтолкнувшим специалистов к обращению к данной теме, стала статья А.Л. Никитина, в которой было поставлено под сомнение единство волосовских материалов. По мнению автора, памятники, рассматриваемые в качестве волосовских, подразделяются на две разновременные группы, имеющие свою специфику и происхождение [Никитин, 1974. С. 27-33]. Критический разбор данной работы проделан В.П. Третьяковым. Отстаивая единство волосовских древностей, автор не отрицал наличия локальных различий между ними. Так по керамике, по мнению исследователя, волосовские материалы подразделяются на средневожский, окский и северный варианты, по каменному инвентарю - на средневожский и волго-окский [Третьяков, 1975. С. 20]. Характеристике локальных вариантов волосовской культуры В.П. Третьяков посвятил отдельную работу. Автором отмечена специфика волосовской керамики и орудийного набора на Оке, Средней и Верхней Волге, а также в северных районах ее ареала; предпринята попытка построения общей для Волго-Окского междуречья и Среднего Поволжья периодизации на основании изменения форм и орнамента посуды. По его мнению, волосовская культура в своем развитии прошла четыре этапа, наиболее ранними памятниками являются средневожские памятники – стоянки Удельно-Шумецкая III и Токаревская, существовавшие раньше Майданской. Различия волго-окской и средневожской кремневой индустрии объяснялись различной основой ее сложения [Третьяков, 1979. С. 10-21]. Логическим продолжением разработки данной тематики стало предложение В.П. Третьякова об объединении волосовских и турбинских памятников в одну культуру с чувовским, осинским, средневожским, окским и верхневожским вариантами [Третьяков, 1981. С. 62-65].

Обращаясь к проблеме финала волосовской культуры, В.П. Третьяков отметил, что данная культура не являлась основным компонентом в

формировании приказанской, поздняяковской и чирковско-сейминской культур. Приказанская и поздняяковская культуры складывались при преобладании срубного компонента. Чирковско-сейминские древности образовались при заметном воздействии фатьяновско-балановского населения [Третьяков, 1978. С. 116-126].

В конце 70-х гг. коллекция лесостепных позднеэнеолитических материалов пополнилась керамикой Виловатовской и Ивановской стоянок, поселения Шигоны II.

Виловатовская стоянка дала посуду, сопоставимую с волосово-турбинской [Васильев, 1980а. С. 172]. Материалы Шигонского II поселения отнесены автором раскопок к волосовской культуре [Выборнов, 1980].

Исследования Ивановской стоянки показали более сложную картину развития культур в лесостепной полосе Волго-Уралья в энеолитическую эпоху. На данном памятнике, помимо воротничковой керамики и материалов, имеющих аналогии в волосовской культуре, была выделена группа энеолитической посуды, чья культурная атрибуция не была окончательно определена. Данная керамика, получившая впоследствии наименование турганинской, сопоставлялась с материалами памятников типа Русский-Азибей, Михайловское II, Репин Хутор, среднестоговской и кельтеминарской культур. На основании указанных аналогий она была отнесена к древнеямному времени. Этому выводу не противоречили и стратиграфические наблюдения на Ивановской стоянке, а именно совместное залегание воротничковой, «волосовской» и турганинской посуды в одном энеолитическом слое. При этом отмечалось наличие общих черт между ней и керамикой «волосовского типа», а также сходство с гребенчатой неолитической посудой Ивановской стоянки [Моргунова, 1980. С. 110-115].

В Верхнем Посурье В.П. Третьяковым было исследовано поселение Подлесное V. Автор отнес энеолитические материалы к волосовской культуре и предположил, что данный памятник принадлежит к ее особому лесостепному варианту [Третьяков, 1982. С. 188-183].

Итоги исследований в 70-х гг. эпохи энеолита в степной и лесостепной полосе были подведены И.Б. Васильевым. Автор выделил несколько линий развития позднеэнеолитических древностей на данной территории. В степной полосе в это время распространяются древнейшие подкурганные погребения типа Бережновки, памятники типа Репин Хутор, ареал которых частично заходил в лесостепь (Черемшанская, II Старо-Яблонская стоянки, Шигонское поселение). Лесостепные памятники Среднего Поволжья представлены стоянками с керамикой алексеевского, турганинского и волосовского или волосовско-турбинского типов. На основании сопоставления со схемой развития среднестоговской культуры, алексеевские материалы были отнесены ко второй, шнуровой стадии лесостепного энеолита. Наиболее сложным было установление культурной принадлежности памятников турганинского типа. Круг аналогий включал, помимо отмеченных Н.Л. Моргуновой материалов среднего слоя Михайловского поселения, алексеевские, волосовско-турбинские, кысыкульские и суртандинские древности. Было высказано предположение о рассмотрении турганинской керамики в качестве поселенческой раннеямной посуды лесостепного Заволжья. Материалы лесного облика соотносились с волосовско-турбинскими древностями без четкого деления. При этом указывалось на их хронологическую неоднородность и специфику, связанную с влиянием лесостепного мира. Было вновь высказано предположение о южных истоках волосовской культуры, которые виделись в позднехвалынских, алексеевских, турганинских материалах [Васильев, 1980б. С. 45-49; 1981. С. 43-66; 1985б. С. 62-65].

Значительное влияние на разработку проблемы генезиса волосовской культуры оказала гипотеза Д.А. Крайнова об её образовании в результате взаимодействия верхневолжского неолитического населения с носителями культуры ямочно-гребенчатой керамики. Преемственность с верхневолжской культурой автор наблюдал в орнаментации, примесях в тесте, типах костяных орудий, пластинчатой технике, с культурой ямочно-гребенчатой

керамики - яйцевидной форме сосудов, характере оформления венчиков, домостроительстве, орнаментации посуды и др. Результатом смешения верхневолжским неолитических и ямочно-гребенчатых традиций, по мнению Д.А. Крайнова, стало появление так называемой "протоволосовской" керамики, время существования которой определялось первой четвертью III тыс. до н.э. На Средней Волге процесс сложения волосовских древностей происходил при участии волго-камской культуры, близкой верхневолжской и культуре ямочно-гребенчатой керамики. Исследователь констатировал разновременность памятников, соотносимых с волосовской культурой лесостепного Поволжья, предположив, что их истоки восходят к местному неолиту, близкому верхневолжской и волго-камской культурам. Хронологические рамки волосовской культуры Д.А. Крайнов, на основании радиоуглеродных определений верхневолжских и прибалтийских энеолитических памятников, данных по палинологии Верхнего Поволжья, устанавливал в пределах середины III – конца первой четверти II тыс. до н.э., не исключая существования позднего волосова в восточных районах до середины II тыс. до н.э. [Крайнов, 1981. С. 8-17].

Динамике взаимодействия севера и юга в энеолитическое время была посвящена работа И.Б. Васильева и Р.С. Габяшева. По мнению авторов, указанный процесс прошел несколько этапов. Первый связан с влиянием самарской культуры на камский неолит, выразившийся появлении памятников типа Русский Азибей. На втором этапе фиксирует воздействие на лесной мир хвалынской культуры, с которым связываются возникновение ряда специфических признаков волосовской и, отчасти, гаринской посуды. На третьем этапе в лесостепи появляются памятники, содержащие синкретические материалы, включавшие раннеямный (Политотдельное, Репин Хутор) и волосовско-гаринские компоненты. При этом указывалось на ближайшие аналогии в Иско-Бельском междуречье. В ямное время взаимодействие между южными и северными культурами прекратилось и

возобновилось только в период существования памятников полтавкинского типа [Васильев, 1982. С. 9-13].

Характеристика волосовско-турбинской общности и вопросы ее соотношения с соседними культурными образованиями дана А.Х. Халиковым. Автор, на основании датировок по С14 для западных волосовских памятников, отнес волосовскую культуру к III тыс. до н.э. По мнению исследователя, волосовско-турбинская культура сложилась на волго-камской основе, при участии южного энеолита (могильники типа Хвалынского, поселенческие типа Ивановской, Виловатовской, Старо-Елшанской и др.) [Халиков, 1982. С. 24-28].

Энеолитические материалы со стоянок Гумерово, Месягутово, Средняя Ока и других бассейна р. Ай на северо-востоке Башкирии проанализированы Ю.А. Морозовым. Автор разделил их на три группы. Первая группа имела аналогии в суртандинских материалах, вторая в волосово-турбинских, третья – в кельтеминарских. При этом исследователь отмечал преобладание местных неолитических признаков в энеолите данной территории [Морозов, 1982. С. 79]. Представительная серия позднеэнеолитической керамики была получена Ю.А. Морозовым при исследовании Кара-Якуповской стоянки на р. Дема. Автор сравнивал данные материалы с древностями стоянок Средняя Ока, Мушта, Муллино IV, Сасыкуль [Морозов, 1984. С. 57].

Выделение особого сурско-мокшанского варианта волосовской культуры было обосновано В.П. Третьяковым. Основой послужили материалы памятников Имерка Ia, Ib, II, III, Ширингуши, Каргашинская I на Мокше и Старая Яксарка, Подлесное V, Черкасская I (Челкасы I по В.Ф.Каховскому) на Суре. Основываясь на подсчетах индекса родственности между керамическими и орудийными комплексами Среднего и Верхнего Поволжья, Поочья, Суры и Мокши, автор установил близость между средневолжских и сурско-мокшанских материалов. Специфику сурско-мокшанских волосовских древностей исследователь объяснял влиянием местной энеолитической культуры, выделенной на материалах Имерка V и

Новый Усад IV, и получившей название имеркской. Финал волосовской культуры на данной территории автор связывал с образованием чирковско-сейминской и приказанских древностей [Третьяков, 1990а. С. 16-29; 1990б. С. 52-65, 133-145; 1990в. С. 93-177].

В.В. Никитину принадлежит специальное исследование волосовских памятников Марийского Поволжья, где автор дал развернутую характеристику энеолитических древностей на данной территории.

Принципиально новым в изучении стало открытие памятников красноостовского типа. В.В. Никитиным было обосновано выделение данного типа, установлена близость с волго-камскими материалами типа Старо-Мазиково с одной стороны и ранневолосовскими типа Майданской стоянки с другой. По мнению исследователя, данный типологический ряд иллюстрирует процесс сложения волосовской культуры в Волго-Вятском междуречье на основе волго-камского неолита при участии средневолжского варианта культуры ямочно-гребенчатой керамики, образованного при заметном влиянии местного неолита [Никитин, 1983. С. 10; 1984. С. 31-43].

Несколько позднее памятники красноостовского типа были разделены В.В. Никитиным на две группы: дубовскую и, собственно, красноостовскую. В материалах первого типа, по мнению автора, преобладали волго-окские традиции, второго – камские. Также исследователь связывал некоторые элементы красноостовской и волосовской посуды (наколы, органические примеси) с влиянием носителей накольчатой керамики [Никитин, 1990б. С. 47-49].

На раннем этапе волосовская культура на севере Среднего Поволжья, по мнению В.В. Никитина, подразделяется на две группы. Первая представлена Токаревской и Шунангерской стоянками, с раковинной примесью в тесте и, тяготеющая к Правобережью Волги, генетически связана с западными волосовскими памятниками. Вторая, майданская, посуда которой содержит растительную примесь, имеет средневолжские истоки. Указанные группы имеют низкую степень сходства. Появление растительной

примеси в тесте посуды западных волосовских памятников автор объяснял процессом интеграции энеолитического населения Среднего Поволжья и Волго-Окского междуречья.

В.В. Никитин использовал данные по хронологии нео-энеолитических древностей Волго-Окского междуречья и Средней Вятки и датировал волосовские памятники Среднего Поволжья серединой III – началом II тыс. до н.э., не исключая существование финальноволосовских памятников в середине II тыс. до н.э.

Финал волосовской культуры, вслед за А.Х. Халиковым, автор видел в чирковских и приказанских древностях, но при этом отмечал, что проблема участия энеолитического населения в сложении приказанской культуры требует специального рассмотрения [Никитин, 1983. С. 5-20; 1991. С. 48-72].

Материалы лесостепи, ранее сопоставимые с волосовско-турбинской общностью, отнесены Н.Л. Моргуновой к особому токскому типу, синхронному самарской керамике второго, ивановского, этапа и восходившему истоками к безворотничковой посуде съезжинского могильника. Самарская культура, по ее мнению, принимала участие в формировании волосовской и гаринско-борской культур. К третьему этапу развития самарской культуры Н.Л. Моргунова отнесла материалы турганикского типа. Турганикское население контактировало с племенами волосовско-турбинской общности и суртандинской культуры [Моргунова, 1984а. С. 65-66; 1984б. С. 15-18].

И.Б. Васильев и П.Ф. Кузнецов, разрабатывая гипотезу о взаимодействии полтавкинского и лесного энеолитического населения, указали на то, что основной мотив, с которым связывается северное влияние, – шагающая гребенка - более характерен для гаринской керамики, нежели для волосовской. Также было отмечено сходство между полтавкинской и кротовской культурами. Авторы высказали предположение о продвижении южного населения в полтавкинское время в северные районы Среднего Поволжья [Васильев, 1988. С. 54-56].

Во второй половине 80-х гг. XX в. в бассейне реки Сок были изучены памятники с поздними энеолитическими материалами (Большая Раковка II, Гундоровка, Попово озеро, Чесноковка II). Предварительные результаты изучения опубликованы И.Б. Васильевым. Автор затронул вопросы культурной атрибуции и происхождения памятников с северными чертами лесостепного Заволжья. Исследователь согласился с выделением токского типа, однако не счел возможность связать воротничковую и часть безворотничковой посуды Турганикской стоянки с керамикой волосовско-гаринского облика. Касаясь вопроса о происхождении памятников токского типа, И.Б. Васильев осторожно подходил к гипотезе об импульсе с северных территорий, лишь отмечая наибольшее сходство с материалами Нижнего Прикамья и Приуралья, и не исключал существование местной неолитической основы токского типа. По его мнению, к лесным культурам близка керамика Гундоровского поселения. Автор указывал на аналогии в материалах красноостовского типа, раннего и развитого волосова. Вопрос о происхождении гундоровских древностей решался не однозначно, и было предложено несколько вариантов: прямое продвижение со Средней Волги, формирование на близкой основе, результат активного взаимодействия. Автор констатировал присутствие в лесостепи гаринских и новоильинских материалов, однако их характеристика не была дана. И.Б. Васильев высказал предположение, что турганикский тип входит, наряду с кысыкульскими, суртандинскими, терсекскими и ботайскими древностями, в состав историко-культурной области лесостепной и степной полосы Южного Урала и Северного Казахстана, существующей одновременно с ямной и волосовско-гаринской общностями [Васильев, 1990. С. 52-69].

Б.С. Соловьевым разрабатывалась гипотеза об участии волосовской культуры в процессе формирования чирковской. На ряде исследованных им памятников Марийского Поволжья поздневолосовская керамика залегала на дне жилищных котлованов с балановской и «валиковой» посудой. Фиксировались переходные формы между данными типами керамики.

Исследователь считал, что процесс взаимодействия поздневолосовского и балановского населения и носителей «валиковой» керамики проходил в первой половине II тыс. до н.э. [Соловьев, 1987. С. 82-85; 1989. С. 85-86; 1990. С. 39-52; 1991. С. 46-64].

В начале 90-х гг. В.В. Ставицким проведены работы по изучению энеолитических памятников в Верхнем Посурье. Было повторно исследовано поселение Подлесное V [Ставицкий, 1995б. С. 141], изучено поселение Грабово I, в материалах последнего отмечалось смешение волосовских и имеркских черт [Ставицкий, 1995а. С. 133-134].

Проведя подсчет индекса родственности между гундоровской и волосовскими орнаментальными композициями, Н.В. Овчинникова пришла к выводу о наибольшей близости Гундоровского поселения с памятниками средневолжского варианта волосовской культуры, что являлось, по ее мнению, следствием передвижения населения с Марийского Поволжья в лесостепь. Указывалось и своеобразие гундоровской посуды, которое выразилось в «S-видной профилировке некоторых сосудов, редким оформлением венчиков в виде воротничков, расположении ямок под венчиком, густом заполнении орнаментального поля, большим процентом содержания «шагающей» гребенки», но при этом отмечалось доминирование лесных черт (Г- и Т-образные венчики, вертикальная зональность орнаментации, рамчатые штампы и др.) [Овчинникова, 1991. С. 89-93].

Публикуя материалы II Большераковской стоянки, П.П. Барынкин и Е.В. Козин основной энеолитический комплекс памятника сравнивали с гаринско-борской посудой, в то же время в круг аналогий включали памятники, относимые другими исследователями к токсскому, турганикскому, алексеевскому и алтатинскому типам. Основываясь на стратиграфии памятника, исследователи отметили более позднее хронологическое положение волосовской керамики относительно гаринско-борской [Барынкин, 1991. С. 113-116].

Вновь обращаясь к протоволосовской проблематике, В.В. Никитин обратил внимание на территориальные различия между памятниками красноостовского типа. Так, поселения с преобладанием волго-окских традиций, расположены в западной части Марийского Поволжья, а материалы с камскими чертами тяготеют к восточной ее части. Автор высказал предположение о сосуществовании ямочно-ребенчатой керамики с органическими примесями с посудой красноостовского и дубовского типов [Никитин, 1993. С. 80-83].

Л.А. Наговицин включил памятники красноостовского типа в новоильинскую культуру, считая, что они принадлежат к ее западному, средневожскому варианту. По мнению исследователя, в Среднем Поволжье известны только ранние новоильинские памятники и нет поздних, непосредственно предшествующих ранневолосовским материалам [Наговицин, 1993. С. 73-74].

Н.Л. Моргунова акцентировала внимание специалистов на близость тоцкого типа с волосовской посудой Гундоровского поселения, а также на хронологический приоритет данных материалов по сравнению с лесными параллелями, что дало основание вновь высказать предположение о формировании части признаков волосовской культуры в лесостепи. Н.Л. Моргунова выступила против объединения турганикских и зауральских материалов, указав на различия между ними [Моргунова, 1995. С. 78-80].

В монографии, посвященной каменному веку Марийского Поволжья, В.В. Никитин несколько изменил свою точку зрения на вопрос о происхождении волосовской культуры. По мнению исследователя, в качестве ее основы следует считать балахнинских племена, испытывающие сильное влияние волго-камского населения, при определенном содействии носителей накольчатой посуды. По аналогии с протоволосовским этапом Волго-Окского междуречья, автор датировал памятники красноостовского типа первой половиной III тыс. до н.э. [Никитин, 1996. С. 147-151].

Основные итоги изучения позднего энеолита Среднего Поволжья в рассматриваемый период можно свести к следующему: было обосновано выделение особого локального варианта волосовской культуры в лесной полосе Среднего Поволжья, выявлен пласт памятников красномостовского типа, установлено его культурно-хронологическое положение, уточнена периодизация волосовской культуры, получена дополнительная аргументация в пользу гипотезы об участии волосовской культуры в сложении чирковской, намечены основные направления культурного развития в постхвалынское время в лесостепной полосе.

Одновременно с изучением волосовской культуры Марийского Поволжья и позднего энеолита лесостепи активно шел процесс исследования близких им культурно и хронологически материалов в сопредельных регионах. Среди памятников Приуралья к таковым относятся стоянки Давлеканово на р. Деме, в бассейнах рек Белая и Ик – Муллино, Бачки-Тау I, II, Сауз I-IV, Игимская, Золотая Падь II, Дубовогривская II, III, Русская Азибейская I, III и др. Начало изучения данных памятников приходится на несколько ранний хронологический промежуток, а именно начало 60-х гг. XX в. Полученные материалы не однородны. Одна их часть была сопоставлена с «флажковыми» комплексами Прикамья [Выборнов, 1984а. С. 13; Габяшев, 1994. С. 27-29], другая – с гаринскими [Выборнов, 1984а. С. 14; Обыденнов, 1978. С. 160-168] или волосовско-гаринскими древностями [Габяшев, 1978б. С. 148-159; 1994. С. 31]. Была высказана точка зрения о бытовании здесь особой агидельской культуры эпохи энеолита [Матюшин, 1982. С. 228-232], не получившая поддержки специалистов [Васильев, 1985а. С. 280-290]. В бассейне р. Вятки выявлены памятники, содержащие материалы новоильинской (Кочуровское IV, Среднее Шадбегово I, Аркуль I) и юртиковской (Юртик, Аркуль III, IV, Усть-Лудяна II) культур [Наговицин, 1983. С. 5-24]. Активно изучались волосовские памятники на Верхней Волге [Крайнов, 1987. С. 10-28], Поочье [Цветкова, Кравцов, 1982. С. 88-94; 1988.

С. 86-99] и Примокшанье [Третьяков, 1990в. С. 93-177]. В Саратовском Поволжье на материалах стоянок Алтата, Монахов I, Первомайское, Пшеничное был выделен алтатинский тип памятников [Юдин, 1989].

Таким образом, благодаря усилиям целого коллектива исследователей к середине 90-х гг. XX в. была сформирована солидная источниковая база и создана достаточно подробная картина позднеэнеолитической поры Среднего Поволжья. Однако нерешенными оставались вопросы о культуροопределяющих признаках лесостепных материалов, о соотношении древностей «северного облика» со своими лесными аналогами. Дальнейшей разработки требовала проблема абсолютной хронологии.

В середине 90-х гг. XX в. интерес к позднеэнеолитическому времени снижается, и рассматриваются лишь отдельные аспекты данной проблематики.

В.В. Сидоров и А.В. Энговатова, разрабатывая гипотезу о валдайском происхождении волосовской культуры, интерпретировали материалы Самарского Поволжья в качестве ранневолосовских, имеющих свою специфику, связанную с воздействием местного населения. Именно указанные материалы, по мнению исследователей, послужили источником формирования восточной ветви волосовской культуры [Сидоров, 1996. С. 179].

Следует отметить полномасштабные работы по изучению позднеэнеолитических материалов в Примокшанье проводимые А.И. Королевым и В.В. Ставицким в 90-е гг. XX в. в результате которых были получены полноценные источники для памятников волосовской и имеркских культур (Волгапино, Имерка VIII, Широмаcово II, Машкино I, II). На исследованном А.И. Королевым поселении Имерка VIII была выявлена среднестоговская керамика, залегавшая в одном слое с волосовскими материалами. Данное обстоятельство, наряду находками сосудов с общими чертами, дало основание для предположения о сосуществовании волосовских и среднестоговских племен [Королев, 1996. С. 119-131].

Н.В. Овчинникова затронула вопрос о причинах появления носителей волосовских, гаринских и новоильинских материалов в Самарском Поволжье. По ее мнению, данный процесс связан с оскудением промысловой базы на основной территории, вызванной похолоданием в первой половине – середине III тыс. до н.э. [Овчинникова, 1997. С. 206-208].

Н.В. Овчинникова, продолжая работу с материалами Гундоровского поселения, исключила из волосовской коллекции посуду с воротничковым оформлением венчика и орнаментированной шагающей гребенкой, тяготевшую к пятому жилищу, и отнесла ее к самарской культуре. По мнению автора, данная керамика является поселенческой посудой раннеэнеолитического населения [Овчинникова, 1999. С. 97-105].

Материалы Верхнего Посурья проанализированы А.И. Королевым. Вслед за В.П. Третьяковым автор рассматривал их в рамках сурско-мокшанского варианта волосовской культуры. Однако из числа волосовских была исключена коллекция стоянки Старая Яксарка как не соответствующая основным признакам данной культуры и отнесена к древностям среднестоговского типа. После работы со статистическими данными из числа основных волосовских памятников Суры, в первую очередь Мокши, обособились материалы поселения Подлесное V, которые наряду с волосовским комплексом Нового Усада IV отнесены к завершающему этапу развития культуры в данном регионе и датированы рубежом III-II тыс. до н.э. На керамике Подлесного V А.И. Королев отмечал некоторые черты характерные для имеркской культуры. Дальнейший процесс взаимодействия волосовской и имеркской культур отражает поселение Грабово I. Вопрос об источниках появления волосовских древностей на территории сурско-мокшанского междуречья не был решен окончательно, поскольку подсчет индекса родственности коллекций с данного региона и сопредельных территорий, проводимый по отдельным памятникам, указал на близость с материалами как Оки, так и Марийского Поволжья [Королев, 1998а. С. 306; 1999б. С. 6-15; 2000. С. 342; 2002. С. 332-341].

Характеристика позднеэнеолитических материалов Самарского Поволжья была дана И.Б. Васильевым и Н.В. Овчинниковой в ряде работ. Авторы фиксировали в лесостепи присутствие древностей волосовской, гаринской, новоильинской культур, а также токского, алексеевского, турганикского, репинского типов. Токские и алексеевские материалы воспринимались авторами как особые культурные типы, несшие в себе в различной степени «лесные черты». В материалах алексеевского типа читались, помимо волосовских, признаки среднестоговской и репинской посуды. Аналогии материалам токского типа отмечались в памятниках бельского типа и объяснялись смешением волосовского и гаринского населения [Васильев, 2000б. С. 84; 2000в. С. 229-238; Овчинникова, 2000. С. 326-335; 2001. С. 54-55; 2006. С. 298-300]. Материалы «лесного облика» являлись одним из компонентов в формировании древностей вольско-лбищенского типа [Овчинникова, 2001. С. 55]. Сохранилась гипотеза о воздействии хвалынской культуры на лесной энеолит [Васильев, 2003. С. 72], взаимодействии носителей лесных энеолитических материалов с племенами ямной и полтавкинской культур и влиянии последней на формирование памятников типа Галанкина Гора [Васильев, 2000г. С. 18-19, 35-36].

Б.С. Соловьевым поселения завершающего этапа волосовской культуры Марийского Поволжья выделены в особый тип памятников, названный им по наиболее изученному II Выжумскому поселению. Время существования выжумских материалов исследователь определил первой третью II тыс. до н.э., не исключая бытования с «симбиозными балановско-волосовскими памятниками типа Галанкиной Горы» [Соловьев, 2000].

В течение ряда лет проводятся исследования Ховринского поселения в Посурье под руководством А.В. Вискалина, давшие материалы лесного и лесостепного облика. Лесной компонент памятника сопоставлялся с древностями позднего этапа волосовской и отчасти имеркской культур [Вискалин, 2002б. С. 66-67]. Лесостепные аналогии включали материалы позднего этапа днепро-донецкой культуры, культуры воронковидных кубков,

позднего Триполья [Вискалин, 2003. С. 212], катакомбной, иванобугорской, абашевской, воронежской, полтавкинской культур [Вискалин, 2002а. С. 376-377]. Наличие в материалах синкретических черт позволило более обосновано говорить о взаимодействии племен эпохи бронзы и позднеэнеолитического населения на территории Посурья [Вискалин, 2006. С. 200].

В.В. Сидоров рассматривая вопрос о финале волосовской культуры, указал на совпадение ее ареала с территорией распространения культуры сетчатой керамики. По мнению исследователя, волосовская культура является основным компонентом в сложении культуры сетчатой керамики, в том числе на Средней Волге и в Сурско-Мокшанском междуречье. В.В. Сидоров склонен приуменьшать участие волосовской культуры в процессе образования чирковских древностей, считая, что элементы чирковской керамики, выводимые из волосовских материалов, заимствованы из абашевской культуры. Появление утолщенного венчика с наплывом, плоских днищ и металлургии в поздних волосовских комплексах автор связывал с влиянием имеркской культуры [Сидоров, 2002. С. 326-330].

С.В. Богданов к позднему энеолиту степного Приуралья относил керамику токсского и турганикского типов, сосуды с ямочной орнаментацией и «редуктивными воротничками» Ивановской стоянки, а также находки из разрушенных могильников в окрестностях Новоорска [Богданов, 2004. С. 244-246].

В последние годы В.В. Ставицким активно разрабатывается вопрос о влиянии на энеолит Среднего Поволжья и Прикамья среднестоговской культуры. Со среднестоговским наследием степного и лесостепного Поволжья автор связывает древности алтатинского и алексеевского типов, которые при воздействии носителей воротничкой и токсской керамики, а затем камского населения легли в основу гаринско-борской энеолитической культуры. Исследователь расширил ареал памятников алтатинского типа, включив в него материалы Посурья (Русское Труево II, Старая Яксарка, Усть-Кадада I, Инерка I и II). Свое продолжение на Суре алтатинские

традиции получают в материалах поселений Грабово I, Ховрино и стоянки Подлесное V. Автор, указав на своеобразие указанных памятников, поставил вопрос об их самостоятельном статусе. На основании аналогий металлическим предметам ховринского поселения в материалах трипольской культуры В.В. Ставицкий датирует поздний энеолит Посурья рубежом IV-III тыс. до н.э. Автор не исключает возможность появления профилированной посуды в волосовской культуре на развитом этапе ее развития в результате воздействия среднестоговского населения [Ставицкий, 2002. С. 91-103; 2003. С. 138-154; Ставицкий, 2006. С. 108; 2006б. С. 22-27, 30; 2006в. С. 192-195; 2008а. С. 49-56; 2011. С. 229-233].

Вопрос о соотношении средневолжской волосовской культуры с культурами эпохи бронзы рассмотрен С.В. Большовым. Автором выделен типолого-хронологический горизонт волосовских поселений, который выходит на горизонт погребений с сосудами с геометрическим орнаментом абашевских, балановских и атликасинских могильников. Верхняя его граница маркируется керамикой с валиком и «змейкой» чирковских поселений, а в Самарском Поволжье керамикой вольско-лбищенского типа. С.В. Большов скептически отнесся к выделению Б.С. Соловьевым выжумского типа, указав, что основные его характеристики совпадают с характеристиками волосовских материалов позднего и переходного этапа, выделенными В.В. Никитиным [Большов, 2006. С. 87, 118-120].

Исследование технологии изготовления керамики токского и турганикского типов Ивановской и Турганикской стоянок проведено И.Н. Васильевой. В результате ею было установлено, что развитие гончарных технологий указанных групп происходило в рамках традиций присущих лесостепному региону Волго-Уральского междуречья в эпоху энеолита [Васильева, 2006. С. 23].

Позднеэнеолитическая керамика «с внутренним ребром», выделенная в конце 80-х гг. XX в. И.Б. Васильевым на материалах Гундоровского поселения [Васильев, 1986. С. 19], но не получившая своего освещения в

печати, опубликована А.И. Королевым и Н.В. Овчинниковой. Авторы дали характеристику наиболее представительному керамическому комплексу, происходящему с Гундоровского поселения, очертили круг близких ему материалов, локализующийся в пределах бассейна рек Уса, Сок и Самара, указали на параллели в турганинской, хвалынской, поздней саратовской, лбищенской посуде и датировали его ямным временем, высказали предположение о среднестоговском источнике его формирования [Овчинникова, 2006. С. 299-300; Королев, 2009в. С. 296-304],

Проведены исследования технологии изготовления каменных орудий ряда позднеэнеолитических памятников лесостепной зоны (Гундоровка, Чесноковка II, Новая Деревня) [Горащук, 2004. С. 157-159; Березина, 2006. С. 62-66].

Вновь обращаясь к проблеме происхождения волосовской культуры и ее распространения, В.В. Сидоров указывает на присутствие в волосовских материалах бассейна р. Сок ряда приуральских признаков (наплыв на внутренней стороне венчика, «шагающая гребенка») [Сидоров, 2006. С. 170]. Необходимо указать, что обсуждение вопроса о происхождении волосовской культуры активно обсуждается в специальной литературе. Е.Л. Костылевой и А.В. Уткиным была высказана гипотеза о восточно-прибалтийской родине волосовской культуры [Костылева, 1998. С. 53-57; Уткин, 2006. С. 124-125]. Приоритет культуры ямочно-гребенчатой керамики в процессе сложения волосовской материалов отстаивает В.В. Никитин [Никитин, 2008. С. 152-156; Никитин, 2011. С. 213-217].

Давая культурно-хронологическую атрибуцию энеолитического комплекса стоянки Елшанка XI на р. Свияге А.В. Вискалин видит аналогии в материалах токского и турганинского типов и в большей степени гаринско-борской и юртиковской культурах [Вискалин, 2008. С. 48-49].

О.Д. Мочалов, проведя анализ орнаментации погребальной керамики полтавкинской культуры и сопоставив ее с материалами сопредельных территорий, указывает на ряд аналогий в декоре посуды эпохи позднего

энеолита – ранней бронзы лесных районов Среднего Поволжья [Мочалов, 2008. С. 85-86].

Иную позицию по данному вопросу занял В.В. Ставицкий, который склонен связывать появление «лесной» орнаментации на полтавкинской посуде не с волосовской, а с валиковой керамикой Марийского Поволжья [Ставицкий, 2008б. С. 64].

Дальнейшая разработка проблем культурно-хронологического соотношения позднеэнеолитических материалов Самарского Заволжья стала возможна после изучения стоянки Чекалино IV в 2007 г. А.А. Выборновым, А.И. Королевым, А.Е. Мамоновым, О.Д. Мочаловым, А.А. Ластовским. Поздний энеолит памятника представлен керамикой двух типов. Первая имеет аналогии в лесных энеолитических культурах, а вторая сопоставима с посудой «с внутренним ребром». Были получены радиоуглеродные даты, указывающие на их бытование в последней трети IV тыс. до н.э. Очерченный круг аналогий керамики «лесного облика» включал материалы токсского типа, ряда памятников Приуралья (Бачки-Тау, Муллино, Кусимовская), а также отчасти новоильинской, ранней волосовской и гаринской культур. Была поддержана точка зрения о формировании некоторых признаков лесных энеолитических культур в лесостепной зоне [Королев, 2008а. С. 1256-1260; 2009б. С. 285-291; 2011. С. 219-228]. Вновь была высказано предположение о сложении керамики с «внутренним ребром» в Самарском Заволжье под влиянием среднестоговской культуры при некотором участии поздней самарской [Королев, 2008а. С. 1256-1263; Королев, 2009а. С. 190-196].

Коллективом исследователей ведутся исследования позднеэнеолитических памятников в Посурье. В 2005 г. Н.С. Березиной изучена стоянка Новая Деревня, содержащая материалы развитого и позднего этапа волосовской культуры [Березина, 2009а. С. 150]. В 2006-07 гг. Н.С. Березиной, А.В. Вискалиным, А.А. Выборновым, В.В. Ставицким проведены раскопки на поселения Утюж I в Посурье. Результаты исследования 2006 г. опубликованы [Березина, 2007. С. 16; Вискалин, 2009.

С. 53-54]. В 2008-09 гг. совместной экспедицией ЧГИГН и СГПУ (ПГСГА) под руководством О.В. Лоцмановой и Н.С. Березиной изучено поселение Утюж V.

В последние годы ведется апробация методики радиоуглеродного датирования по керамическому материалу. Для энеолитических памятников Среднего Поволжья появилась серия определений по С14 в целом подтверждающая соотношение комплексов эпохи раннего металла данного региона [Моргунова, 2009. С. 6-25; Моргунова, 2010б. С. 18-26; Королев, 2010. С. 256-259]. Данные по абсолютной хронологии позволили вновь обратиться к проблеме синхронизации лесных, лесостепных и степных культур в эпоху энеолита - бронзового века Среднего Поволжья. Сопоставление радиоуглеродных датировок токсского типа с данными по С14 волосовской и гаринско-борской культуры позволило Н.Л. Моргунову прийти к выводу о хронологическом приоритете лесостепных памятников. Древности турганикского типа рассматриваются автором в качестве постэнеолитических, имеющих свои истоки в материалах токсского типа. По мнению автора, процесс энеолитизации лесных районов Среднего Поволжья происходил под влиянием хвалынской, а затем ямной культур. Под влиянием последней в лесных культурах появилась такие инновации как примесь раковины в посуде, профилированность сосудов, металлообработка, производящее хозяйство [Моргунова, 2010а. С. 184-193].

Таким образом, в рассматриваемый период исследователей привлекали следующие аспекты: происхождение гаринской и волосовской культур и их возможные лесостепные истоки, культурная принадлежность позднеэнеолитических древностей Посурья, соотношение волосовской культуры с культурами эпохи бронзы и финал волосовской, технология изготовления посуды и орудий, периодизация и хронология позднего энеолита. Наиболее дискуссионными являются вопросы, связанные с культурно-хронологическим положением позднеэнеолитических материалов, их соотношением между собой и с древностями сопредельных территорий.

1.3. Методика изучения и состояние источниковой базы исследования

В исследовании использованы типологический, стратиграфический, планиграфический, картографический методы. Для обработки массового материала применялся статистический метод. В работе использовались определения по C^{14} , выполненные в Радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины Н.Н. Ковалюхом и В.В. Скрипкиным. Также учтены данные технологического изучения энеолитической керамики, осуществленные И.Н. Васильевой.

При работе с керамическим материалом за основу была взята методика, разработанная Н.Н. Гуриной для неолитической посуды [Гурина, 1988. С. 4-6]. При характеристике сосудов учитывались: отолщитель глины, толщина стенок, обработка поверхности, форма, срез края, отгиб венчика, форма днища, орнаментация. Венчики разделены на закрытые, прямые, Т-образные, слабоотогнутые наружу (до 30°), среднеотогнутые (30° - 60°), сильноотогнутые и Г-образные (60° - 90°). Орнаментация исследовалась на четырех структурных уровнях (элемент, мотив, зона, композиция). Под элементом понимался отдельный оттиск орнамента. При определении того или иного вида орнамента использовались результаты экспериментов по моделированию орнаментов [Семенов, 1955. С. 137-144; Коробков, 1958. С. 54-59; Калинина, 2000. С. 263-267; Костылева, 2002. С. 248-256]. Мотив рассматривался как сочетание отпечатков одного-двух видов орнамента, зона – сочетание горизонтальных, вертикальных, диагональных рядов мотива, композиция – орнаментация целого сосуда. В археологической литературе существуют альтернативные трактовки уровней орнаментации [Волкова, 1996. С. 335; Цетлин, 2008. С. 19-20], однако, необходимо отметить, что при разночтении в терминологии их содержание практически совпадает. Также следует учитывать, что работа проводилась с сильно фрагментированными сосудами, происходящими с поселенческих памятников, что накладывало свой негативный отпечаток на выделение всех

уровней орнаментации.

Для выявления сходства между керамическими комплексами использовалась формула $C=a+d/L$, где a – количество признаков, присутствующих на обоих объектах, d – количество признаков, одновременно отсутствующих на обоих объектах, L – общее число альтернативных признаков [Федоров-Давыдов, 1987. С. 144]. Выбор именно указанной формулы из числа предложенных в археологической литературе [Телегин, 1977. С. 60-61; Третьяков, 1984. С. 67-70; Федоров-Давыдов, 1987. С. 143-145] вызван следующими причинами. Для ряда коллекций используемых в работе не даны данные о процентном соотношении деталей декора и форм сосудов отсутствуют. Позднеэнеолитическая керамика, в силу специфики изготовления по сравнению с посудой неолита или эпохи бронзы, сохраняется плохо, имеет разреженную орнаментацию, достаточно вариативный набор элементов орнамента и характер оформления края сосуда. Это приводит к тому, что тот или иной признак, нередко значимый для интерпретации комплекса, например рамчатый или ячеистый штампы, Т- и Г-образные венчики, присутствует в единственном числе. Учитывая данные обстоятельства, все зафиксированные на керамике и использованные для подсчета коэффициента сходства признаки рассматриваются как равнозначные, что позволяет ограничиться фиксацией их присутствия или отсутствия в коллекции. Также немаловажно проводить работу по одной формуле. Подсчет степени сходства проводился как для отдельно взятой коллекции (Гундоровка), так и для локальных групп памятников. Полученные парные коэффициенты сходства выносились в таблицы, а затем в графы. Сопоставление с памятниками из других выделенных групп или с материалами сопредельных территорий проводилось попарно без построения общих графов. При подсчете коэффициента сходства учитывались элементы и мотивы орнамента, форма венчика и, по возможности, днища сосудов.

Работа с каменными орудиями строилась на основе классификации кремневых изделий разработанной Д.Я. Телегиным на материалах мезолита-

неолита степной зоны Украины [Телегин, 1978. С. 35-57]. Немаловажную роль к обращению именно к данной классификации стало то обстоятельство, что она уже применялась для характеристики каменного инвентаря волосовской культуры Марийского Поволжья [Никитин, 1987. С. 21-31]. При классификации наконечников стрел в качестве опоры выбрана трехступенчатая градация, разработанная Н.Н. Гуриной [Гурина, 1978].

Наблюдения над стратиграфией и планиграфией ряда памятников позволили установить локализацию позднеэнеолитических материалов в пределах раскопа, что было актуально для многослойных поселений.

Картографический метод использовался для выявления ареала распространения позднеэнеолитических памятников в пределах Среднего Поволжья, а также реконструкции возможных путей передвижения населения в рамках, как указанной территории, так и смежных районов.

Особое внимание в данном исследовании будет уделено анализу радиоуглеродных определений полученных по органике из керамической посуды в Киевской радиоуглеродной лаборатории. Данная методика освещена в печати [Выборнов, 2008. С. 64-71; Зайцева, 2008. С. 217-219]. Работа с датами по C14 осуществлялась согласно рекомендациям опубликованными Г.И. Зайцевой [Зайцева 2004 С. 11-13]. Калибровка дат проводилась по программе OxCal 3.10.

Данные по изучению технологии керамики позволяют установить сырье, рецепт составления формовочных масс, конструирование и формообразование древней посуды [Бобринский 1978]. Поскольку изучение технологии позднеэнеолитической керамики происходящей с территории Среднего Поволжья не было систематическим, данные о характере гончарства на всех стадиях производства на завершающем этапе меднокаменного века ограничены.

Работа осуществлялась на основе ряда теоретических методов исторического исследования. Историко-сравнительный метод способствовал выявлению общего и частного в характере развития позднего энеолита

Среднего Поволжья. Историко-генетический метод применялся при раскрытии свойств и изменений в процессе исторического движения, а также установлении причинно-следственных связей и закономерностей на завершающем этапе меднокаменного века Средневожского региона. Принцип историзма позволил рассмотреть поздний энеолит в динамике его развития, связях с предшествующим временем, взаимодействии с однородными явлениями сопредельных регионов, влиянии на культуры эпохи бронзы.

В Марийском Поволжье на 2006 г. учтено около 140 памятников содержащих волосовские материалы из них на 33 проводились раскопки [Никитин, 2009]. Наиболее полное представление о материальной культуре энеолитического населения на данной территории можно получить по следующим памятникам: Ахмыловское II, Баркужерское III, Выжумское II, Мазарское I, Майданская стоянка, Майданское II, III, IV, Маркитан II (Марьер), Мольбище III, Отарское XVIII, Паратское XII, Руткинское, Сутырское V, Торганово III (Большая Гора), Удельно-Шумецкое III, VI, Уружумкинское. Помимо указанных памятников раскопки проводились в разные годы на поселениях Барские Кужеры I, II, Красный Мост III, IV, Кривое Озеро, Мазарское II, Майданское VI, Маркитан I (Шордоер), Ошутьялы II, Сокольный I, Сутырское I, II, стоянках Кокшайская IV, Кокшамарская II, Токаревская. Информация о данных памятниках ограниченная, либо они содержат малое количество рассматриваемых в данном исследовании материалов.

На Ахмыловском II поселении во время полевых сезонов 1969-71, 1973-74 гг. была вскрыта площадь свыше 2000 кв. м. и изучено восемь построек относящихся к волосовской культуре. Первое жилище содержало 6700 фрагментов керамики примерно от 160-170 сосудов, 370 каменных предметов, 55 из которых являлись орудиями. Информации о количестве сосудов, происходящих из второго жилища, не имеется. Каменных орудий здесь собрано 15 экземпляров. С третьего жилища происходит около 2000

фрагментов керамики и 30 каменных орудий. В жилища четвертого жилища найдено 3360 фрагментов примерно от 120 сосудов, 67 орудий и 220 отходов производства. В пятом жилище обнаружено 1830 обломков посуды происходящих около 70 сосудов и 111 номеров каменных предметов. Материалы шестого жилища малочисленны и представлены около 100 фрагментами керамики, 3 отщепами, молотом и каменной наковальней. Керамика седьмого жилища насчитывает 950 фрагментов от 50-60 сосудов. Каменный инвентарь представлен 172 экземплярами. В восьмом жилище обнаружено 685 фрагментов керамики от 50-60 сосудов и 86 каменных предметов. В небольшом количестве на памятнике найдены фрагменты ямочно-гребенчатой и балановской керамики [Никитин, 1977. С. 41-87].

На Баркужерском III поселении в 1976 г. В.В. Никитиным исследовано 6 жилищ давших свыше 5000 фрагментов керамики от 123 сосудов, 700 орудий труда, 70 заготовок, 90 кусков сырья, 2450 отщепов и сколов. Также на памятнике обнаружена неолитическая керамика [Никитин, 1982].

Исследования на Выжумском II поселении проводились в 1958 г. Е.В. Стояновым и в 1971 г. Г.А. Архиповым и В.В. Никитиным. С памятника происходит коллекция ямочно-гребенчатой и энеолитической керамики. Обломки посуды эпохи раннего металла насчитывают 2000 экземпляра от 76-78 сосудов. На памятнике собрано 100 каменных орудий и отщепов с обработкой [Халиков, 1960. С. 76; Архипов, 1984а. С. 13-23; Соловьев, 2000. С. 18].

На Мазарском I поселении Г.А. Архиповым и В.В. Никитиным осуществлялись стационарные раскопки в 1975 г. Было изучено два волосовских жилища и собрано 1215 фрагментов керамики от 50-52 сосудов и 1122 каменных предмета, 272 из которых являлись орудиями. Помимо волосовской посуды с поселения происходит накольчатая, ямочно-гребенчатая, балановская и приказанская керамика [Архипов, 1981. С. 174-191].

Раскопки Майданской стоянки проводились в 1958, 1961, 1966, 1974, 1977 гг. В результате было исследовано шесть жилищ. Коллекция данного

памятника насчитывает 718 каменных орудий, 4600 фрагментов керамики от 350 сосудов. Помимо энеолитической посуды с памятника происходит небольшая серия ямочно-гребенчатой керамики [Никитин, 1996. С. 134-137].

Одно жилище изучено на Майданском II поселении в 1977 г. Г.А. Архиповым и В.В. Никитиным. Коллекция насчитывает 500 фрагментов от 21 сосуда, 51 орудие [Архипов, 1987. С. 27-28].

На Майданском III поселении раскопано два жилища, давших 325 фрагментов керамики от 60 сосудов и 172 орудия [Архипов, 1987. С. 33-35].

Коллекция Майданского IV поселения состоит из 815 фрагментов керамики от 26 сосудов и 64 орудий. На памятнике изучено одно жилище [Архипов, 1984б. С. 20-31].

На стоянке Маркитан II (Марьер) в верхних слоях памятника в 1976 г. В.В. Никитиным обнаружено около 1000 фрагментов волосовской керамики от 30 сосудов. Нижний слой стоянки представлен материалами культуры ямочно-гребенчатой керамики. Орудийный набор насчитывает 56 единиц [Никитин, 1990а. С. 15-17].

На поселении Мольбище III в 1986-87 гг. А.И. Шадриным исследовано четыре жилища. По данным Б.С. Соловьева с памятника происходит 67 сосудов и 12 орудий [Шадрин, 1989. С. 87-78; Соловьев, 2000. С. 19-20].

На Отарском XVIII поселении раскопки проводились В.В. Никитиным в 1991 г. На поселении было исследовано одно жилище и получены 871 фрагмент керамики, из которых 96 венчиков и 18 днищ, а также 47 каменных орудий. Помимо энеолитических находок на памятнике присутствовала накольчатая и ямочно-гребенчатая керамика [Никитин, 1992].

Паратске XII поселение изучалось А.А. Выборновым, С.А. Глущенко и А.И. Королевым в 1995 г. Было исследовано одно жилище. Полученная коллекция составила 685 каменных предметов, из которых 71 орудие и 560 фрагментов керамики примерно от 35 сосудов [Выборнов, 2000. С. 299-312].

Руткинское поселение раскапывалось в 1958 г. А.Х. Халиковым и в 1969-70 гг. Г.А. Архиповым и В.В. Никитиным. Всего изучено 5 построек. Керамический материал насчитывает около 2500 единиц, 300 из них – венчики. Коллекция каменных предметов представлена 320 экземплярами, 106 из которых орудия [Халиков, 1960. С. 51-55; Архипов, 1978. С. 64-89].

Сутырское V поселение изучалось в 1986 и 2000 гг. В 1986 г. было исследовано одно жилище, в 2000 г. три. Памятник содержит неолитические, энеолитические материалы и находки эпохи бронзы. В 1986 г. было собрано 1663 фрагмента посуды эпохи раннего металла от 13 сосудов, а также 282 каменных предмета, из которых 68 являлись орудиями. В 2000 г. коллекция волосовской керамики пополнилась материалами раннего и позднего этапа развития культуры [Большов, 1989. С. 183-190; Соловьев, 2000. С. 19; Выборнов, 2000. С. 28-35].

Б.С. Большовым в 1991 г. на поселении Торганово III (Большая Гора) изучено два волосовских жилища. Обломки посуды эпохи раннего металла насчитывали 1155 экземпляра, из которых 89 венчиков и 7 днищ. Каменный инвентарь насчитывал 1049 единиц. На памятнике отмечена гребенчатая, ямочно-гребенчатая керамика и находки эпохи бронзы [Большов, 1995].

Верхний, волосовский слой Удельно-Шумецкой III стоянки, исследованной А.Х. Халиковым, содержал 700 фрагментов керамики от 35-40 сосудов и 9 каменных орудий. В нижнем слое данного слоя залегала ямочно-гребенчатая керамика [Халиков, 1960. С. 60-62].

Удельно-Шумецкое VI поселение изучалось в течение полевых сезонов 1987, 1990, 1992 гг. В данной работе использовались данные о раскопках 1987 и 1992 гг. Всего изучено шесть построек относящихся к волосовской культуре. В 1987 г. было получено 595 фрагментов энеолитической керамики от 21 сосуда и 50 орудий труда. Коллекция 1992 г. насчитывает 886 фрагментов керамики и 96 орудий. Более ранние находки с данного памятника представлены ямочно-гребенчатой керамикой [Никитин, 1990. С. 8-10; 1992].

Исследования Уржумкинского поселения проводились в 1968, 1970, 1973 гг. Раскопки четырех жилищ дали 5250 фрагментов керамики от 215 сосудов и 1165 каменных орудий, 455 из которых являлись орудиями. В небольшом количестве на памятнике присутствовала ямочно-гребенчатая керамика и посуда эпохи бронзы [Архипов, 1977. С. 5-40].

Таким образом, значительная часть источников по меднокаменному веку Марийского Поволжья происходят с однослойных памятников и памятников с основным энеолитическим комплексом, что дает возможность для сопоставления не только керамического материала, но и жилищ и орудийного набора.

Среди памятников Казанского Поволжья наибольший интерес вызывает стоянка Сумская I давшая 800 фрагментов волосовской керамики и 103 орудия труда. Верхний слой памятника содержал материалы эпохи бронзы [Халиков, 1958. С. 24].

К однослойным памятникам Посурья относится поселение Русское Труево II. В.В. Ставицким на данном памятнике изучено одно жилище, давшее 240 каменных орудий, 440 фрагментов керамики примерно от 11 сосудов [Ставицкий, 2002. С. 91-103].

К памятникам с позднеэнеолитическими жилищами, но имеющие инокультурную примесь, следует отнести поселения Грабово I, Новая Деревня, Утюж I, V, Ховрино.

На поселении Грабово I в Верхнем Посурье в 1990 г. В.В. Ставицким изучено полностью два жилища и одно частично. К энеолитической керамике отнесено 680 фрагментов и 10 развалов. Коллекция каменных орудий насчитывает 260 орудий. Помимо энеолитических материалов на памятнике отмечены находки неолита и эпох бронзы [Ставицкий, 1995 С. 123-136].

На поселении Новая Деревня в 1995 г. Н.С. Березина частично вскрыла два жилища. На памятнике собрано 436 каменных орудий, неолитическая и позднеэнеолитическая керамика. Посуда эпохи раннего металла происходит примерно от 13 сосудов [Березина, 2009а, С. 140-161].

Поселение Утюж I исследовалось в 2006 и 2007 гг. Наряду с комплексами неолита, раннего энеолита и средневековья были получены позднеэнеолитические материалы. Рассматриваемая в данной работе керамика происходит от 7 сосудов выделенных по венчикам. Одна часть посуды сосредоточена в заполнении крупной хозяйственной ямы перерезающей край льяловского жилища, другая рассеяна по площади раскопа. К позднеэнеолитическому времени отнесены следы от одной постройки изученной в 2007 г. На поселении собрано около 500 каменных орудий [Березина, 2007. С. 15-16; Вискалин, 2009. С. 53-54; Вискалин, 2008].

Изучение поселения Утюж V велось в 2008 и 2009 гг. На памятнике отмечены остатки четырех построек и собраны материалы эпохи неолита, энеолита и средневековья. Керамика эпохи раннего металла из обоих раскопов насчитывает примерно 500 фрагментов. По венчикам выделяется 24 сосуда. Морфологически на памятнике выделено около 80 орудий [Березина, 2010].

На поселении Ховрино исследовано шесть жилищ. В 1994 г. вскрыто было два жилища и получено 700 фрагментов от 18-20 сосудов и 204 орудия. В 1999 г. исследование изучено три жилища. Находки насчитывали 1300 фрагментов от 27 сосудов, 2546 каменных орудий из которых со следами обработки около 300 экземпляров. В 2004 г. исследовано одно жилище и обнаружено около 2000 фрагментов керамики от 32 сосудов и 130 каменных предметов. На памятнике выделен мезолитический комплекс [Вискалин, 2002б. С. 373-374; 2003. С. 210-211; 2006. С. 194].

Стоянками Посурья со смешанным культурным слоем являются Ерня, Подлесное V, Усть-Кадада, Утюжский Бугор, Черненькое Озеро III.

Стоянка у озера Ерня входит в число Пензенских стоянок изученных в конце 20-х гг. XX в. Н.И. Спрыгиной. Материалы данного памятника опубликованы В.В. Ставицким. К волосовской культуре исследователь отнес около 100 фрагментов примерно от 20 сосудов. Помимо материалов эпохи энеолита на памятнике отмечена накольчатая, гребенчатая и ямочно-гребенчатая керамика [Ставицкий, 1992 С. 33-35].

На стоянки Подлесное V работы проводили В.П. Третьяков и В.В. Ставицкий. Позднеэнеолитическая керамика данного памятника насчитывает 250 фрагментов от 16 сосудов. Памятник содержит также находки неолита [Третьяков, 1982. С. 193; Ставицкий, 1995б. С. 141; Королев, 1999б. С. 25].

Небольшая серия позднеэнеолитической керамики происходит со стоянки Усть-Кадада на Верхней Суре. По венчикам выделяются 6 сосудов. На памятнике присутствуют материалы эпохи неолита [Ставицкий, 2007 С. 209].

В 2010 г. Н.С. Березиной и В.В. Ставицким на поселении эпохи неолита-энеолита Утюжский Бугор выявлена керамика волосовского облика принадлежащая 9 сосудам. Часть данной посуды залегала совместно со скоплением костей медведя (определение А.Ю. Березина).

На стоянки Черненькое Озеро III керамика эпохи раннего металла насчитывает 252 фрагмента от 10 сосудов. Нижний горизонт памятника содержал материалы эпохи неолита [Березина, 2010б. С. 66-67].

Необходимо отметить два позднеэнеолитических развала полученных разведкой А.И. Королева и В.В. Ставицкого на правом берегу р. Утюж напротив поселения Утюж I. Данный памятник получил название «Стемасы», однако согласно карте Ю.Б. Новикова хранящейся в Алатырском краеведческом музее и опубликованной Н.С. Березиной, А.Ю. Березиным и А.В. Коноваленко, на указанной территории находится поселение Утюж III [Королев, 2008в. Рис. 103; Березина, 2010а. рис. 12]. Интересна находка А.И. Королева позднеэнеолитического сосуда на берегу Молебного Озера. Один развал сосуда обнаружен Н.С. Мясниковым у «Китай-Озера» в 1 км к юго-востоку от с. Сыреси Порецкого района в ходе разведок 2009 г. [Мясников, 2009]

Интерес вызывает стоянка Елшанка XI на р. Свияге, в верхнем слое памятника А.В. Вискалиным обнаружено 600 фрагментов от 15 позднеэнеолитических сосудов, 271 каменных предметов, 59 из которых имеют вторичную обработку [Вискалин, 2008. С. 39-49].

Памятники, содержащие материалы позднего энеолита Самарского Поволжья относятся к памятникам со смешанным культурным слоем. Среди них первостепенное положение по информативности занимает Гундоровское поселение. Памятник содержит материалы неолита, раннего энеолита (хвалынская и воротничковая ивановского типа), эпохи бронзы (вольско-лбищенская, срубная) и железа (выползовский тип). На памятнике исследовано пять соединенных между собой энеолитических жилищ. Авторами раскопок четыре отнесено к волосовской культуре, одно к самарской. Керамическая коллекция позднего энеолита насчитывает 584 сосуда и включает посуду «волосовского облика», воротничковую типа Лебяжинки III и «с внутренним ребром». С поселения происходит представительная серия каменных и костяных орудий [Васильев, 1990. С. 63-67; 2000в. С. 231-236; 2003. С. 68-69 Овчинникова, 1991. С. 89-98; 1998. С. 288-299; 1999. С. 97-105; 2000. С. 326-333; Горашук, 2004. С. 155-161; Королев, 2008б. С. 148-151; 2009в. С. 297-303; Шалапинин, 2010. С. 135-139].

Исследования стоянки Чекалино IV проводились в 1988-91 и 2007 гг. На памятнике прослежена достаточно четкая стратиграфия. Нижний слой содержал материалы раннего неолита, верхний – энеолита. Керамика энеолитического слоя делится на три группы. Первая включает посуду с воротничковым оформлением венчика, вторая керамику «с внутренним ребром», третья – «лесного облика». Судя венчикам, керамика второй группы насчитывает 45 сосудов, третьей – 28 сосудов. По материалам раскопок 2007 г. каменный инвентарь энеолитического слоя насчитывает 415 предметов [Мочалов, 2008].

На стоянке Большая Раковка II среди материалов неолита, энеолита и эпохи ранней бронзы выделена серия позднеэнеолитической керамики, насчитывающая по данным П.П. Барынкина и Е.В. Козина 1500 фрагментов от 90 сосудов. При работе с коллекцией данного памятника удалось выделить по венчикам 73 сосуда. Каменный инвентарь стоянки насчитывает 400 единиц [Барынкин, 1991. С. 94-119].

К стоянкам со смешанным культурным слоем относится Чесноковская II стоянка. Здесь выявлены материалы неолита, раннего и позднего энеолита, эпохи бронзы. Позднеэнеолитическая керамика Чесноковской II стоянки делится на две группы. Первая, соотносимая с посудой «лесного круга» на момент работы с коллекцией насчитывала 116 фрагментов. Основываясь на публикации и знакомстве с коллекцией, по венчикам можно выделить восемь сосудов. Также по орнаментации можно отметить десять сосудов. Вторая группа представлена двумя сосудами «с внутренним ребром». Коллекция камня насчитывает 2414 единиц, из которых 431 орудие [Бахарев, 1991 С. 72-93].

На поселении эпохи бронзы Попово Озеро обнаружено 32 фрагмента позднеэнеолитической керамики [Кузьмина, Мамонов, Семенова, Овчинникова, 1988].

Со стоянки неолита-ранней бронзы Лебяжинка IV происходит восемь позднеэнеолитических сосудов.

На Вилатовской стоянке авторами раскопок среди материалов неолита-энеолита выделено 20-25 сосудов позднеэнеолитического времени [Васильев, 1980а. С. 172].

К позднему энеолиту в свое время были отнесена часть материалов Шигонского II поселения [Выборнов, 1980. С. 15-16; Васильев, 2000в. С. 236]. Судя по отчету о раскопках данного памятника, керамика, сопоставляемая с волосовской посудой, имеет ряд специфических черт. К таковым следует отнести профилировку сосудов. Большинство из них имеют цилиндрическую шейку и раздутое тулово. Автором раскопок отмечена примесь шамота в тесте данной керамики. Орнаментация простая и универсальная, состоящая из горизонтальных рядов наклонных оттисков гребенчатого или гладкого штампа, зигзага, рядов ямок. Керамика Шигонского II поселения по своим характеристикам ближе материалам эпохи бронзы, поэтому в данной работе она использоваться не будет.

Поскольку в лесостепи практически отсутствуют однослойные

позднеэнеолитические памятники, а число поселений с полужакрытыми комплексами невелико, основное внимание в работе будет уделено керамическому материалу. Анализ каменного инвентаря будет носить вспомогательную роль.

ГЛАВА II. ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЗДНЕЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ АТТРИБУЦИИ ЛЕСОСТЕПНЫХ ПАМЯТНИКОВ

2.1. Позднеэнеолитические комплексы Самарского Поволжья

Одной из основных проблем в изучении позднего энеолита Самарского Поволжья является выявление грани между «волосовской» и воротничковой керамикой на Гундоровском поселении. Если первоначально основной исследователь Гундоровского поселения, Н.В. Овчинникова включала часть воротничковой посуды в волосовскую коллекцию, то позднее она пересмотрела свою точку зрения, и отнесла сосуды с воротничковым оформлением венчика и «шагающей гребенкой» по аналогии с материалами поселения Лебяжинка III к самарской культуре. Однако материалы данного памятника специфичны и вызывают различные трактовки у специалистов [Овчинникова, 1991. С.89; Овчинникова, 1995. С. 164; Васильев, 2000в. С. 22; Ставицкий, 2002. С. 101]. Жилище № 5 Гундоровского поселения, к которому тяготеют сосуды, орнаментированные шагающей гребенкой, соединено переходом с постройкой № 3, отнесенным Н.В. Овчинниковой к волосовской культуре [Овчинникова, 2000, С. 326] (рис. 4). Керамика «волосовского типа» и посуда с шагающей гребенкой и воротничковым оформлением венчика толстостенная имеет примесь раковины и пера в тесте. На ряде сосудов гундоровской керамики заметно сочетание признаков. Так шагающая гребенка и ряды ямок под венчиком присутствуют на сосуде баночной формы и Т-образном венчике, вертикальная шагающая гребенка отмечена на сосуде с Г-образным венчиком, серия Г-образных венчиков происходит от сосудов с прикрытым горлом и округлым туловом (рис. 5). Указанные наблюдения позволяют предположить, что материалы Гундоровского поселения являются единым комплексом.

В основу данного исследования были положены данные о 80 развалах (венчики и крупные стенки, на основании которых возможно

реконструировать более одной трети формы сосуда) и 398 безворотничковых венчиков и 72 венчиков с воротничковым оформлением (Табл. 1-2; Рис. 5-11. В ранее опубликованной нами работе количество выделенных сосудов было несколько меньшим [Шалапинин, 2010. С. 135-139]. Увеличение числа исследуемых сосудов стало возможным после дальнейшей камеральной обработки керамики и работы с архивными материалами.

Изучение технологии ряда фрагментов гундоровской керамики проведенное Н.П. Салугиной, показало, что сосуды изготовлены из пластичной ожелезненной глины, с добавлением в тесто дробленной раковины и птичьего пера. Конструирование проводилось на форме-основе с применением лоскутного наклепа [Овчинникова, 2000. С. 330]. Цвет поверхности коричневый, на заизвесткованных участках серый.

Поскольку шагающая гребенка встречается на волосовской керамике основного ареала распространения культуры (Ахмылово II, Рутка, Панфилово, Сахтыш I, II, VIII, Майданское IV, VI, Удельно-Шумецкое VI поселение, Токаревская стоянка), а судя по реконструкциям сосудов, выполненных В.В.Никитиным [Никитин, 1991. рис. 42, 46, 50], В.В. Сидоровым [Сидоров, 2002. С. 323-325], А.И. Королевым [Королев, 2006. С. 37-58] для данной культуры характерны слабопрофилированные формы, была предпринята попытка сопоставления внутри гундоровской коллекции по формам сосудов. На основании 80 развалов выделено пять групп сосудов:

I группа. Бесшейные сосуды, насчитывают 17 экземпляров или 22 % от общего числа рассматриваемых развалов. Венчики данных сосудов имеют отогнутый внутрь (1 экз.), прямой (8 экз.), отогнутый наружу (3 экз.) и Г-образные края (5 экз.). Сосуды данной группы чаще всего орнаментированы гребенчатым штампом средней длины. Встречаются также оттиски короткого и длинного гребенчатого, рамчатого штампа, округлая и спаренная ямка, отпечатки веревочки. Наиболее распространенными орнаментальными мотивами являются горизонтальные ряды наклонно поставленного штампа, которые присутствуют на сосудах со всеми выделенными типами венчиков.

Горизонтальные ряды косо поставленного штампа, горизонтальные линии, вертикальная шагающая гребенка присутствует на сосудах с прямым и Г-образным венчиком. Остальные мотивы единичны. Сочетания орнаментальных мотивов на керамике данной группы следующие: горизонтальные ряды наклонно поставленных оттисков присутствуют на сосудах вместе с горизонтальной линией, неоконтурными ромбами, решеткой, шагающая гребенка с горизонтальным зигзагом ямок, крестами, горизонтальными линиями.

II группа. Сосуды с низкой шейкой и диаметром горла примерно равным диаметру тулова насчитывают 11 экземпляров (13 %). Три венчика сосудов данной группы без утолщения, восемь с утолщением. Сосуды данной группы орнаментировались коротким, средним, длинным гребенчатым, рамчатым штампами, веревочкой, которые образовывали мотивы в виде горизонтальных рядов наклонно поставленных оттисков, горизонтального зигзага, вертикальных рядов наклонно поставленных оттисков, шагающей гребенки, горизонтальных рядов прямо поставленных отпечатков рамчатого штампа, горизонтальных рядов оттисков веревочки и др. Для орнаментации данной группы не характерно сочетание различных видов орнамента, за исключением одного случая (гребенчатый и рамчатый штамп). Сочетания орнаментальных мотивов на керамике данной группы следующие: шагающая гребенка и вертикальные ряды наклонно поставленного штампа, горизонтальный зигзаг и неоконтурные ромбы или кресты и др. Мотивы в виде горизонтальных рядов наклонно поставленных оттисков, горизонтальный зигзаг характерны для сосудов с округлым утолщением. Мотивы в виде шагающей гребенки и вертикальных рядов наклонно поставленных оттисков встречены на сосудах с утолщением и плоским срезом.

III группа. Сосуды с высокой шейкой и диаметром горла примерно равным диаметру тулова (8 экземпляров) (10 %). Сосуды данной группы по форме венчиков подразделяются на три группы. Венчики первой группы не имеют утолщения (4 экз.), венчики с Г-образным утолщением (2 экз.),

венчики с овальным утолщением (2 экз.). Орнаментация сосудов данной группы выполнена коротким, средним гребенчатым и рамчатыми штампами. Два сосуда не имеют орнаментации. Для сосудов данной группы не характерно сочетание различных элементов орнамента. Орнаментальные мотивы следующие: решетка, шагающая гребенка, зигзаги, наклонные ряды штампа, горизонтальные и вертикальные ряды наклонно поставленного рамчатого штампа. На сосудах III группы отмечено сочетание следующих орнаментальных мотивов: зигзаг и горизонтальные ряды наклонно поставленного штампа, горизонтальные ряды прямо поставленного и горизонтальные и вертикальные ряды наклонно поставленного рамчатого штампа.

IV группа. Сосуд открытых пропорций (1 %). Венчик данного сосуда имеет утолщение и плоский срез. Орнаментация выполнена гребенчатым штампом средней длины, оттиски которого образуют мотивы в виде шагающей гребенки, вертикальные и горизонтальные ряды наклонно поставленного штампа.

V группа. Сосуды с шейкой и диаметром горла меньше диаметра тулова насчитывают 43 экземпляра (54 %). Венчики сосудов данной группы делятся на: венчики без отгиба наружу с плоским или округлым срезом (4 экз.), отогнутые наружу венчики с плоским или округлым срезом (16 экз.), венчики с утолщением округлым и плоским срезами (20 экз.), Г-образные венчики (2 экз.), приостренный венчик (1 экз.). Сосуды данной группы орнаментированы двузубым, коротким, средним, длинным гребенчатыми штампами, ямками и веревочкой. Наиболее встречаемыми являются гребенчатые штампы средней длины, оттиски которых присутствуют на сосудах всех выделенных подгрупп. Среди орнаментальных мотивов наиболее распространенными являются горизонтальные ряды наклонно поставленных оттисков, шагающая гребенка, пояски ямок. Орнаментальные мотивы образуют следующие сочетания: шагающая гребенка и горизонтальные ряды прямо поставленных оттисков гребенчатого штампа, горизонтальные ряды наклонно поставленного штампа средней и короткой

длины, шагающая гребенка и пояски ямок, шагающая гребенка и вертикальные ряды наклонно поставленных оттисков.

Общим орнаментом для выделенных групп керамики являются: средний прямой узкий, средний прямой средней ширины гребенчатые штампы. Короткий прямой средней ширины гребенчатый штамп редок, но присутствует на керамике I, II, III, V групп. Оттиски длинного прямого средней ширины гребенчатого штампа, округлые ямки, отпечатки веревочки отмечены на сосудах I, II, V групп. Рамчатыми штампами орнаментировались сосуды I, II и III групп. Двухзубый штамп, короткий изогнутый гребенчатый штамп средней ширины присутствует только на сосудах с раздутым туловом и узким горлом.

Общими орнаментальными мотивами являются горизонтальные ряды наклонно поставленных оттисков и шагающая гребенка. К мотивам встречаемым на сосудах четырех групп следует причислить решетку и вертикальные ряды наклонно поставленных оттисков. К мотивам встреченным на сосудах трех групп относятся горизонтальные ряды прямо поставленных оттисков, горизонтальные линии и зигзаг, неоконтуренные ромбы, наклонные ряды гребенчатого штампа, горизонтальные ряды прямо поставленных отпечатков рамчатого штампа и горизонтальные ряды отпечатков веревочки (Табл. 5).

Подсчет индекса родственности по элементам орнамента, орнаментальным мотивам и пучку признаков между четырьмя наиболее репрезентативными группами, показал, во-первых, относительно низкие коэффициенты сходства между выделенными группами, что можно объяснить тем, что многие элементы и мотивы встречаются на одном – двух сосудах. Во-вторых, наибольшее сходство наблюдается между керамикой I и II групп, а затем между посудой I и II групп с сосудах V группы. Керамика III группы обособилась от основной массы рассматриваемой посуды, что, возможно, вызвано незначительной серией данной посуды (Табл. 3; Рис. 25).

Из 398 венчиков отогнутых внутрь 1 %, прямых 12 %, с утолщением на внешнюю сторону 26 %, открытых 2 %, слабоотогнутых 44 %, среднеотогнутых 11 %, сильноотогнутых и Г-образных 3 %, Т-образных 1 %. Орнаментировано 74 % венчиков (Рис. 9). Преобладают гребенчатые оттиски, которые представлен следующими разновидностями: короткий прямой 18,2 %, короткий изогнутый 8,6 %, прямой средней ширины 32 %, средний изогнутый 11,4 %, средний широкий 4,9 %, средний с часто поставленными зубцами 2,7 %, длинный узкий 4 %, длинный средней ширины 0,9 %, длинный широкий 1,5 %, двузубый 1,8 %, длинный крупнозубый 0,6 %. Рамчатые штампы имеют два ряда и прямые (1,8 %) или округлые (2,4 %) края. Веревоочная орнаментация составляет 2,1 %. Ямочные вдавления включают отпечатки эпифиза 0,9 %, спила косточки 1,2 %, ямки с неровным дном 2,1 %, ямки с ровным дном 0,9 %, мелкие ямки с ровным дном 1,5 %. Выделено 44 орнаментальных мотивов (Табл. 5). Наиболее распространенными мотивами являются горизонтальные ряды наклонно и прямо поставленного гребенчатого штампа, горизонтальные ямки, неоконтуренные ромбы, шагающая гребенка и их сочетания. Остальные мотивы единичны.

Днища сосудов принадлежащих данному комплексу округлые или уплощенные.

Воротничковые венчики Гундоровского поселения [Королев, 2008. С. 148-151] слабо и средне отогнуты наружу и резко отделены от тулова, один с внутренним ребром (Табл. 6; Рис. 10-11). По форме воротничка венчики можно разделить на пять групп. Первая (10 экземпляров) – с широким основанием и узким верхним краем воротничка, высота которого до 3 см, толщина до 1,5 см. С внутренней стороны желобок зафиксирован в пяти случаях. Вторая группа – воротнички прямоугольной формы, с высотой от 1,2 до 3 см (26 экземпляров). У пяти имеется внутренний желобок. Третью группу составляют венчики с овальным воротничком с внешней стороны (11 экземпляров). Из них 4 с желобком. Девятнадцать венчиков имеют

подквадратный воротничок (из них 2 с желобком). Шесть венчиков имеют слабо выраженный воротничок, из которых один со слегка заметным желобком. С внешней стороны венчика в 24 случаях нанесены наклонные ряды гребенчатого штампа, в 1 – зигзаг, остальные не имеют рисунка. Пять венчиков орнаментированы по срезу гребенкой (4 наклонными рядами, 1 шагающей гребенкой). У трех сосудов украшена внутренняя сторона. В одном случае шагающая гребенка, в двух – наклонные ряды гребенчатого штампа. Под венчиком на пяти сосудах имеются ямочные вдавления. Тулово украшалось в основном гребенчатым штампом (короткий (5 %), средний (60 %), средний широкий (14 %), длинный (5 %), крупнозубый (1 %)): шагающей гребенкой - 9, горизонтальный зигзаг - 1, вертикальный зигзаг - 2, вертикальная елочка -1, горизонтальные линии – 1, неоконтуренные ромбы – 2, сочетание шагающей гребенки с наклонными рядами 1, в двух случаях орнамент не читается. Доля сосудов ямками составляет 8 % от числа орнаментированных венчиков. Также на двух фрагментах заметны оттиски веревочки (3 %). Данная группа близка по фактуре, примесям в тесте, орнаментации (шагающая гребенка, зигзаг, елочка, неоконтуренные ромбы) и видами орнаментов (гребенчатый штамп, веревочка, ямки) к основной массе энеолитической керамики Гундоровского поселения. Однако на ней нет оттисков рамчатого штампа, отпечатков спила полой косточки, эпифиза. При подсчете индекса родственности по элементам, мотивам орнамента и пучку признаков между воротничковой керамикой и четырьмя наиболее крупными группами сосудов было определено, что она имеет примерно одинаковые и относительно высокие коэффициенты сходства с сосудами II, III, V групп.

К гундоровской посуде примыкают два сосуда со стоянки Большая Раковка II. Их объединяет фактура, примесь в тесте, горшковидная форма, оформление венчика, орнаментация (Рис. 13, 2-3). Близок к Гундоровке по форме, характеру оформления края венчика, орнаментации сочетающей короткий и длинный гребенчатый штампы сосуд со стоянки Лебяжинка IV.

Основной позднеэнеолитический керамический комплекс II Большераковской стоянки (Рис. 14-16), который, судя по венчикам, насчитывает 68 сосудов. Керамика имеет толщину от 0,7 до 1 см. В тесте примесь раковины. На ряде сосудов с внутренней стороны заметны следы расчесов. Сосуды прикрытых и прямостенных форм с округлыми и уплощенными днищами. Венчики с утолщением внутрь, прямые, с утолщением на внешнюю сторону, слабо- и среднеотогнутые наружу. Подавляющее число венчиков имеет орнамент (91 %). Срез орнаментирован у 42 % венчиков, из которых 87 % орнаментированы гребенчатым штампом, 9 % подпрямоугольными ямками, 2 % двойными ямками, 2 % веревочкой. Внешняя сторона керамики орнаментирована двузубым (0,6 %), коротким прямым узким (20 %), коротким изогнутым узким (3 %), коротким прямым средней ширины (15 %), ячеистым (4 %), коротким овальным (1 %), средним прямым узким (9%), средним прямым средней ширины (0,6 %), длинным прямым узким (16,6 %), длинным прямым средней ширины (4 %), длинным прямым широким (0,6 %), округлой ямкой (4 %), овальной ямкой (10 %), продолговатой ямкой (1 %), аморфной ямкой (2 %), подпрямоугольной ямкой (1 %), сдвоенными ямками (1 %), веревочкой (6 %), гладким штампом (0,6 %). Среди орнаментальных мотивов преобладают горизонтальные ряды прямо- и наклонно поставленного штампа, горизонтальные линии, зигзаг, пояски ямок. Орнаментальные мотивы образуют следующие сочетания: горизонтальный зигзаг и ряды наклонно и прямо поставленного штампа, сочетание горизонтальных рядов наклонно поставленного короткого и среднего или длинного гребенчатого штампов, ряды ямок и горизонтальные ряды наклонно поставленного штампа, горизонтальные линии и горизонтальные ряды наклонно или прямо поставленных оттисков штампа и др.

Керамика «лесного облика» стоянки Чекалино IV (Рис. 17-19). Цвет керамики серо-коричневый, толщина стенок варьирует от 0,6 до 1,2 см, но в среднем равна 0,9 см. Визуально определена примесь раковины, ее количество в сосудах неодинаково, отсюда различна и прочность

фрагментов. На внутренней стороне нередко заметны следы расчесов крупнозубым гребенчатым штампом. Посуда имеет баночную и котловидную форму. Днища округлые или округло-вогнутые. Венчики прямые (64 %), слегка отогнутые наружу (31 %) и Т-образные (5 %). Часто по срезу нанесен орнамент, что придает им скошенный вид. Посуда орнаментирована гребенчатым штампом (короткий прямой средней ширины (28 %), короткий изогнутый средней ширины (5 %), средний прямой средней ширины (10 %), длинный прямой средней ширины (2 %), длинный прямой широкий (4 %), ямками (овальными спаренными (4 %), прямоугольными (4 %), округлыми (2 %), овальными (16 %), треугольными (2 %), серповидными (2 %), аморфными (2 %)), ячеистыми штампами (15 %), веревочкой (4 %). Серповидные оттиски могли быть получены тупым концом наклонно поставленного белемнита или спилом трубчатой кости. Орнаментальные мотивы, выполненные гребенчатым штампом следующие: горизонтальные полосы, ряды наклонно или прямо поставленных оттисков штампа, диагональные ряды оттисков, горизонтальный, вертикальный зигзаг. Специфичен сосуд украшенный линиями и рисунками в виде следов птичьих лап. Отпечатки ямок образуют двойные или тройные горизонтальные ряды, горизонтальный зигзаг, диагональные ряды и. Ямочными вдавлениями выполнен орнитоморфный рисунок, выше которого нанесены горизонтальные полосы крупного гребенчатого штампа. Оттиски ячеистого штампа образуют горизонтальные ряды и полосы, горизонтальный зигзаг и полосы. Встречается сочетание различных мотивов орнамента на одном сосуде, а также сочетания гребенчатого и ямочного, гребенчатого и веревочного оттисков.

Посуда «лесного облика» Чесноковской II стоянки на момент работы с коллекцией насчитывала 116 фрагментов (Рис. 20-23). Цвет керамики коричневый. Толщина стенок варьирует от 0,6 до 1,2 см, но в среднем равна 0,9 см. Визуально в тесте отмечена примесь раковины. Основываясь на публикации и знакомстве с коллекцией, по венчикам выделяются восемь

сосудов. Также по орнаментации можно отметить десять сосудов. Судя по венчикам, посуда данной группы имела подпрямоугольную форму с прямым (87 %) или слегка отогнутым во внутреннюю (13 %) сторону краем. Семь венчиков орнаментировано по срезу. В коллекции имеется два округлых днища. Орнамент выполнен коротким узким (17 %), коротким широким ячеистым (27 %), гладким (17 %), серповидным (5 %) штампами, веревочкой (11 %), насечками (6 %), подпрямоугольными (6 %) и овальными (11 %) ямками. Орнаментальные мотивы следующие: горизонтальные ряды прямо и наклонно поставленных отпечатков, горизонтальные линии, горизонтальный зигзаг, наклонные ряды оттисков.

Подсчет индекса родственности (Табл. 4; Рис. 26) между коллекциями Гундоровского поселения, стоянок Большая Раковка, Чекалино IV, Чесноковка II показал их низкое сходство, особенно при сопоставлении с гундоровской керамикой, что возможно объясняется с одной стороны неравнозначностью выборки, а с другой спецификой данного комплекса. Своеобразие гундоровской коллекции выражается в примеси пера в тесте, преобладании сосудов с узким горлом и широким туловом, наличии сильно отогнутых венчиков, рамчатых штампов, шагающей гребенки, отсутствии оттисков ячеистого штампа, бедностью ямочной орнаментации и др. Более однородной выглядит группа Чекалино IV, Чесноковка II, Большая Раковка II. Указанные коллекции имеют слабо профилированные сосуды, примесь раковины в тесте, орнамент выполнен коротким гребенчатым штампом, ямками, веревочкой. Но при этом показательно низкое сходство между Чекалино IV и Чесноковкой II с одной стороны и Большой Раковкой II с другой.

Таким образом, на настоящий момент наиболее обосновано можно говорить о двух линиях развития среди древностей «лесного облика» в позднем энеолите Самарского Поволжья, гундоровской и чекалинско-чесноковско-большераковской. Керамика других позднеэнеолитических памятников рассматриваемой территории (Лебяжинка IV (Рис. 24: 1-4), Попово Озеро, Виловатое, Старо-Елшанские) аналогична последней группе.

Коллекция позднеэнеолитической посуды Гундоровского поселения содержит материалы, объединенные под названием «керамика с внутренним ребром» (Рис. 27). Данная посуда серого и коричневого цвета, с примесью раковины и пера в тесте, толщиной стенок 0,9-1,1 см. Внешняя и внутренняя поверхность, как правило, имеют следы расчесов. По форме сосуды делятся на баночные и горшковидные сосуды. Венчики прямые, слегка и среднеотогнуты наружу. Нередко в месте отгиба имеет ребро. Орнамент выполнен двузубым, коротким прямым узким, коротким прямым средней ширины, средним прямым узким, длинным прямым узким, гладким штампами. Также встречены мелкие овальные, треугольные, прямоугольные ямки, насечки. Имеются сосуды без орнамента. Среди мотивов орнамента следует выделить горизонтальные ряды прямо и наклонно поставленных оттисков гребенчатого штампа, наклонные и вертикальные ряды отпечатков штампа, горизонтальный зигзаг гребенчатого штампа, горизонтальные линии гладких оттисков, горизонтальные пояски и зигзаги, состоящие из ямок и др. Данные мотивы образуют следующие сочетания: горизонтальные ряды прямо и косо поставленных оттисков и ямки, горизонтальные линии оттисков гладкого штампа и наклонные, горизонтальные ряды отпечатков гребенчатого штампа, треугольники, направленные вершиной вниз выполненные гребенчатым штампом, горизонтальный зигзаг и горизонтальные линии, горизонтальные ряды из оттисков гребенчатого штампа и др. Нередко данные сочетания мотивов присутствуют на одном сосуде. Часть поверхности сосудов имеет неорнаментированные зоны.

Репрезентативная коллекция керамики «с внутренним ребром» происходит со стоянки Чекалино IV (Рис. 28). В тесто данной посуды добавлялась раковина и перо. Толщина стенок варьирует от 0,6 до 1,1 см. Поверхность покрыта расчесами. Форма сосудов горшковидная и баночная. Венчики прямые, слабо и средне отогнутые наружу. Керамика орнаментирована двузубым, коротким прямым узким, коротким изогнутым узким, средним прямым узким, длинным прямым узким, гладким штампами,

насечками. Ямки представлены овальными и прямоугольной формами. Имеются сосуды без орнамента. Указанными элементами орнамента составляют следующие мотивы: горизонтальные и вертикальные ряды прямо и наклонно поставленных оттисков, горизонтальные линии и зигзаги из оттисков гребенчатого штампа или ямок, решетка и др. Горизонтальный зигзаг сочетается с горизонтальными рядами наклонно поставленного штампа, горизонтальные линии – вертикальными рядами наклонно поставленных оттисков, решеткой, зигзагом. Отмечены треугольники, заполненные отпечатками гребенчатого штампа или овальными ямками.

При сравнении керамических коллекций Гундоровского поселения и стоянки Чекалино IV различия проступают лишь в некоторых деталях орнаментации. Так на Гундоровском поселении отсутствуют сосуды, орнаментированные коротким изогнутым гребенчатым штампом и мотивом в виде решетки. На Чекалино IV не отмечены треугольные ямки, горизонтальный зигзаг из ямок, горизонтальные линии отпечатков гладкого штампа. Индекс родственности по пучку признаков между рассматриваемыми керамическими коллекциями составил 0,71.

Керамика аналогичная описываемой встречена в небольшом количестве на стоянках Лебяжинка IV (три сосуда), Чесноковка II (два сосуда), Большая Раковка II (два сосуда), Виловатое (один сосуд) и др.

Н.В. Овчинникова к волосовскому комплексу Гундоровского поселения относит орудия обнаруженные в пределах жилищ, представленные желобчатыми долотами, долотами с горбатой спинкой, узкими долотами, треугольно-черешковыми наконечниками стрел, комбинированными орудиями, ложкалями, фигурным кремнем (Рис. 12) [Васильев, 2000в. Рис. 31-33]. В совместной работе И.В. Горащук и Н.В. Овчинникова для позднеэнеолитических образований «лесного облика» выделяют следующие типы каменных орудий: двулезвийные удлиненные ножи (с острым концом, широким лезвием и намечающимся черешком и с узким лезвием и притупленным концом), наконечники стрел (листовидные с обоюдоострыми

концами, листовидные с закругленным основанием, листовидные с намечающимся черешком, ромбовидные), перфораторы (с широким основанием, удлиненные с узким основанием, «с плечиком», с выделенным «жалом»), тесла (нешлифованные подтрапецевидной формы с двусторонней обивкой, нешлифованные массивной формы с двусторонней обивкой, шлифованные полукруглой в сечении формы, шлифованные желобчатые, полукруглой в сечении и трапецевидной в плане формы, шлифованные подтреугольной в сечении и трапецевидной в плане формы), долота (подквадратные в сечении с шириной орудия равной толщине, подтреугольной или прямоугольной в сечении формы и прямоугольной в плане с зауженным лезвием), стамески (подквадратной формы на отщепе, отшлифованные с двух сторон), долотовидные орудия и фигурные кремни [Горащук, 2004. С. 158].

Из энеолитического слоя стоянки Чекалино IV (раскопки 2007 года) происходят нуклеусы (7 экз.), пластины (75 экз.), скребки (15 экз.), резцы (3 экз.), перфораторы (13 экз.), наконечники (32 экз.), бифасиальные (45 экз.), рубящие (16 экз.), долотовидные (7 экз.) орудия. По наблюдениям одного из авторов раскопок, А.А. Ластовского для каменного инвентаря энеолитического слоя характерна не развитость призматической техники расщепления камня, редкость архаичных форм каменных орудий, доминирование орудий охоты (наконечники и бифасиальные орудия). При этом было отмечено практическое совпадение каменного инвентаря раннеэнеолитического и энеолитического слоев. Судя по работам посвященным характеристике каменного инвентаря памятников елшанского типа, [Мамонов, 1999. С. 26-31; Ластовский, 2008. С. 36-39; Горащук, 2010. С. 176-183] в раннем неолите наблюдается сочетание пластинчатой и бифасиальной техники расщепления камня, причем на пластинах изготавливались наконечники, скребки, ножи, резцы, а рубящие орудия имеют двустороннюю обработку, что и наблюдается на Чекалино IV. Наибольшее различие между ранним и поздним комплексами стоянки Чекалино IV

проступает в наличии в последнем двусторонне обработанных лавролистных наконечников стрел. Однако данный тип наконечников встречен как на памятниках с позднеэнеолитической керамикой (Большая Раковка II, Чесноковка II), так и на Кузьминковской стоянке – однослойном памятнике самарской культуры [Моргунова, 1986. Рис. 6], что затрудняет их отнесение к позднему энеолиту.

Единственным позднеэнеолитическим памятником Самарского Поволжья, на котором изучены следы построек, является Гундоровское поселение (Рис. 4). Детальное описание жилищ дано Н.В. Овчинниковой [Овчинникова, 1999. С. 97-98; Васильев, 2000в. С. 232-233]. Котлованы фиксировались примерно с глубины 0,25-0,4 м от поверхности. Котлованы № 1, 2, 3, 5 были вытянуты цепочкой с юго-запада на северо-восток и соединены между собой переходами. Котлован № 4 располагался к юго-востоку и соединялся с котлованом № 3 переходом длиной до 5 м. Очертания котлованов аморфные, контуры не четкие. Примерная площадь первого котлована 17 кв. м, второго - 32,4 кв. м, третьего – 65 кв. м, четвертого 80 кв. м, пятого 95 кв. м. Стенки котлованов пологие, пол блюдцеобразный. По центру котлованов № 4 и 5 проходит линия столбовых ямок. У котлованов № 1 и 2 столбовые ямки были выявлены в юго-западных частях, у четвертого котлована стенки обнаружены в центре и у перехода. Следы от очагов зафиксированы у котлованов № 4 и 5.

2.2. Позднеэнеолитические комплексы Сурско-Свияжского междуречья и волосовская культура Марийского Поволжья

Позднеэнеолитические памятники Сурско-Свияжского междуречья территориально делятся на три группы: верхнесурские (Усть-Кадада, Грабово I, Подлесное V, Русское Труево II), среднесурские (памятники Утюжского археологического микрорайона, Китай-Озеро), барышско-

свияжская (Ховрино, Елшанка XI). Также известен памятник позднего энеолита на р. Цивиль (Новая Деревня).

Керамика стоянки Подлесное V имеет песочно-желтоватый или коричневато-серый цвет. Визуально определяется неорганическая примесь (шамот, бурая крошка), раковина и перо. Отмечены следы заглаживания. Толщина стенок варьирует от 0,7 до 1,2 см. Венчики прямые, слабо и средне отогнутые наружу. Срез венчиков округлый и плоский. Днища плоские. Посуда орнаментирована отрисками гребенки, ямчатыми вдавлениями скобовидной и округлой форм, прочерками, отрисками веревочки. Среди орнаментальных мотивов встречаются: горизонтальные частые и разреженные ряды прямо или наклонно поставленного штампа, зигзаги, сетка, сочетание диагональных и горизонтальных рядов штампа (Рис. 29).

Позднеэнеолитическая керамика стоянки Усть-Кадада имеет примесь в тесте органических остатков. Цвет стенок коричневый или темно-серый. Венчики прямые и слабо отогнуты наружу. Орнамент выполнен гребенчатым штампом, изредка насечками, наколами, овальными ямками и гладким штампами. Орнаментальные мотивы – горизонтальные линии, горизонтальные ряды наклонно поставленного штампа, елочка с двойным стеблем, зигзаг оттисков гладкого штампа, горизонтальные ряды насечек и ямок.

Керамика поселения Русское Труево II имеет органическую примесь в тесте. Толщина стенок составляет 0,9-1,2 см. На ряде фрагментов имеются следы заглаживания. Форма сосудов профилированная. Венчики слабо и средне отогнуты наружу, при преобладании первых. У двух венчиков имеет желобок с внутренней стороны. Срез венчиков округлый, плоский и приостренный. Орнамент выполнен длинным и коротким гребенчатым штампами, также встречены ногтевидные насечки, прочерченные линии, прямоугольные и овальные ямки, оттиски веревочки. Среди орнаментальных мотивов следует отметить горизонтальные ряды насечек, ямок, отпечатков веревочки и гребенчатого штампа, горизонтальные и наклонные линии гладкого штампа, горизонтальные зигзаги ямок, шагающая гребенка.

Орнамент наносился преимущественно в верхней части сосуда. В коллекции имеются сосуды без орнамента (Рис. 31).

Посуда поселения Грабово I коричневого и серого цвета. В примесь добавлялась растительная примесь, реже шамот и песок. Форма сосудов горшковидная и баночная. Венчики прямые, слабо и средне отогнутые наружу. Срез округлый, округло-заостренный, плоскоскошенный, уплощенный. У некоторых венчиков имеется слабовыраженный наплыв. Днища плоские. Орнаментация разрежена. Орнамент выполнен прочерченными линиями, оттисками гребенчатого штампа, отпечатками спила полый косточки, веревочкой, наколами. Наиболее распространенными композициями являются горизонтальные ряды из наклонных оттисков зубчатого штампа или прочерченных линий, горизонтальные ряды наколов. Присутствуют мотивы в виде шагающей гребенки, кресты.

В качестве примеси в тесте керамики стоянки Ерня зафиксирована органика и толченая раковина. Венчики прямые и слабоотогнутые наружу. Срез округлый или плоский. Преобладает ямочная орнаментация. Ямки представлены округлой, аморфной, треугольной и прямоугольной формой. Изредка встречаются оттиски гребенчатого и гладкого штампов, веревочки. Орнаментальные мотивы следующие: зигзаг, диагональные, вертикальные полосы оттисков штампа и прочерченных линий, чередующиеся горизонтальными прочерченными линиями и рядами ямчатых вдавлений.

Цвет ховринской керамики желтый и коричневый. В тесте присутствует примесь органики, пера, песка, бурой крошки. Толщина стенок варьирует от 0,4 до 1 см. Днища плоские или округлые. Венчики слегка загнуты внутрь, прямые, отогнуты наружу, Г- и Т- образные. Преобладают слабоотогнутые наружу. Присутствуют сосуды с уступчиками и валики по бокам. Орнаментация разрежена. Встречаются сосуды без орнамента. На поверхности сосудов отмечены следующие элементы орнамента: квадратная, округлая, спаренная ямка, отпечатки полый косточки, аммонита или веревочки, гребенчатого и гладкого штампов. Элементы орнамента образуют

мотивы в виде горизонтальных и вертикальных полос, зигзага, треугольников, косой решетки, шагающей гребенки и др. (Рис. 44-45).

Керамика поселения Утюж I имеет серый и светло-коричневый цвет, толщину стенок 0,6 – 1 см, рыхлое тесто с примесью раковины и пера, или более плотное с бурой крошкой и органикой. Венчики прямые и слабо отогнутые наружу. Орнамент выполнен коротким, коротким овальным, средним узким гребенчатым штампами, оттисками веревочки. Также встречены оттиски веревочки, подпрямоугольные ямки и кружки. Орнаментальные мотивы следующие: горизонтальные ряды прямо и наклонно поставленных оттисков, наклонные ряды отпечатков, горизонтальные линии и зигзаг. Среди основной массы керамики выделяется один венчик от профилированного неорнаментированного сосуда, который, возможно, следует отнести к более позднему этапу эпохи раннего металла Посурья (Рис. 34).

Керамика поселения Утюж V (Рис. 37-39) коричневого и темно-серого цвета, с толщиной стенок 0,5-1 см, пористая, с характерными следами от выщелочной ракушки и выгоревших перьев. У ряда фрагментов с внутренней стороны имеются следы от зубчатых расчесов. По форме сосуды делятся на прямостенные и профилированные. У прямостенных сосудов венчики прямые округлые без утолщения, прямые с утолщением, отогнутые наружу с утолщением и без него. Край сосудов не орнаментировался. Профилированные сосуды имеют округлый срез. У профилированных сосудов край отогнут наружу, у одного имеется воротничок. Большая часть энеолитической керамики не орнаментирована. Орнамент выполнен гребенчатым и гладкими штампами, ямками, отпечатками веревочки, насечками, рамчатым штампом. Гребенчатым штампом выполнены следующие мотивы: «перевернутая елочка», зигзаг, горизонтальные ряды прямо поставленных оттисков. Ямки образуют наклонные и горизонтальные ряды. Гладкий штамп составляет мотивы в виде горизонтальных рядов, горизонтального зигзага, наклонных и горизонтальных линий. Оттисками

веревочки выполнены горизонтальные ряды. Насечками составлен мотив, сочетающий горизонтальные и наклонные ряды. Отпечатками рамчатого штампа выполнен мотив в виде горизонтальных зигзага и радов. Сочетание различных видов штампа отмечено в одном случае. На венчике присутствовали гладкие и гребенчатые оттиски, а также ямки. В коллекции имеется фрагмент с отпечатками сети. Керамику поселения Утюж V можно разделить на две группы. К первой относятся прямостенные сосуды, с плотной орнаментацией, выполненной короткими, средними гребенчатыми и рамчатым штампами. Вторая группа представлена профилированными слаборнаментированными сосудами.

Позднеэнеолитическая керамика поселения Утюжский Бугор (Рис. 41) коричневого и серого цвета. Толщина стенок варьирует от 0,8 до 1,7 см. В тесте примесь раковины и пера. Венчики с утолщением внутрь, прямые, с утолщением на внешнюю сторону, слабо отогнутые наружу. Орнамент состоит из оттисков гребенчатого, гладкого штампов, насечек, овальных ямок, которые составляют мотивы в виде горизонтальных рядов наклонно и прямо поставленных оттисков, горизонтальных линий и зигзага, наклонных рядов отпечатков.

Небольшая коллекция энеолитической керамики обнаружена на стоянке Черненькое Озеро III (Рис. 42). Обломки данной посуды пористые, светло-коричневого, коричневого и серого цвета. Толщина стенок колеблется от 0,5 до 1,4 см. Основная масса черепков имеет толщину 0,8-1 см. Выделяются около 10 сосудов. Венчики прямые, слабо и сильно отогнутые наружу. Срез венчиков плоский и округлый, часто с утолщением на внешнюю сторону. Орнаментация по венчику зафиксирована в одном случае. 74 % фрагментов лишены орнамента. 26 % энеолитических черепков имеют орнаментацию, однако она сильно разрежена. Среди элементов орнамента следует выделить оттиски короткого и длинного гребенчатого штампа, отпечатки гладкого штампа и веревочки, а также ямочные вдавления. Сочетание различных элементов орнамента зафиксировано на одном

экземпляре. Орнаментальные мотивы следующие: наклонные пересекающиеся линии отпечатков веревочки, ряды прямопоставленного короткого гребенчатого штампа, зигзаг, состоящий из двух-трех рядов оттисков длинного гребенчатого штампа, горизонтальные ряды прямопоставленных отпечатков гладкого штампа, горизонтальные ряды ямок. В коллекции имеется плоское неорнаментированное днище.

Для энеолитической керамики данного памятника И.Н. Васильевой проведен технологический анализ. В результате исследования было установлено, что формовочная масса данной посуды изготавливалась по двум рецептам: 1) ИПС+ОР+ДР (дробленая раковина); 2) ИПС+ОР+ДР+ПП (птичий пух). На созидательной стадии использовалась налепная технология [Васильева, 2010. С. 83].

Керамика, с формовочной массой изготовленной по первому рецепту, немногочисленна (4,7% от всей массы черепков), локализуется в юго-западной части раскопа на глубине 50-60 см. Она имеет относительно плотную орнаментацию, выполненную гребенчатым штампом.

Керамика, содержащая примесь пера слабоорнаментирована, либо лишена орнамента. Фрагменты концентрировались в 2-3 штыках.

Таким образом, по технико-типологическим признакам энеолитическая керамика стоянки Черненькое Озеро III делится на две группы, что подтверждается уровнем залегания находок на памятнике.

Интерес вызывают материалы из разведок, проведенных в Утюжском археологическом микрорайоне. На памятнике Утюж III (Стемасы) (Рис. 43. 1-2) было обнаружено два развала. Они имеют серо-коричневый цвет, рыхлое тесто с обильной примесью пера и раковины. Форма сосудов горшковидная с высоким отогнутым горлом. На поверхности имеются следы расчесов. Орнаментация у сосудов разрежена. Один из них орнаментирован двузубым гребенчатым штампом образующий два горизонтальных ряда под венчиком, а ниже по тулову идущий наискосок. Второй сосуд орнаментирован гребенчатым штампом с тремя зубцами образующий крупную сетку. На

берегу озера Молебное был обнаружен развал тонкостенного (0,5-0,7 см) неорнаментированного сосуда, со следами выщелоченной раковины в тесте и Г-образным венчиком.

Сосуд с Китай-Озера (Рис. 43. 3) горшковидной формы имеет темно-коричневого цвета с примесью в тесте раковины и пера. На стенках и венчике видны следы зубчатых расчесов. Орнамент выполнен гребенчатым штампом, отпечатки которого образуют сложный мотив, состоящий из вертикальных елочек с двойным стеблем.

Керамика эпохи раннего металла поселения Новая Деревня (Рис. 48) по технико-типологическим характеристикам подразделяется на две группы. Керамика первой группы толстостенная (0,8-1,2 см) с прямыми или слегка отогнутыми наружу венчиками, округлым дном имеет относительно плотную орнаментацию, состоящую из оттисков гребенчатого и гладкого штампов, ямочных вдавлений. Орнаментальные мотивы просты – горизонтальные ряды прямо и наклонно поставленных оттисков, горизонтальные линии отпечатка штампа и ямок. Керамика второй группы относительно тонкостенная (0,5-0,7 см), слабо орнаментирована. Помимо баночных сосудов имеются горшковидные формы с Г-образным венчиком и плоским дном. На одном фрагменте имеется налепной валик. Орнамент состоит из оттисков гребенчатого штампа и насечек, образующие горизонтальные и наклонные ряды. Выделенные группы имеют различное планиграфическое расположение. Керамика первой группы сосредоточена в северо-западной части исследованной площади. Посуда второй группы тяготеет к заполнению жилища № 2 расположенного в северо-восточной части раскопа.

На стоянке Елшанка XI керамика имеет примесь раковины в тесте. Толщина стенок от 0,7 до 1,2 см. Внутренняя и внешняя поверхность сосудов заглаживались зубчатым штампом. Сосуды имели горшковидную и баночную формы. Венчики загнуты внутрь, прямые, слегка отогнутые наружу, Г-образные. Днища округлые и конические. Орнамент выполнен

гребенчатым и гладким штампами. Также отмечены отпечатки веревочки и ямки. Орнаментальные мотивы – горизонтальные ряды наклонно и прямо поставленных оттисков, горизонтальные линии и зигзаг, ромбы и др. В коллекции имеются сосуды без орнамента.

Таким образом, для позднеэнеолитической керамики рассматриваемой территории характерны сосуды с прямым и слабо отогнутым венчиками. Т-образные венчики зафиксированы только на Ховрино. Загнутые внутрь и Г-образные венчики отмечены на Барыше, Цивиле, Свияге и Средней Суре (Табл. 7). Общими орнаментами являются гребенчатые (длинный, средний, короткий узкий, короткий овальный) и гладкие штампы, насечки, ямки и оттиски веревочки. Фрагмент с рамчатым штампом известен только с поселения Утюж V. Привлекает внимание широкое распространение гладкого штампа, присутствующего в орнаментации одиннадцати и четырнадцати рассматриваемых керамических комплексов. Распространена ямочная орнаментация в основном представленная овальными, аморфными, округлыми ямками. Небезынтересно, что треугольные ямки присутствуют только в орнаментации Верхнего Посурья (Табл. 8). Среди орнаментальных мотивов наиболее распространенными являются горизонтальные ряды прямо и наклонно поставленного гребенчатого или гладкого штампов, горизонтальный зигзаг и линии оттисков указанных штампов, горизонтальные линии ямок и насечек. Фрагменты с шагающей гребенкой и мотивом, орнаментированным гладким штампом в виде «шагающей гребенки» присутствуют в коллекциях Грабово I, Русского Труева II, Ховрино. Часты в рассматриваемом регионе сосуды без орнамента (Табл. 9).

Подсчет индекса родственности проведенный по венчикам, элементам, мотивам орнамента и по пучку признаков показал более высокое сходство между рассматриваемыми позднеэнеолитическими керамическими коллекциями в отличие от Самарского Поволжья (Табл. 10). Для ряда памятников причина кроется в том, что наибольшие индексы получены для коллекций с керамикой менее десяти сосудов по одновременно

отсутствующим орнаментальным мотивам. Однако необходимо отметить, индекс родственности по пучку признаков полученный А.И. Королевым между керамическими комплексами стоянок Ерня и Подлесное V в рамках Сурско-Мокшанской волосовской группы практически совпал с результатами, полученными в данной работе, 65,3 и 68 соответственно [Королев, 2002. С. 340].

В общий граф (Рис. 50) включены индексы для относительно крупных коллекций (от 10 сосудов) и для малочисленных серий внутри локальных групп (Верхнее Посурье и Утюжский микрорайон). Керамические коллекции Сурско-Свияжского междуречья разделились на три группы (верхнесурскую, среднесурскую, барышско-свияжскую). При этом среди верхнесурских памятников наименьшее сходство демонстрирует керамическая коллекция Русского Труево II, имеющее наибольший индекс со вторым комплексом поселения Утюж V. Среди позднеэнеолитических комплексов Утюжского микрорайона нет четко обособленных памятников, но при этом показательны низкие индексы между первой и второй группами поселения Утюж V, и близость первой с материалами Утюжа I, а второй - Утюжского Бугра и Новой Деревни (первая группа) на р. Цивиль. Данные стратиграфии и планиграфии на памятниках Утюж I, V, Новая Деревня, Черненькое Озеро III также дают основания для разделения позднеэнеолитической керамики Среднего Посурья и бассейна р. Цивиль на две хронологические группы. Барышско-свияжская группа представлена памятниками Ховрино и Елшанка XI. Показательно, что для Ховрино получены наиболее низкие индексы относительно всех рассмотренных сурских и цивильских комплексов, которое вызвано не только неравнозначностью керамических серий, но и своеобразием материалов данного памятника.

Каменный инвентарь поселения Русское Труево II (Рис. 32) изготовлен из кварцита (73 %) и кремня (27 %). Преобладает техника двусторонней обработки камня. Каменный инвентарь представлен наконечниками (52 экз.), скребками (92 экз.), ножами (91 экз.), перфораторами (2 экз.), скобелем,

рубящим орудием и др. Наконечники стрел относятся к типам треугольно-черешковых, подромбических, ассиметричных, овальных, листовидных. В коллекции встречен листовидный наконечник стрелы с выемчатым основанием. Скребки имеют прямоугольную, овальную, трапецевидную формы. Встречены скребки стрельчатой формы.

На поселении Утюж I из заполнения жилища отнесенного автором раскопок к волосовской культуре происходит наконечник копья, наконечник дротика, три наконечника стрел, пять ножей, три скребка (Рис. 35). Наконечники имеют двустороннюю обработку. Наконечник дротика относится к типу листовидных с черешком. Два наконечника стрел относится к типу треугольно-черешковых. Один наконечник стрелы имеет слабо намеченный черешок. Ножи изготовлены на удлиненных отщепах. Четыре ножа относятся к двулезвийным, один – к однолезвийному типу. Скребки имеют подпрямоугольную форму.

Каменные орудия поселения Утюж V (Рис. 40) изготовлены из кварцита, белого кремня с серыми и черными вкраплениями, желтого и красновато-серого кремня. На памятнике представлена ударная и отжимная техника расщепления камня. Каменный инвентарь состоит из следующих категорий находок: наконечники стрел и дротиков (треугольно-черешковые и листовидные), одно- и двулезвийные ножи, скребки прямоугольной, квадратной, овальной форм, стрельчатые скребки, скребки-штампы, скобели, перфораторы и рубящие орудия. Основываясь на наблюдениях над коллекциями памятников, не содержащих находки позднего энеолита в Утюжском археологическом микрорайоне, можно сделать вывод, что для эпохи неолита не характерны орудия, изготовленные из кварцита и белого кремня с серыми и черными вкраплениями. На поселении Утюж V обнаружены кварцитовые ассиметричный наконечник дротика или нож иволистной формы, наконечник дротика с обломанным насадом, три треугольно-черешковых наконечника стрел, и находка, которую можно расценивать как «фигурный кремь». За исключением одного предмета все

орудия имеют сплошную двустороннюю обработку. У одного наконечника отретуширована только спинка. Из белого кремня с черными и серыми вкраплениями изготовлено семь наконечников стрел. Шесть из них относятся к типу треугольно-черешковых. Один наконечник имеет также выраженный черешок, но только один шип. Также из кремня указанного вида изготовлен однолезвийный нож на пластине, концевой скребок подпрямоугольной формы, трапецевидный и округлый скребок. Также к энеолитическому времени можно отнести сверло на массивном отщепе с выделенным жалом и плечиками и скребок-штамп. Остальные каменные предметы в виду их универсальности и смешанности слоев на памятнике разделить на культурно-хронологические группы на данный момент исследования не возможно.

Коллекция каменных орудий эпохи раннего металла поселения Ховрино представлена треугольно-черешковыми и листовидными наконечниками дротиков и стрел, также встречаются треугольные наконечники стрел с вогнутым основанием, скребками овальной, трапецевидной, прямоугольной форм, двулезвийными ножами, перфораторами и рубящими орудиями (Рис. 46).

Для характеристики каменного инвентаря стоянки Новая Деревня были отобраны орудия обнаруженные в заполнении жилища № 2 (Рис. 49). Орудийный набор представлен наконечниками стрел листовидной, ромбической, треугольно-черешковой, ассиметричной форм, двулезвийными ножами, ассиметричными и симметричными перфораторами, прямоугольными скребками. М.Ш. Галимовой было установлено, что часть орудий стоянки Новая Деревня изготавливались при помощи металлического отжимника [Березина, 2006. С. 64].

Наиболее яркой чертой каменной индустрии Посурья является преобладание техники двусторонней обработки орудий (Табл. 11). Орудия на пластинах, присутствуя в коллекциях позднеэнеолитических памятников, не являются доминирующими. Из часто встречаемых наконечников стрел следует назвать треугольно-черешковые с коротким, средним и длинным

пером, а также ассиметричные наконечники с одним жалом, которые, представляя незначительную серию в позднеэнеолитических коллекциях, обнаружены на всей территории Посурья. Также распространены листовидные и ромбические наконечники, происходящие с поселений Русское Труево II, Новая Деревня, Ховрино. Специфичны треугольные наконечники стрел с выемкой у основания, обнаруженные на поселении Ховрино. К другим наиболее встречаемым каменным предметам в позднеэнеолитическое время на данной территории следует отнести скребки на отщепах прямоугольной, трапециевидной, овальной форм, одно- и двулезвийные ножи с приостренным краем, рубящие орудия трапециевидной формы.

На позднеэнеолитических памятниках Сурско-Свияжского междуречья обнаружены металлические предметы. Наиболее крупная коллекция медных изделий происходит с Ховринского поселения и представлена шильями, теслом, рыболовным крючком, овальной бляшкой, ножами, пластинками, стержнями-остриями, гарпуном, каплями меди (Рис. 45) [Вискалин, 2002б. С. 65; Вискалин, 2003. с. 211-212; Вискалин, 2006. С. 195]. Металлическая пластина и шило обнаружены на стоянке Новая Деревня [Березина, 2009а. С. 148].

Жилище поселения Русское Труево II (Рис. 30) имеет подовальную форму с длиной 11,2 м и наибольшей шириной 7 м., ориентировано с северо-запада на юго-восток. Стенки отвесные, дно ровное. Глубина котлована 50-70 см. Выход шириной 1,36 м расположен в северо-западной части котлована. Вдоль стенок зафиксированы углистые прослойки. Следы от столбовых ям обнаружены в центральной и северо-западной части. Одна часть ямок расположена вдоль бортов, другая в центре котлована.

Первое жилище поселения Грабово I имело подквадратную форму. Стенки пологие. Дно ровное. Глубина котлована примерно равна 30 см. Размеры котлована 4х4 м. На полу зафиксировано пять маленьких ямок тяготеющих к бортам котлована и одна крупная расположенная в юго-

западной части котлована. Жилище № 1 соединено переходом с жилищем № 2. Второй котлован имеет подпрямоугольную форму с размерами 5х4 м. Стенки котлована пологие, дно ровное. Мелкие ямки сосредоточены в центральной части, крупные расположены в юго-западном углу котлована. От жилища № 3 сохранилась только северная часть шириной 4,5 м. Глубина котлована 30 см. На дне зафиксировано пять мелких и одна крупная ямы.

О характере сооружений на стоянке Новая Деревня в силу ряда причин судить проблематично. Н.Б. Березиной зафиксирована лишь восточная часть постройки № 1 и южная часть постройки № 2. Ориентировочно можно предполагать, что жилище № 2 имела длину более 12 м.

На стоянке Утюж I позднеэнеолитическое жилище (№ 3 по нумерации в отчете за 2007 год) имеет прямоугольную форму и ориентировано с юго-запада на северо-восток. Размеры котлована 9х6 м и глубина 1,3 м. Мелкие ямки сосредоточены в центральной части и рядом с южным бортом, крупные ямки обнаружены в северной и западной частях котлована (Рис.33).

К энеолитическому времени Н.С. Березиной на поселении Утюж V (Рис. 36) отнесены следы от трех построек. От жилища № 1 сохранилась лишь часть наиболее четко читаемая в северной части раскопа на глубине - 180 см. К данной постройке приурочена прямостенная энеолитическая керамика с плотной орнаментацией коротким и средним гребенчатым штампами. От постройки № 2 зафиксированной на глубине -114 см сохранилась западная часть с выходом направленным в сторону реки. Котлован № 3 (глубина -145-158) имел подпрямоугольную форму с размерами 5,5х7м. Дно с небольшим прогибом к центру. В заполнении жилищ № 2 и 3 обнаружены развалы профилированной слабоорнаментированной энеолитической посуды.

Жилище № 1 поселения Ховрино имеет размеры 7,6х6 м, выход в юго-западном углу. Стенки на отдельных участках крутые. Пол ровный. В южной части котлована зафиксирована очажная яма. Жилище № 2 подквадратной формы (6,8х6,6 м). Выход расположен в восточной части котлована. Стенки

отвесные, дно плоское. Очажные ямы расположены в юго-восточной части, столбовые - в западной и центральной. Жилище № 3 имеет размеры 4,5х7 м. Стенки котлована ровные. В западной и центральной частях зафиксированы хозяйственные и столбовые ямки. Размеры котлована № 4 составляют 4,5х6 м. Выход расположен в южной части. Вдоль западного и восточного бортов зафиксированы углистые прослойки. Хозяйственные, очажные и столбовые ямы концентрировались в центральной части котлована. Котлован № 5 имеет размеры 6,8х7 м. Пол ровный. Выход расположен в юго-восточном углу. Хозяйственные ямы зафиксированы в центральной и северо-западной частях, очаг – в северо-восточной. Постройка № 6 прямоугольной формы (7,5х6 м). Она имела выход в южной и восточной стенках. Столбовые ямки расположены вдоль стенок и центральной оси. Очажные ямы находились выходов. Хозяйственные ямы концентрировались вокруг очагов и одна у восточного входа.

Таким образом, позднеэнеолитические жилища Посурья можно разделить на несколько групп: квадратные малых размеров (Грабово I), средние квадратные (Ховрино (жилища № 2 и 5), средние прямоугольные (Утюж V (жилище № 3), Ховрино (жилища № 1, 3, 4, 6)), крупные прямоугольные (Утюж I, Русское Труево II, возможно, Новая Деревня).

Характеристика материальной культуры энеолитического населения лесной зоны Среднего Поволжья неоднократно давалась А.Х.Халиковым, В.П. Третьяковым и В.В. Никитиным, что дает возможность остановиться лишь на некоторых чертах волосовской культуры указанной территории.

Волосовская керамика севера Среднего Поволжья (Рис. 52-59) имеет примесь раковины и пера в тесте, толщину стенок 1-1,5 см на раннем и 0,5-0,7 см на завершающем этапе развития культуры. Обжиг слабый, неравномерный. Сосуды первого этапа имеют вытянуто-полуяйцевидную форму с закрытым горлом или прямым горлом, горизонтально-зональную орнаментацию, состоящую из оттисков гребенчатого штампа, веревочки или ямочных вдавлений. Позднее идет сокращение процента венчиков с

наплывом на внутреннюю сторону, появляются Г-образные венчики. Орнамент становится более разнообразным. Среди орнаментиров преобладают средние и мелкие гребенчатые штампы. По-прежнему встречаются оттиски веревочки и ямочные вдавления. Начинает распространяться вертикальная зональность орнамента. На позднем этапе форма сосудов горшковидная и баночная с плоским дном, Г- и Т-образными венчиками. Появляются сосуды с прямой шейкой и выраженными плечиками. Орнаментация становится разреженной, часто она покрывает только верхнюю часть сосуда. Помимо гребенчатых отпечатков часты оттиски гладкого штампа и ногтевидные насечки. На финальном этапе развития культуры преобладают сосуды горшковидной формы с Г-образным венчиком. Часты сосуды без орнамента.

В производстве каменных орудий доминирует техника двусторонней обработке, однако на памятниках раннего и развитого этапов присутствуют орудия, изготовленные на пластинах. Набор каменных орудий представлен классами скребков, ножей, наконечников стрел и дротиков, перфораторов, деревообрабатывающими орудиями и др. Наиболее встречаемыми скребками являются концевые на подквадратных или треугольных отщепах, концевые скребки с дублированным лезвием по боковому и концевому краю, скобели с выемчатым лезвием, однолезвийные ножи с прямым или выпуклым лезвием, двулезвийные ножи, листовидные ножи, проколки на вытянуто-треугольных или листовидных отщепах, ромбические, листовидные и треугольно-черешковые наконечники, ассиметричные долота с горбатой спинкой, плоские тесла с расширенным лезвием и др. На развитом этапе появляются двухконечные тесла с лезвиями, расположенными в одной плоскости, треугольно-черешковые наконечники с шипами, скребки-штампы, ножи четырехугольной вытянутой формы, ножи со скошенным лезвием и др. На позднем этапе получают распространение двусторонне обработанные ножи с широким лезвием и высокой спинкой, вытянутые треугольно-черешковые наконечники, удлиненные наконечники со скошенным или приостренным

основанием, молоты с перехватом и др. На финальной стадии волосовской культуры сокращается набор каменных орудий (проколки, ножи, долота и тесла), что связывается с распространением металлических предметов.

Жилища волосовской культуры – полуземлянки четырехугольной в плане формы. Котлованы имеют площадь от 30 до 70 кв. м. С развитого этапа наблюдается постепенное увеличение площади (99 – 139 кв. м). Между жилищами фиксируются переходы [Никитин, 1991. С. 15-36].

В.В. Никитин к раннему этапу относит Майданскую стоянку, поселения Майданское II, III, Удельно-Щумецкое VI, к развитому – Руткинское, III Баркужерское, I Мазарское поселения, к позднему – поселения Ахмылово II, Выжум II, Уржумка. Также исследователем выделялись протоволосовский (красномостовский) и завершающий (время сосуществования волосовской и балановской культур) этапы [Никитин, 1991. С. 58-67; 1996. С. 151].

Граф связей, полученный нами в результате подсчета индекса сходства по формам венчиков, днищ, элемента и мотивам орнамента и пучку признаков (Табл. 13; Рис. 60) между наиболее репрезентативными коллекциями волосовских памятников Марийского Поволжья во многом совпадает с данной периодизацией. Выделилось четыре группы памятников, объединенных высоким коэффициентом сходства (от 81 до 90): I группа – Майданская стоянка, Майданское III, IV, Удельно-Щумецкое VI поселения; II группа – Маркитан II (Марьер), Отарское XVIII поселения; III группа – Уржумкинское, Руткинское, Ахмыловское II, Баркужерское III поселения; IV – Мольбище III, Выжумское II, Сутырское V (2 группа) поселения. При этом первая группа имеет средние коэффициенты сходства (от 71 до 80) с памятниками второй группы, которые в свою очередь - с памятниками третьей группы. Более обособленно выглядят материалы четвертой группы, имеющие среднюю степень сходства только с коллекцией Мазарского I поселения.

Наиболее существенное влияние на выделении указанных групп оказали такие параметры как форма венчиков и днищ. Так на Майданской стоянке, Майданском III, IV и Удельно-Шумецком VI поселениях сосуды имеют венчики загнутые внутрь, прямые с утолщением на внешнюю или в обе стороны и округлые днища. В.П. Третьяков относил к основному комплексу Майданской стоянки плоское днище [Третьяков, 1970. С. 178], что вызвало возражение со стороны В.В. Никитин, который связывал данное днище с материалами более позднего времени встреченными в верхнем слое памятника [Никитин, 1991. С. 55]. Основываясь на знакомстве с коллекцией Майданской стоянки, автор поддерживает точку зрения В.В. Никитина, поскольку керамика, которую можно расценивать в качестве поздней примеси и, с которой следует связывать указанное днище, имеет существенные технико-типологические различия с посудой основного комплекса данного памятника (более плотное тесто, профилировка с резко отогнутыми венчиками, отсутствие орнамента). В коллекциях поселений Маркитан II (Марьер) и Отарское XVIII отмечены плоские днища, а на последнем памятнике встречен сосуд с Г-образным венчиком. При этом на указанных памятниках преобладают прямые венчики. На поселениях Уржумкинское, Руткинское, Ахмыловское II, Баркужерское III встречены сосуды с загнутыми внутрь, прямыми, слабо и средне отогнутыми, Г-образными венчиками, а также округлыми и плоскими днищами. По наблюдениям В.В. Никитина, различия между коллекциями данных памятников проступают в количественном соотношении тех или иных форм сосудов. На Руткинском и Баркужерском III поселениях преобладают сосуды с округлым днищем, а в коллекциях Уржумкинского и Ахмыловского II более часта плоскодонная посуда [Никитин, 1991. С. 63-64]. Формула, используемая в наших подсчетах, процентное соотношение не учитывает, что дало высокие коэффициенты сходства между рассматриваемыми памятниками, отнесенными В.В. Никитиным к развитому и позднему этапам волосовской культуры Марийского Поволжья. Керамические комплексы

Выжумского II, Сутырского V (2 группа), Мольбищеского III представлены сосудами с прямыми, слабо и средне отогнутыми наружу, Г-образными венчиками и только плоскими днищами.

Различия в орнаментации волосовской керамики Марийского Поволжья при подсчете коэффициентов сходства не проступают так явно, как специфика формы сосудов, особенно при сравнении крупных коллекций (Майданская стоянка, Руткинское, Ахмыловское II, Баркужерское III, Уржумкинское поселения). Однако, не безынтересно, что среди энеолитических комплексов обособились материалы Мазарского I поселения, содержащие керамику, орнаментированную сложными рамчатыми штампами. Необходимо отметить редкость орнаментации рамчатым штампом на указанной территории. Помимо указанного памятника, фрагменты с оттисками рамчатого штампа встречены на Шунангерской, Удельно-Шумецкой III, Токаревской стоянках, Баркужерском III поселении. Специфична также орнаментация Баркужерского III поселения, заключающаяся в широком распространении отпечатков овального ячеистого штампа, мотива в виде горизонтального зигзага и др. Аналогии указанной орнаментации В.В. Никитин отмечает в материалах поселения Юртик на р. Вятке [Никитин, 1991. С. 68]. В пользу данного предположения свидетельствует расположение поселения Барские Кужеры III между волосовскими и юртиковскими памятниками.

Общими элементами орнамента для волосовских памятников севера Среднего Поволжья являются: отпечатки гребенчатого (длинный, средний, короткий, короткий овальный), гладкого штампов, веревочки, прямоугольная, овальная, округлая, треугольная ямка и насечки. К наиболее встречаемым орнаментальным мотивам следует причислить горизонтальные ряды оттисков прямо или наклонно поставленного гребенчатого или гладкого штампа, зигзаг, решетку, горизонтальные и наклонные линии из ямок различной формы, отпечатков веревочки (Табл. 12).

Поскольку энеолитические памятники лесной зоны Среднего Поволжья находятся на различных хронологических позициях и имеют свою специфику, проводя сопоставление с материалами южных территорий, следует опираться на отдельно взятые комплексы, ориентируясь на репрезентативные коллекции.

2.3. Проблемы культурной принадлежности позднеэнеолитических комплексов Самарского Поволжья

Позднеэнеолитическая керамика Самарского Поволжья, объединенная в данной работе к чекалино-большераковскую группу, отнесена И.Б. Васильевым и Н.В. Овчинниковой к волосовской, гаринской, новоильинской культурам, а также токсому типу [Васильев, 2000в. С. 230-237]. А.И. Королевым аналогии керамики лесного круга стоянки Чекалино IV прослеживались в материалах Чесноковской II, Большераковской II, Виловатовской и др. стоянок Самарского Поволжья, а также токсого типа, приуральских (Бачки-Тау, Муллино, Кусимовская, Кара-Якупово) и гаринско-борских памятниках [Королев, 2008а. С. 1258-1259; 2011. С. 227]. В совместной работе А.И. Королева и автора настоящего исследования круг параллелей данной керамики был расширен, и включал, помимо указанных выше, ранневолосовские комплексы Марийского Поволжья, Примокшанья, а также материалы алтатинского типа Нижнего Поволжья [Королев, 2009б. С. 286-290]. Нетрудно заметить, что основными критериями для поиска аналогий являлось наличие примеси раковины в тесте, слабопрофилированная форма сосудов с округлыми днищами, орнаментация, состоящая из оттисков короткого, среднего и ячеистого гребенчатого штампов, ямок различной формы и пр. Однако большинство из указанных признаков имеют широкое распространение в энеолите рассматриваемого региона и сопредельных территорий. Поэтому, на наш взгляд, необходимо обратиться к более детальному сопоставлению данной группы керамики с отмеченными выше материалами. Как указывалось выше, частично данная

работа была проведена для материалов стоянки Чекалино IV, в результате которой был сделан вывод об их близости керамике волосовской и гаринской культур, но в виду различий они не могут быть соотнесены ни с той, ни с другой. Более близкие аналогии обнаруживаются в материалах в поречье Самары в керамике тоцкого типа и близких к ним материалам нижекамских стоянок [Королев, 2009б. С. 289].

Прежде чем приступить к сравнительному анализу, необходимо остановиться на вопросе о присутствии на позднеэнеолитических памятниках Самарского Поволжья керамики новоильинской культуры. И.Б. Васильев и Н.В. Овчинникова вслед за авторами раскопок стоянки Большая Раковка II часть материалов основного комплекса сопоставляли с керамикой данной культуры. В качестве иллюстрации И.Б. Васильевым и Н.В. Овчинниковой приводились прорисовки уплощенного днища, орнаментированного двузубым штампом и фрагмент стенки со сложным орнаментом, состоящий из сочетания горизонтального зигзага и горизонтального ряда прямо поставленного гребенчатого штампа. Также к новоильинской культуре был отнесен развал профилированного сосуда с орнаментом в виде горизонтального зигзага и горизонтальных линий гребенчатого штампа стоянки Лебяжинка IV [Васильев, 2000в. С. 277]. Данная керамика имеет в тесте примесь раковины. Первооткрыватель новоильинской культуры О.Н. Бадер отмечал в тесте посуды примесь шамота, отчасти песка и незначительной степени растительности, в отличие от борской, близкой ей по форме сосудов и орнаментации, но изготовленной с добавлением растительных остатков [Бадер, 1961а. С. 183-184, 189]. А.А. Выборнов фиксировал в тесте «флажковой» керамики низовьев р. Белой примесь шамота [Выборнов, 1984б. С. 52], Р.С. Габяшев для Икско-Бельского междуречья – мелкую органику, песок и шамот [Габяшев, 1994. С. 27]. Давая общую характеристику новоильинской культуры, А.Л. Наговицин указывал на присутствие в тесте примесь шамота, песка и реже органических остатков [Наговицин, 1987. С. 30]. Форма сосудов новоильинской культуры по О.Н.

Бадеру полуяйцевидная, цилиндрошейная, реже слабо закрытая и открытая. А.Л. Наговицин отмечает сосуды со слабо закрытым или прямым горлом и коническими, округлыми, редко уплощенными или плоскими днищами. Аналогичную картину фиксирует Р.С. Габяшев для Нижнего Прикамья. Новоильинская керамика орнаментирована оттисками короткого и среднего овального гребенчатого штампа, реже ямками, отпечатками гладкого штампа, ногтевидными насечками. Орнаментальные мотивы представлены горизонтальными рядами прямо и наклонно поставленных оттисков, горизонтального зигзага и линий, решетки, ромбов, специфичен мотив в виде флажка. При сравнении описанной выше керамики с новоильинской посудой сходство наблюдается лишь в орнаментации и весьма редкой для последней форме сосудов. В то же время указанную орнаментацию можно наблюдать в материалах стоянок Чекалино IV, Большая Раковка II, Чесноковка II, что позволяет рассматривать их в качестве одного культурного образования.

Поскольку наиболее репрезентативные коллекции рассматриваемой керамики имеют низкие коэффициенты сходства, то целесообразно проводить отдельное сопоставление материалов стоянок Чекалино IV и Большая Раковка II.

При сравнении с материалами токсского культурного типа автор в основном опирался на коллекцию Ивановской стоянки [Моргунова, 1980. С. 113. 1989. С. 122-130] (Рис. 64). Общими формами венчиков Ивановской и Чекалинской IV стоянок являются прямые, Т-образные, слабоотогнутые наружу. На Большой Раковке II отсутствуют Т-образные венчики, однако есть, как и на Ивановской стоянке, загнутые внутрь и среднеотогнутые наружу. Индекс родственности по формам венчиков Ивановской стоянки и Чекалино IV составляет 0,60, Ивановской стоянки и Большой Раковки II – 0,80. Общими элементами орнамента для данных стоянок являются оттиски короткого, среднего, длинного, ячеистого штампа, веревочки, овальная и округлая ямка, однако для памятников бассейна р. Сок характерно большее разнообразие ямочной орнаментации, представленной подпрямоугольной,

треугольной, спаренной, аморфной ямкой. Следует отметить присутствие гладкого штампа на Большой Раковке II. Индекс родственности, подсчитанный по элементам орнамента, составил для пары Ивановка - Чекалино IV 0,53, для пары Ивановка - Большая Раковка II 0,50. Орнаментальные мотивы, присутствующие в орнаментации рассматриваемых коллекций следующие: горизонтальные зизаги, линии, ряды наклонных оттисков, а также горизонтальные линии, зигзаги из ямок и др. Всего общих орнаментальных мотивов для пары Ивановка - Чекалино IV выделено 6, для пары Ивановка - Большая Раковка II – 10. Индексы родственности для первой пары составляют 0,31, для второй – 0,41. Таким образом, коэффициент сходства по пучку признаков между токсской керамикой Ивановской стоянкой и посудой Чекалино IV составил 0,48, Большой Раковки II – 0,57. Также следует обратить внимание на то, что сосуды токсского типа помимо прямостенных, имеет также профилированные формы, не отмеченные на стоянках Чекалино IV и Большая Раковка II.

Ближайшие аналогии данной керамики прослеживаются в материалах расположенных к востоку от р. Сок в памятниках бассейна рек Ик, Белая, Дема, Ай.

Сходство наблюдается с керамикой стоянки Муллино на р. Ик, выделенной Г.Н. Матюшиным в группу с «жучковым и шнуровым орнаментом» из энеолитического слоя памятника. Судя по публикации, данная керамика имеет прикрытые, прямые и слегка отогнутые венчики, округлые днища, орнамент, нанесенный ячеистым штампом или веревочкой, мотивы в виде горизонтальных рядов прямо и наклонно поставленных оттисков, горизонтальные зигзаги и линии [Матюшин, 1982. Табл. 106-107].

На стоянках Бачки-тау II и Бачки-тау на месте могильника выявлены сосуды со слегка загнутыми, прямыми или слегка отогнутыми венчиками, иногда гофрированные, с пористой поверхностью и следами расчесов. Они орнаментированы отпечатками поллой кости, овальными ямками, точечными

наколами, оттисками аммонита, короткой гребенки [Обыденнов, 1978. С. 162-168].

На Дубово-Гривской II, Игимской, Русско-Азибейской, Русско-Азибейской III стоянках керамика имеет примесь раковины в тесте, следы расчесов, прикрытые, прямые и слегка отогнутые наружу гофрированные венчики, орнамент, выполненный коротким, коротким овальным, средним, длинным, ячеистым гребенчатым и гладким штампами, аморфной и округлой ямкой, веревочкой. Орнаментальные мотивы представлены горизонтальными рядами прямо и наклонно поставленных оттисков, линиями, зигзагами, рядами ямок [Габяшев, 1978а. С. 34; 1981. С. 19].

Позднеэнеолитическая керамика стоянки Кара-Якупово на р. Дема имеет прямые, слабо и среднеотогнутые венчики, орнамент, состоящий из ямок подпрямоугольной, овальной, округлой, форм, отпечатков эпифиза и полый кости, оттисков гребенчатого (короткий изогнутый, овальный, средний узкий, длинный узкий) и гладкого штампа. Необходимо отметить специфику техники нанесения орнамента, состоящей в нанесении гребенчатый штамп под углом, а ямок в отступающей манере. Среди мотивов выделяются следующие: горизонтальные ряды наклонных оттисков гребенчатого штампа, горизонтальные ряды прямо поставленных оттисков штампа, горизонтальные зигзаги, горизонтальные линии, наклонные зигзаги, горизонтальные ряды ямок, зигзаги из ямок, «шагающая гребенка» [Морозов, 1984. С. 43-58]. Индекс родственности между керамикой Кара-Якупово и Чекалино IV просчитанный по формам венчиков составил 0,40, по элементам орнамента – 0,35, по мотивам орнамента – 0,17, между Кара-Якупово и Большой Раковкой II – 0,80, 0,53 и 0,30 соответственно. Таким образом, индекс родственности между парой Чекалино IV – Кара-Якупово просчитанный по пучку признаков составил 0,30, между парой Большая Раковка II – Кара-Якупово – 0,54.

Сосуды стоянки Средняя Ока на р. Ай прямостенные с округлыми днищами. Венчики загнуты внутрь, прямые, слабо отогнутые наружу. Преобладает округлая форма среза, однако встречаются скошенные и

плоские. Есть орнамент по срезу венчика, зачастую он заходит на внутреннюю сторону, типичен поясок ямок под венчиком. Элементы орнамента: овальные, аморфные, двойные ямки; отпечатки короткого изогнутого, короткого овального, короткого широкого, среднего гребенчатого штампа, веревочки. Мотивы: горизонтальные ряды ямок, горизонтальные ряды наклонных оттисков штампа, горизонтальный зигзаг и полосы, наклонные ряды коротких оттисков, решетка [Морозов, 1982. С. 73-75]. Индекс родственности между керамикой Чекалино IV и Средней Оки по венчикам равен 0,50, элементам орнамента – 0,45, орнаментальным мотивам – 0,41, между посудой Большой Раковки II и Средней Оки – 0,75, 0,50, 0,38 соответственно. По пучку признаков индекс родственности между парой Чекалино IV – Средняя Ока составил 0,45, между Большой Раковкой II и Средней Окой – 0,54.

Гаринская керамика имеет прикрытую, прямостенную и котловидную округлодонную форму сосудов. В орнаментации преобладают гребенчатые оттиски. Также присутствуют ямочные вдавления и прочерченные линии. К основным орнаментальным мотивам относятся шагающая гребенка, горизонтальные зигзаги, решетка, волнистые линии. Также отмечены мотивы в виде прямоугольников, треугольников и др. Подсчет индекса родственности между керамикой стоянки Чекалино IV с посудой поселения Бор I [Бадер, 1961а. С. 22-67] показал сходство по формам венчиков 0,50, элементам орнамента – 0,38, орнаментальным мотивам – 0,14, по пучку признаков – 0,34, между Большой Раковкой II и поселением Бор I 0,75, 0,50, 0,33, 0,52 соответственно.

Борские сосуды имеют прикрытые, прямые или открытые края и округлые днища, при этом преобладает котловидная форма сосудов. Орнаментация состоит из оттисков короткого, короткого овального, среднего, длинного гребенчатого штампом, ямочных вдавлений и прочерченных линий. Присутствуют в борских коллекциях сосуды, орнаментированные сдвоенной гребенкой. Орнаментальные мотивы

следующие: горизонтальные ряды, горизонтальные и диагональные полосы, горизонтальный зигзаг, решетка, треугольники. Специфичен для борской керамики мотив в виде «флажка». Индексы родственности между Чекалино IV и поселением Бор V [Бадер, 1961а. 86-92] составляют по формам венчика 0,50, элементам орнамента 0,42, орнаментальным мотивам 0,28, по пучку признаков 0,40, между Большой Раковкой II и указанным памятником 0,75, 0,53, 0,25, 0,51 соответственно. Индексы родственности при сравнении с поселением Малое Боровое Озеро [Бадер, 1959. С. 134-143] для Чекалино IV составили 0,50, 0,38, 0,14, 0,34, для Большой Раковки II – 0,75, 0,50, 0,25, 0,50.

Определенные параллели наблюдаются в материалах поселения Юртик на р. Вятке отнесенного А.Л. Наговициным к раннему этапу развития юртиковской культуры [Наговицин, 1984. С. 105]. Форма сосудов поселения Юртик яйцевидная с прикрытыми, прямыми, слегка отогнутыми наружу венчиками. Днища округлые и уплощенные. Орнамент выполнен гребенчатым, овально-зубчатым, гладким штампами. Также отмечены оттиски сдвоенной гребенки, насечки, ямочные вдавления. Орнаментальные мотивы представлены горизонтальными рядами оттисков, зигзагом, волнистыми линиями, наклонными рядами, треугольниками и пр. [Ошибкина, 1976. С. 180-182; 1980. С. 42-52; Сунцова, 1980. С. 66-69]. Индекс родственности между чекалинской керамикой и посудой поселения Юртик составил по формам венчиков 0,50, элементам орнамента 0,30, мотивам орнамента 0,36, пучку признаков 0,38, а между большераковской – 0,75, 0,41, 0,29, 0,48.

Среди волосовских памятников Марийского Поволжья наиболее обосновано проводить сопоставление с материалами Майданской стоянкой и Баркужерского III поселения. Индексы родственности для пары Чекалино IV – Майданская стоянка составили 0,75, 0,57, 0,27, 0,53, для пары Большая Раковка II – Майданская стоянка – 0,75, 0,50, 0,39, 0,54, для пары Чекалино IV – Барские Кужеры III – 0,50, 0,47, 0,38, 0,45, для пары Большая Раковка II – Барские Кужеры III – 0,66, 0,44, 0,18, 0,42.

Круг аналогии позднеэнеолитических материалов стоянки Елшанка XI очерченный А.В. Вискалиным практически совпадает с рассмотренным выше [Вискалин, 2008. С. 48-49]. Индексы родственности для пары Чекалино IV – Елшанка XI равны 0,40, 0,38, 0,25, 0,34, для пары Большая Раковка II – Елшанка XI – 0,60, 0,50, 0,36, 0,48.

Некоторые параллели прослеживаются и в материалах нижнего слоя поселения Имерка VIII в Примокшанье (примесь, форма сосудов, штампы). Но здесь более разнообразна профилировка сосудов, сложнее орнаментальные композиции, сочетающие короткие, средние и длинные отпечатки гребенчатых штампов, прочерченных линий, рамчатые оттиски [Королев, 1996. С. 122-123; 2006. рис. 17-19, С. 46-47]. Сходная картина наблюдается при сравнении с другими волосовскими мокшанскими сериями керамики. Так, подсчет индекса родственности с волосовским керамическим комплексом поселения Имерка I-б [Королев, 1995. С. 191-205; Королев, 2006. С. 45-48] показал следующие значения: для Чекалино IV – 0,60, 0,56, 0,35, 0,50, для Большой Раковки II – 0,80, 0,56, 0,39, 0,58.

Касаясь вопроса о южных параллелях керамики стоянок Чекалино IV и Большая Раковка II, необходимо указать на их своеобразие. На Алексеевской стоянке сосуды с острыми и плоскими днищами, прикрытыми желобчатыми венчиками, орнаментом, выполненным коротким и длинным гребенчатым штампами, аммонитом, оттиски которых образуют заштрихованные треугольники, горизонтальные ряды наклонно поставленного штампа, решетку, шагающую гребенку. К общим чертам можно причислить примесь раковины, Т-образные венчики, преобладание гребенчатых штампов в орнаменте [Васильев, 1977б. С. 67-68]. Нет полных аналогий и в материалах объединенных А.И. Юдиным в алтатинскую энеолитическую культуру [Юдин, 2010. С. 363-380]. Определенное сходство наблюдается с керамикой второй и частично третьей группы поселения Пшеничное, выражающееся в примеси, слегка прикрытые, прямые и слабо отогнутые венчиках орнаментации коротким и средним гребенчатым штампом, насечками,

«гусеничками» в виде горизонтальных рядов, вертикального зигзага [Юдин, 1989. рис. 1: 8-11; 2: 16, 18-19; 4: 4-6]. Степной круг аналогий следует расширить материалами второй энеолитической группы стоянки Шапкино VI. В керамике авторами раскопок определены растительные примеси, формы венчиков слабо прикрытые, прямые и слегка отогнутые. Срез округлый, скошенный, иногда утолщенный, есть гофрированный край. Украшена керамика преимущественно короткими гребенчатыми штампами, составленными в горизонтальные ряды, вертикальный зигзаг [Хреков, С. 25-27, рис. 10; 11: 2-7].

Таким образом, керамические комплексы стоянок Чекалино IV и Большой Раковки II не возможно соотнести с гаринской, волосовской культурами или токским культурным типом. Индексы родственности, просчитанные по пучку признаков, колеблются в пределах от 0,30 до 0,58 при сопоставлении с керамикой как восточных, так и западных территорий. При этом более «универсальными» признаками обладают материалы стоянки Большая Раковка II, дающие более высокие индексы в отличие от Чекалино IV. Данное обстоятельство дает основание для предположения о существовании в бассейне р. Сок особой локальной группы памятников, близких по своему облику лесным энеолитическим культурам. Распространение к юго-востоку, востоку и северу от р. Сок орнаментации ячеистым штампом во многом определяет направление культурных связей населения Большераковской II и Чекалинской IV стоянок.

Обращаясь к вопросу о культурной принадлежности материалов Гундоровского поселения, необходимо обратиться к материалам поселения Лебяжинка III (Рис. 61-63). Проведенный И.Н. Васильевой анализ технологии изготовления керамики данного памятника показал, что она слеплена из глинистого и глиноподобного материала с добавлением птичьего пуха, органики растительного характера, раковины. При изготовлении посуды применялся лоскутный налеп или спиралевидный лоскутный. При конструировании использовались твердые формы-основы с прокладкой из

крупноячеистой сети. Внешняя поверхность заглаживалась твердым предметом. Обжиг низкий костровой. Керамика толстостенная (0,8-1,3 см). Сосуды делятся на воротничковые и безворотничковые. Форма воротничка прямоугольная, подквадратная, трапецевидная, овальная. У безворотничковых сосудов венчики прямые, слабо и средне отогнуты наружу. Днища округлые, уплощенные и плоские. Если обратиться к типологии форм сосудов примененной для Гундоровского поселения, то на Лебяжинке III присутствуют бесшейные сосуды, сосуды с низкой шейкой и диаметром горла примерно равным диаметру тулова, сосуды с шейкой и диаметром горла меньше диаметра тулова. В орнаментации преобладает гребенчатая орнаментация. Также присутствуют оттиски аммонита, веревочки, полукруглые вдавления. Орнаментальные мотивы представлены шагающей гребенкой, зигзагом, рядами наклонных и прямо поставленных оттисков, решеткой и горизонтальными линиями [Овчинникова, 1995. С. 171-176]. Воротничковую, «волосовскую» керамику Гундоровского поселения и посуду поселения Лебяжинка III объединяют примесь в тесте, толщина стенок, форма сосудов, преобладание гребенчатой орнаментации, бедность ямочной орнаментации, практической отсутствие оттисков гладкого штампа, мотивы в виде шагающей гребенки, горизонтальных рядов штампа, зигзаг и пр. Однако на Гундоровке присутствуют сосуды с Г- и Т-образными венчиками, орнаментация, выполненная рамчатым штампом. В цифровом обозначении сходство между безворотничковой керамикой Гундоровского поселения и Лебяжинкой III следующее: по элементам орнамента 0,50, по орнаментальным мотивам 0,55. Индексы родственности между воротничковой керамикой Гундоровского поселения и посудой поселения Лебяжинка III по элементам орнамента равны 0,83, мотивам орнамента – 0,41. Таким образом, воротничковая керамика Гундоровского поселения ближе материалам Лебяжинки III нежели безворотничковая.

Определенные аналогии гундоровской керамики прослеживаются в материалах тоцкого типа. Если сходство керамики стоянок Чекалино IV и

Большая Раковка II с токсой посудой Ивановской и Турганинской стоянок наблюдается в прямостенных формах сосудов, орнаментации ячеистым штампом, ямками и пр. [Моргунова, 1984а. Рис. 13; 1989. Рис. 4: 3; Рис. 5: 5, 7, 11], то параллели Гундоровки можно видеть в профилированной посуде, с орнаментацией коротким и средним узкими гребенчатыми штампами, пояском ямок под венчиком, шагающей гребенкой [Моргунова, 1984а. Рис. 12; 1989. Рис. 4: 1; Рис. 5: 1, 2, 9; Рис. 6: 3]. В этом отношении примечательна профилировка токсских сосудов Ивановской и Турганинской стоянок. Указанные сосуды имеют прикрытое горло и раздутое тулово – преобладающую форму посуды Гундоровского поселения. Данная профилировка присутствует и в алтатинских материалах. На стоянке Монахов I на р. Большой Узень имеются сосуды с примесью раковины в тесте профилированные сосуды, орнаментированные вертикальной шагающей гребенкой, горизонтальными рядами наклонно поставленного гребенчатого штампа, горизонтальными линиями [Юдин, 1986. Рис. 1, 3, 7]. Керамика Петропавловской стоянки на р. Алтата имеет примесь раковины в тесте, диаметр горла меньше диаметра тулова, орнаментацию двузубым, коротким, средним узким гребенчатыми штампами, мотивы в виде горизонтального ряда, линии, зигзага [Черкасова, 1992. С. 20-22]. Указанные памятники исследованы малыми площадями, что наложило отпечаток на выборку материала, поэтому более детального сопоставления провести не возможно. Однако в этом отношении заслуживает внимание точка зрения В.В. Ставицкого о влиянии алтатинских традиций на образование материалов поселения Лебяжинка III, проявившиеся в первую очередь в каменном инвентаре памятника [Ставицкий, 2003. С. 145-153].

Работа по сопоставлению гундоровской керамики с волосовскими материалами основного ареала проводилась Н.В. Овчинниковой. Исследователь, сравнивая основные мотивы пяти территориальных групп волосовских памятников с орнаментацией Гундоровского поселения, пришла к выводу о близости с памятниками Марийского Поволжья, а затем Поочья и

Икско-Бельского междуречья [Овчинникова, 1991. С. 91-93]. Не отрицая результатов данного исследования, необходимо отметить несколько моментов: во-первых, волосовские памятники Марийского Поволжья находятся на различных хронологических позициях, во-вторых, несмотря на публикацию таблицы с орнаментальными мотивами Икско-Бельского междуречья Р.С. Габяшевым и П.Н. Старостиным, судя по работам казанских специалистов материалы данной территории неоднородны, в-третьих, за прошедшие двадцать лет с момента публикации статьи Н.В. Овчинниковой фонд источников по энеолиту Посурья и, особенно, Примокшанья значительно пополнился. Поэтому повторное сравнение гундоровской коллекции с волосовскими материалами, на наш взгляд, оправдано.

Р.С. Габяшев среди позднеэнеолитических памятников Икско-Бельского междуречья выделял комплексы Игимского поселения и II Дубово-Гривской стоянки, отмечая, что со временем могут обособиться и другие типы керамики [Габяшев, 1994. С. 31]. Признаки, на основании которых данные материалы обособились (плоскодонность, тонкостенность, серповидные ручки, гофрированные наlepные валики, гофрированные венчики для Игимского поселения, тонкостенность, примесь мелкой органики, шаровидная форма тулова с высокой цилиндрической шейкой для II Дубово-Гривской стоянки) для Гундоровского поселения не характерны. Общими формами сосудов Икско-Бельского междуречья и Гундоровки является яйцевидная и горшковидная, орнаментация, состоящая из оттисков гребенчатого штампа и ямок, мотивом в виде рядов прямо и наклонно поставленного штампа, горизонтального зигзага и линий, решетки, неоконтуренных ромбов, поясков ямок [Габяшев, 1978б. Рис.5].

Для сопоставления с позднеэнеолитическими памятниками Посурья были выбраны поселения Русское Труево II, Грабово I, Ховрино, Утюж V (вторая группа). Индексы родственности, подсчитанные по формам венчика, элементам и мотивам орнамента и пучку признаков следующие: Русское Труево II – Гундоровка – 0,33, 0,33, 0,23, 0,29, Грабово I – Гундоровка – 0,50,

0,46, 0,35, 0,43, Ховрино – Гундоровка – 1, 0,57, 0,40, 0,65, Утюж V (2 группа) – Гундоровка – 0,50, 0,35, 0,13, 0,32.

Сравнение с примокшанской группой волосовских памятников проводилось на материалах поселений Волгапино [Королев, 1998б. С. 226-248], Имерка I-б, Имерка VIII (1 и 2 группа). Индексы родственности составили для пары Волгапино-Гундоровка 0,83, 0,53, 0,40, 0,58, Имерка I-б – Гундоровка 1, 0,66, 0,35, 0,67, Имерка VIII (1 группа) – 1, 0,58, 0,25, 0,61, Имерка VIII (2 группа) – 1, 0,54, 0,37, 0,63.

Среди волосовских памятников Марийского Поволжья были отобраны данные о Майданской стоянке, Баркужерском III, Руткинском, Уружумкинском, Мазарском I, Ахмыловском II, Сутырском V (поздний комплекс) поселениях. Индексы родственности с Майданской стоянки равны 0,66, 0,35, 0,25, 0,42, для пары Барскими Кужерами III – 1, 0,50, 0,29, 0,59, Руткой – 1, 0,36, 0,35, 0,57, Уржумкой – 1, 0,33, 0,19, 0,50, Ахмылово II – 1, 0,50, 0,37, 0,62, Мазарами I – 0,66, 0,54, 0,30, 0,50, Сутырями V – 0,83, 0,18, 0, 0,33.

Таким образом, наибольшее сходство с материалами Гундоровского поселения среди памятников Посурья демонстрирует поселение Ховрино, Марийского Поволжья – памятники развитой и поздней поры – Барские Кужеры III, Рутка, Ахмылово II и примокшанская группа волосовских памятников. Привлекает внимание, что индексы, полученные по пучку признаков для указанных памятников примерно равны, и колеблются в пределах от 0,57 до 0,67, что свидетельствует в пользу предположения о принадлежности материалов Гундоровского поселения к волосовскому кругу памятников. Значительная территориальная отдаленность гундоровского позднеэнеолитического комплекса от основного ареала волосовской культуры и расположение на границе со степным миром определили его своеобразие.

В ближайший круг аналогий керамики «с внутренним ребром» очерченный А.И. Королевым и Н.В. Овчинниковой входили хвалынские,

ивановские, турганикские, алтатинские, среднестоговские комплексы Поволжья и сопредельных территорий. Если с хвалынской и ивановской керамикой наблюдается отдаленное сходство (форма сосудов, система построения орнамента, состоящая из оттисков гребенчатого и гладкого штампа, овальной ямки, мотивы в виде горизонтальных линий, зигзагов, рядов косо поставленного штампа, треугольников), то сопоставление со среднестоговской, алтатинской и турганикской посудой выглядит более обосновано. Наиболее представительная выборка турганикской керамики происходит с Ивановской стоянки [Моргунова, 1980. С. 114-115; 1989. С. 129-132]. Тесто керамики содержит примесь дробленой раковины. Внешняя поверхность посуды заглажена. Сосуды имеют прямостенную и горшковидную форму с округлыми, уплощенными и плоскими днищами. Орнамент включает попеременно сменяющие друг друга горизонтальные линии, зигзаги, ряды косо и прямо поставленных оттисков, заштрихованные треугольники, ряды ямок овальной и округлой форм. Индексы родственности между турганикской керамикой и керамикой «с внутренним ребром» стоянки Чекалино IV по элементам и мотивам орнамента составили 0,55, 0,53, Гундоровским поселением 0,60, 0,69 соответственно. Со среднестоговской посудой Примокшанья керамику «с внутренним ребром» роднит примесь раковины и пера в тесте, штриховка внешней поверхности, горшковидная форма сосудов, характер оформления горла сосуда, использование коротких и средних узких гребенчатых орнаментов, гладкого штампа, мелких ямок овальной и округлой форм. Однако для Примокшанья не характерны прямостенные формы сосудов, мотивы в виде заштрихованных треугольников, горизонтальные зигзаги из оттисков гребенчатого штампа, в тоже время здесь отмечена веревочная орнаментация, горизонтальные зигзаги из оттисков нарезок гладкого штампа, волнистые прочерченные линии. Индекс родственности по элементам и мотивам орнамента между среднестоговской керамикой поселения Имерка VIII и «керамикой с внутренним ребром» Чекалино IV составил 0,38, 0,35, Гундоровки 0,61, 0,42.

Аналогии керамики «с внутренним ребром» в материалах алтатинского типа прослеживаются только на примере поселения Пшеничного. Здесь встречены сосуды с выделенным ребром и орнаментом, состоящим из прямо поставленных оттисков гребенчатого штампа, горизонтальных линий и зигзагов, свисающих вниз треугольников, рядов насечек [Юдин, 1989. Рис. 1: 3-4; Рис. 3: 3, 5, 7]. Следует отметить на присутствие в четвертой группе керамики поселения Кумыска на р. Торгун соотносимой А.И. Юдиным со среднестоговскими материалами сосуда с внутренним ребром и орнаментом из горизонтальных линий и свисающих вниз заштрихованных треугольников [Юдин, 1999. Рис. 9: 1]. Таким образом, учитывая большую типологическую и территориальную близость посуды «с внутренним ребром» бассейна р. Сок турганикскому типу керамики следует их рассматривать в рамках одного культурного образования, а различия в примесях, некоторых элементах и мотивах орнамента в качестве локальных особенностей.

2.4. Проблемы культурной принадлежности позднеэнеолитических комплексов Сурско-Свияжского междуречья

В.В. Ставицкий сопоставляя комплекс поселения Русское Труево II с алтатинскими материалами Нижнего Поволжья, к числу общих признаков относил: использование в качестве сырья для изготовления орудий кварцит, отщеповый характер каменной индустрии, ограниченное число морфологически выраженных орудий представленных ножами, наконечниками, скребками, наличие двусторонне обработанных листовидных наконечников стрел, ножей овальной формы, концевых скребков овальной формы, отсутствие деревообрабатывающих орудий, профилированность сосудов и наличие желобчатых венчиков, раковинная примесь, орнаментацию зубчатым штампом, ногтевидными насечками, вдавлениями, орнаментальные мотивы в виде горизонтального ряда вдавлений, наклонных оттисков, шагающей гребенки. Указывались и различия: отсутствие на Русском Труево II накольчатой керамики

неолитоидного облика, и наличие орнаментации выполненной гладким штампом, распространение в алтатинских материалах орудий на пластинах, треугольных наконечников с прямым и вогнутым основанием и отсутствие черешковых наконечников. Совпадение признаков В.В. Ставицкий трактовал как свидетельство генетического единства, а различия объяснял хронологическими и территориальными причинами [Ставицкий, 2002. С. 94]. Более осторожную позицию в определении культурной атрибуции русско-труевского комплекса занял А.И. Юдин. Автором указывалось на более широкое распространение на памятнике изделий из кремня, вслед за В.В. Ставицким отмечалось преобладание в Нижнем Поволжье наконечником с выемкой и усеченном основанием, а также присутствие здесь скребков с зеркальным расположением лезвия, совпадение из трех выделенных для алтатинской керамики форм с Русским Труевым II только горшковидной формы, более широкое распространение гребенчатой орнаментации и ее геометризм на алтатинской посуде. А.И. Юдин, не исключая генетического единства русско-труевского комплекса с алтатинскими материалами, высказал мысль о конвенгентном характере сходства указанных памятников [Юдин, 2006. С. 155-156]. Следует отметить, что такие признаки как отщеповой характер индустрии, листовидные наконечники стрел, концевые скребки на отщепах, раковинная примесь, орнаментация из оттисков гребенчатого штампа, насечек, вдавлений, и мотивы образованные ими имеют достаточно широкое распространение в энеолите лесостепного Поволжья. Ножи овальной формы встречаются на волосовских памятниках Примокшанья и Марийского Поволжья [Королев, 2006. С. 64; Никитин, 1987. Рис. 2: 10], рубящее орудие имеется на поселении Русское Труево II [Ставицкий, 2002. Рис. 6: 1], а бедность ассортимента каменных орудий поселения Русское Труево II не выглядит столь заметной при сравнении с другими однослойными жилищными комплексами. Для сравнения можно привести волосовские материалы Марийского Поволжья с поселений Майданское II, III, IV, каменный инвентарь которых также

представлен скобле-режущими предметами, наконечниками, перфораторами и деревообрабатывающими орудиями. Таким образом, наиболее вескими аргументами в пользу принадлежности поселения Русское Труево II к памятникам алтатинского типа является кварцитовая индустрия и профилировка сосудов. Однако сосуды с такой профилировкой распространены в среднестоговских комплексах Примокшанья поселений Шаморга XI, Имерка VIII, материалах поселения Скачки, несущих, по мнению А.И. Королева и В.В. Ставицкого, синкретические стоговско-волосовские черты, на волосовской керамике второй группы поселения Имерка VIII [Королев, Ставицкий, 2006. Рис. 4: 1,3,4; Рис. 6-8; Рис. 41-43; С. 21-23]. Индексы родственности для пары среднестоговская керамика поселения Имерка VIII – Русское Труево II равны 0,50, 0,70, 0,45, 0,55, для пары Скачки - Русское Труево II – 0,66, 0,55, 0,36, 0,52, волосовская керамика второй группы поселения Имерка VIII - Русское Труево II – 0,33, 0,63, 0,29, 0,41. Из одиннадцати памятников Нижнего Поволжья объединенных А.И. Юдиным в алтатинскую энеолитическую культуру репрезентативную выборку керамики содержит только поселение Пшеничное на р. Торгун. Энеолитическая керамика данного памятника на основании взаимосочетании признаков, наличии переходных форм сосудов, общей примеси в тесте, совместном залегании на памятнике рассматривается А.И. Юдиным в качестве единого комплекса [Юдин, 1986. С. 154]. Индексы родственности, подсчитанные по формам венчика, элементам и мотивам орнамента между керамикой Русского Труева II и Пшеничного составили 0,50, 0,55, 0,19, 0,41. Таким образом, энеолитический комплекс поселения Русское Труево II имеет наибольшие индексы родственности с материалами поселения Скачки, что можно трактовать в качестве свидетельства их генетического единства. Поскольку керамика Русского Труева II имеет более разреженную орнаментацию, длинные гребенчатые штампы, для нее не характерны оттиски изогнутого гребенчатого штампа, сочетания мотивов из горизонтальных линий гладкого штампа и горизонтальных рядов

косо поставленных оттисков или ямок, то можно предположить, что данный комплекс фиксирует угасание среднестоговских традиций в Сурско-Мокшанском междуречье. Различия в типах каменных орудий и керамики поселения Русское Труево II с материалами алтатинского типа, несмотря на наличие сходного сырья и некоторых параллелей в форме и орнаментации посуды, не позволяют рассматривать их в рамках одного культурного образования.

В.В. Ставицкий поставил вопрос о самостоятельном культурном статусе позднеэнеолитических древностей лесостепного Посурья. К числу специфических черт автор относит более плотную структуру керамики, отсутствие рамчатых штампов, высокую долю ямчатых вдавлений, мотивы в виде косо-вертикальной лесенки, вертикальных спаренных и строенных зигзагов, треугольников заполненных рядами вдавлений, уступчики и желобки на сосудах, наконечники стрел с выемчатым основанием, распространение металлических изделий, кварцитовую индустрию [Ставицкий, 2006в. С. 194-195].

Отличительные признаки, выделенные В.В. Ставицким для памятников Посурья, нуждаются в некоторых коррективах. Так волосовская керамика Марийского Поволжья приобретает более плотную структуру с позднего этапа развития культуры. Орнаментация рамчатым штампом отсутствует на ряде памятников Марийского Поволжья (Майданская стоянка, Уржумкинское, Ахмыловское II, Руткинское поселения), Примокшанья (Волгапино). Высокая доля орнаментации из ямочных вдавлений характерна для волосовской керамики Примокшанья. По подсчетам А.И. Королева на Имерке VIII она составляет для керамики первой группы 50,5 %, второй группы – 30,5 %, Имерке I-Б – 40 %, Имерке II – 40 %, Имерке III – 28 %, Волгапино – 30 %, Широмазово II – 43 %, Новом Усаде IV - 62,5 % [Королев, Ставицкий, 2006. С. 45-56]. В Марийском Поволжье ямчатая орнаментация не столь распространена. Наиболее высокий процент она составляет на Мазарском I (18 %), Баркужерском III (15,45 %) поселениях. Треугольные наконечники стрел с выемчатым основанием встречены на Имерке VIII,

Волгапино [Королев, Ставицкий, 2006. Рис. 44: 9, 10; Рис. 46: 31-33], Мазарском I и Руткинском поселениях [Никитин, 1987. С. 28]. Геометризм орнамента, ярко выраженные уступчики на сосудах, изделия из металла являются характерной чертой ховринского комплекса, обособившегося в результате подсчета индексов родственности от позднеэнеолитических материалов Посурья.

Поскольку материалы Сурско-Свияжского междуречья разделяются на несколько локальных и хронологических групп, то наиболее целесообразно проводить сопоставление отдельно для каждой из них.

Первая группа представлена фрагментами посуды с поселений Утюж I, V, Черненькое Озеро III в Среднем Посурье имеющая технико-типологические признаки ранневолоховской керамики. Малочисленность данных материалов не позволяют использовать при определении источника их появления в Посурье статистических методов. Аналогии орнаментации данной керамики отмечены как в раннем комплексе поселения Имерка VIII в Примокшанье [Королев, 2006. Рис. 17: 2,4], так и в материалах Марийского Поволжья типа Майданской стоянки. Однако, по мнению В.В. Никитина, ранние материалы Марийского Поволжья различаются по примесям в тесте. Раковинная примесь отмечена в керамике правобережья р. Волги, добавки в виде пера и раковины использовались на левом берегу р. Волги [Никитин, 1991. С.25-26]. В последние годы работы по изучению технологии изготовления керамики подтвердили наблюдения В.В. Никитина. Так керамика с поселения Парат XII близкая по формам сосудов, орнаментации, фактуре майданской посуде имеет примесь раковины и пера [Выборнов, 2000. С. 310], посуда нижнего слоя поселения Имерка VIII в Примокшанье изготавливалась только с добавлением дробленной раковины [Петряшов, 1998. С. 69]. Судя по результатам технологического анализа керамики стоянки Черненькое Озеро III, ранневолоховская керамика Среднего Посурья имеет примесь раковины [Васильева, 2010. С. 83]. Таким образом, среднесурская

ранневолосовская керамика имеет отличную от майданской и сходную с примокшанской примесь в тесте. Следует отметить, А.И. Королевым и В.В. Ставицким происхождение волосовских древностей бассейна р. Мокши связывается с западным ареалом распространения волосовской культуры [Королев, 2006. С. 93-94], где смена примеси раковины на примесь раковины и пера подтверждена рядом стратифицированных памятников [Крайнов, 1987. С. 14].

Ко второй группе позднеэнеолитических древностей Среднего Посурья относятся материалы поселений Утюж V, Утюжский Бугор, Утюж III (Стемасы), Китай-Озеро, и посуда первой группы стоянки Новая Деревня на р. Цивиль имеющие аналогии в керамике развитого и позднего этапа волосовской культуры. Репрезентативная коллекция данной керамики происходит с поселения Утюж V. Индексы родственности, подсчитанные по формам венчиков, элементам и мотивам орнамента между керамикой второй группы поселения Утюж V составили с Мазарским I поселением 0,75, 0,46, 0,37, 0,52, с Руткинским поселением – 0,50, 0,50, 0,46, 0,48, Уржумкинским поселением - 0,50, 0,62, 0,50, 0,54, Ахмыловским II – 0,50, 0,60, 0,25, 0,45, Баркужерским III – 0,50, 0,60, 0,41, 0,47, керамикой развитого комплекса поселения Имерка VIII – 0,50, 0,70, 0,44, 0,54, Волгапино – 0,60, 0,63, 0,53, 0,58. Таким образом, керамика второй группы поселения Утюж V имеет примерно одинаковые индексы родственности, как с памятниками лесной полосы Среднего Поволжья, так и Примокшанья. Несколько большие результаты дало сопоставление с керамикой поселения Скачки – 1, 0,50, 0,35, 0,61. Полученные результаты позволяют высказать предположение о промежуточном положении среднесурских материалов между памятниками Марийского Поволжья и Примокшанья на развитом этапе развития волосовской культуры, а также присутствии в них некоторых постстоговых элементов.

Индексы родственности между барышско-свияжской группой и волосовскими памятниками Марийского Поволжья следующие: Ховрино –

Мазарское I – 0,66, 0,53, 0,41, 0,53, Ховрино – Баркужерское III – 1, 0,53, 0,23, 0,58, Ховрино – Руткинское – 1, 0,60, 0,35, 0,65, Ховрино – Уржумкинское – 1, 0,60, 0,46, 0,68, Ховрино – Ахмыловское II – 1, 0,81, 0,41, 0,74, Елшанка XI – Мазарское I – 0,60, 0,46, 0,26, 0,44, Елшанка XI – Баркужерское III – 0,66, 0,50, 0,31, 0,49, Елшанка XI – Руткинское – 0,66, 0,50, 0,38, 0,51, Елшанка XI – Уржумкинское – 0,66, 0,55, 0,52, 0,57, Елшанка XI – Ахмыловское II – 0,66, 0,60, 0,33, 0,53. При подсчете коэффициента сходства с памятниками Примокшанья были получены следующие значения: Ховрино – Имерка VIII (2 группа) – 1, 0,63, 0,45, 0,69, Ховрино – Волгапино – 0,83, 0,72, 0,34, 0,63, Елшанка XI – Имерка VIII (2 группа) – 0,66, 0,60, 0,44, 0,56, Елшанка XI – Волгапино – 0,66, 0,66, 0,65, 0,66. Индексы родственности между керамикой барышско-свияжской группы и материалами западных и северных волосовских памятников несколько выше относительно показателей полученных при сопоставлении среднесурских памятников с указанными комплексами. При этом индексы практически совпадают как при сравнении с памятниками Марийского Поволжья, так и с материалами Примокшанья, однако примечателен относительно высокий коэффициент сходства между Ховринским и Ахмыловским II поселениями, что дает основание для предположения о приоритете в формировании барышско-свияжской группы памятников поздневолосовских материалов левобережья Волги. Однако керамика Ховринского поселения имеет ряд не характерных для волосовской посуды черт (стянутое горло ряда сосудов, валики и уступчики, шагающая гребенка), которые вкупе с треугольными наконечниками с выемкой, металлическими предметами заставляют обратиться к проблеме истоков своеобразия данного комплекса.

В литературе было предложено несколько вариантов объяснения специфики ховринского комплекса. В.В. Ставицкий сопоставляя ховринские медные изделия с материалами трипольской культуры, указывает на аналогии деревообрабатывающему орудю с грибовидным обушком из Ховрино теслам-долотам типа Салаця, пластине с развернутыми концами

находкам из Карбунского клада. Также им отмечалось совпадение таких категорий металлических предметов, как круглые бляхи с круговым пуансонным орнаментом, рыболовные крючки, ножи. Сложение комплекса типа Ховрино на Суре, по мнению автора, связано с алтатинскими традициями [Ставицкий, 2006. С. 194]. Однако, при определенном сходстве между трипольскими металлическими предметами и изделиям поселения Ховрино необходимо отметить следующее. Долота, крючки, гарпуны, ножи, стержни известны в гаринских, юртиковских и волосовских комплексах [Бадер, 1961а. Рис. 23, 45, 101, 110; 1961б, Рис. 47, 104; 1970. Рис. 91; Кузьминых, 1977; 1980; Наговицин, 1987. С. 34]. Между теслами-долотами типа Саяца и орудием Ховринского поселения имеются различия. Н.В. Рындина отмечает, что данные орудия имеют по центру наружной грани продольный выступ, придающий сечению пятигранные очертания, что не зафиксировано на Ховрино [Рындина, 1998. С. 138]. Для трипольских тесел-долот не характерно желобчатое оформление лезвия, имеющее место на ховринском тесле. Намеченный желобок зафиксирован на медном рубящем орудии с энеолитического поселения Бойцовское VI в Прикамье [Бадер, 1961б. Рис. 47]. Бляхи с пуансонным орнаментом, крючки, стержни, ножи, наряду с кремневыми треугольными наконечниками стрел имеют широкое распространение в степной зоне Восточной Европы в эпоху энеолита-бронзы. Так округлые бляхи помимо Триполья встречены в ямно-катакомбное время на территории от Южного Побужья до Приуралья [Богданов, 2004. Рис. 56: 19; Гей, 2000. Рис. 46; Кияшко, 1999. Рис. 90: 7; Рис. 95: 1-3; Черников, 1988]. В памятниках новотиторовской культуры Предкавказья присутствуют ножи с изогнутым лезвием [Гей, 2000. С. 153]. Если связывать появление металлических предметов на Ховрино со степными энеолитическими культурами, то не совсем ясно их относительное разнообразие на памятнике. Поскольку медные изделия в степном энеолите представлены только украшениями, пластинками и шильями [Рындина, 1998. С. 151; Телегін, 1973. С. 77-80; Телегин, 2001; Кияшко, 1994. С. 57-58], за исключением плоского

тесла с хутора Розы Люксембург и молота-скипетра из Петро-Свистуново, имеющие, однако значительные различия с долотом из Ховрино. Более перспективным является поиск источника своеобразия ховринского комплекса среди степных культур эпохи бронзы разрабатываемый в первую очередь А.В. Вискалиным. Среди культур эпохи бронзы степной полосы наибольшее сходство ховринская керамика демонстрирует с катакомбной и полтавкинской. Параллели наблюдаются горшковидной форме сосудов с плоскими днищами, валиками и уступчиками по бокам, орнаментации выполненной гребенчатым и гладким штампами, овальной, округлой ямкой, отпечатками полой кости, мотивах орнамента в виде шагающей гребенки, горизонтальных и наклонных рядов косо поставленного штампа, треугольников, решетки из прочерченных линий, рядов ямок [Васильев, 2000г. С. 62-64; Мочалов, 2008. С. 55-56; Синюк, 1996. С. 166-167]. Этому не противоречат и аналогии металлическим предметам Ховринского поселения, отмеченные в Предкавказье, поскольку, И.Б. Васильевым, П.Ф. Кузнецовым, М.А. Турецким указывалось на южное воздействие на полтавкинскую культуру, выражающееся, прежде всего, в металлопроизводстве.

Индексы родственности между верхнесурскими памятниками и материалами Марийского Поволжья и Примокшанья равны: Грабово I - Мазарское I – 0,75, 0,53, 0,27, 0,51, Грабово I - Баркужерское III – 0,50, 0,46, 0,22, 0,39, Грабово I - Руткинское – 0,50, 0,44, 0,20, 0,38, Грабово I – Уржумкинское – 0,50, 0,45, 0,32, 0,42, Грабово I – Ахмыловское II - 0,50, 0,63, 0,25, 0,46, Грабово I – Имерка VIII (2 группа) – 0,50, 0,77, 0,34, 0,53, Грабово I – Волгапино – 0,60, 0,75, 0,50, 0,61, Подлесное V - Мазарское I – 0,75, 0,26, 0,17, 0,39, Подлесное V - Баркужерское III – 0,50, 0,35, 0,16, 0,33, Подлесное V - Руткинское – 0,50, 0,22, 0,10, 0,27, Подлесное V - Уржумкинское – 0,50, 0,27, 0,20, 0,32, Подлесное V - Ахмыловское II – 0,50, 0,45, 0,10, 0,35, Подлесное V - Имерка VIII (2 группа) – 0,50, 0,55, 0,11, 0,38, Подлесное V – Волгапино – 0,60, 0,71, 0,23, 0,51. Таким образом, судя по

коэффициентам сходства верхнесурские памятники ближе к памятникам Примокшанья.

Следующую группу позднеэнеолитической керамики Среднего Посурья составляют материалы со стоянок Молебное Озеро III, Черненькое Озеро III, стоянки Новая Деревня (жилище № 2), имеющие основные характеристики древностей позднего (Ахмылово II) и в большей степени завершающего этапа волосовской культуры (Выжум II, Сутыри V (поздний комплекс). Поскольку в Марийском Поволжье прослежен генезис данных комплексов, а на территории Примокшанья они не известны, то их появление в Посурье следует связывать с левобережьем Волги.

Ограниченность достоверно позднеэнеолитических каменных орудий в Сурско-Свияжском междуречье затрудняет сопоставление по данному критерию с комплексами соответствующего времени сопредельных территорий. Однако, основные типы наконечников стрел, скребков, ножей, рубящих орудий отнесенные к позднему энеолиту совпадают с типами каменных орудий волосовских памятников Примокшанья и Марийского Поволжья [Королев, 2006. С. 61-82; Никитин, 1987]. Однако в Сурско-Свияжском междуречье редки скобели, овальные скребки, многолезвийные ножи овальной формы, не отмечены топоры и ряд других типов каменных орудий.

Жилищные постройки Сурско-Свияжского междуречья конструировались в рамках домостроительства позднеэнеолитического времени Среднего Поволжья. Так изолированные подквадратные постройки известны на Руткинском поселении в Марийском Поволжье, на имеркских памятниках Имерка V и Новый Усад IV Примокшанья. Пропорции позднеэнеолитических жилищ Сурско-Свияжского региона совпадают с размерами полуземлянок волосовского населения Среднего Поволжья. Например, пропорции подквадратных жилищ малых размеров зафиксированы на поселении Парат XII, средних подквадратных - на Майданской стоянке (жилище 1), Руткинском поселении (жилище 4), средних прямоугольных - на поселениях Ахмылово II (жилище 6) и Барские

Кужеры III (жилище 6), крупных прямоугольных - на поселениях Имерка I-б, Волгапино, Майданское IV и Майданской стоянке (жилище 2). В.В. Никитин разделяет волосовские жилища на три размерные группы: небольшие (до 30 кв. м), средние (35-80 кв. м), крупные (более 85 кв. м), Сооружения второй группы преобладают в волосовских поселках (68 % на раннем этапе, 54 % на среднем и позднем этапах) [Никитин, 2002. С. 25]. В Примокшанье волосовских сооружений с площадью 35-80 кв. м - 88 %, до 30 кв. м – 12 % [Королев, 2006. С. 34]. Для Сурско-Свияжского междуречья постройки первой размерной группы составляют 36 %, второй – 64 %, жилищ более 85 кв. м в регионе не зафиксировано. Таким образом, в Сурско-Свияжском междуречье при общей тенденции для волосовской культуры конструирования жилищ площадью в диапазоне от 35 до 80 кв. м более высокий процент сооружений малых размеров.

Подводя итог рассмотрения вопроса о культурной принадлежности позднеэнеолитических комплексов Среднего Поволжья необходимо отметить следующее.

В Самарском Поволжье выделяются три группы позднеэнеолитической керамики. Первая, представленная материалами стоянок Чекалино IV, Чесноковка II, Большая Раковка II и ряда других памятников по технико-типологическим признакам тяготеет к восточному крылу волосовско-гаринской общности и близким к нему токсскому типу южных районов Волго-Уралья. Вторая группа керамика, происходящая с Гундоровского поселения более близка к волосовской культуре развитого этапа, но при этом имеет ряд признаков степного и лесостепного энеолита. Третья группа (Чекалино IV, Гундоровка) иллюстрирует лесостепную линию развития позднеэнеолитических древностей Самарского Поволжья и является северо-западным вариантом турганикского типа керамики.

В Сурско-Свияжском междуречье выделено пять территориально-хронологических групп позднеэнеолитических комплексов. Первая локализуется в Утюжском археологическом микрорайоне и сопоставима с

ранневолосовской керамикой Примокшанья. Материалы второй группы, имея более широкий ареал распространения в пределах среднего течения р. Суры и бассейна р. Цивиль занимают промежуточное положение между памятниками Марийского Поволжья и Примокшанья среднего этапа развития волосовской культуры, при этом имея некоторые признаки постостоговских древностей Верхней Суры и Мокши. Третья группа памятников расположена в верховьях Суры и имеет наибольшую близость памятникам развитой поры Примокшанья. Четвертая группа локализуется в Барышско-Свияжском междуречье и близка поздневолосовским комплексам Марийского Поволжья, а также несет в себе черты влияния культур эпохи средней бронзы степной полосы. Пятая группа представлена керамикой Утюжского археологического микрорайона и бассейна р. Цивиль и связана с материалами завершающего этапа волосовской культуры Марийского Поволжья.

ГЛАВА III. ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ, ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ДАЛЬНЕЙШЕЙ СУДЬБЫ ПОЗДНЕГО ЭНЕОЛИТА СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

3.1. Вопросы абсолютной хронологии позднего энеолита

При определении вектора направления культурных связей большое значение имеет хронологическая составляющая данной проблемы. Следует отметить, что дат собственно для позднеенеолитических материалов Среднего Поволжья до недавнего времени не существовало. Для памятников Марийского Поволжья было известно всего два определения по С14: для материалов красномостовского типа с Дубовского VIII поселения (4360 ± 50) и для поздневолосовско-раннечирковских материалов Удельно-Шумецкого VII поселения (3710 ± 30) [Никитин, 1991. С. 68-69]. Данное обстоятельство заставляло при определении хронологической позиции волосовской культуры Марийского Поволжья опираться на типологический анализ находок, данные стратиграфии и синхронизации с волосовской культурой Волго-Окского междуречья и юртиковской культурой бассейна р. Вятки, для которых были известны радиоуглеродные даты. Хронологическое положение позднеенеолитических древностей Самарского Поволжья определялось в промежутке между временем существования воротничковых древностей в конце V – середине IV тыс. до н.э. (в некалиброванном значении) [Агапов, 1990. С. 86; Овчинникова, 1995. С. 189; Моргунова, 1995. С. 72; Кузнецов, 1996. С. 56; Васильев, 2000в. С. 220], и ямной культуры датируемой в Волго-Уралье серединой III - началом II тыс. до н.э. (в некалиброванном значении) [Турецкий, 2006. С. 97]. При этом не исключалось сосуществование на одной территории волосовского и ямного населения вплоть до полтавкинского времени. При решении вопроса о хронологии верхнесурских позднеенеолитических материалов А.И. Королев в основном опирался на даты по С14 Примокшанья [Королев, 1999б. С. 13-14]. Таким образом, определение абсолютного возраста позднеенеолитических комплексов является одной из актуальных проблем в

изучении меднокаменного века Среднего Поволжья. В последние годы в Киевской радиоуглеродной лаборатории было получено 35 дат по C14 для позднего энеолита Среднего Поволжья. Однако, несмотря на увеличение датировок для позднего энеолита число определений для отдельно взятого типа памятников ограничено, что позволяет лишь наметить их хронологические позиции.

Поскольку большинство используемых в данной работе дат получено по керамическому материалу из открытых и полузакрытых комплексов и существует вероятность того, что они могут быть неодновременные, то необходимо дать характеристику продатированным образцам.

Хронология волосовской культуры Марийского Поволжья сейчас подкреплена шестнадцатью датами по C14, полученным по материалам с Майданской стоянки, поселений Отарское XVIII, Парат XII, Сутырское V, Удельно-Шумецкое VI. Материалы Майданской стоянки, Паратского XII, Удельно-Шумецкого VI и первый комплекс Сутырского V поселений отнесены авторами раскопок к раннему этапу развития волосовской культуры. Коллекция Отарского XVIII поселения содержит уплощенное днище и сосуд с ярко выраженным Г-образным венчиком. Радиоуглеродное определение данного памятника проводилось по фрагментам сосуда с прямыми стенками и слегка уплощенным венчиком, орнаментированного по тулову горизонтальными и вертикальными рядами оттисков короткого гребенчатого штампа. Для данного образца были получены даты 5130 ± 80 (Ki – 15729), 4950 ± 80 (Ki – 15730). Для анализа из коллекции поселения Парат XII было отобрано два образца керамики. Один из них имеет орнаментацию из пересекающихся рядов отпечатков короткой гребенки (5080 ± 70 (Ki – 16294), 4970 ± 80 (Ki – 16295)), второй из оттисков веревочки (4930 ± 70 (Ki – 16296), 4820 ± 70 (Ki – 16297)). С поселения Сутырское V был продатирован сосуд баночной формы с ямчатыми вдавлениями по срезу венчика и горизонтальными рядами оттисков гребенчатого штампа по тулову. Для него получены следующие радиоуглеродные определения: 4900

± 80 (Ki – 16298), 4880 ± 80 (Ki – 16299). Образцы с Майданской стоянки представляют собой обломки посуды, орнаментированные овальными ямками (4825 ± 80 (Ki–16215)). Продатированный сосуд с Удельно-Шумецкого VI поселения имеет прямые стенки, уплощенный венчик и орнамент из вертикальных рядов отпечатков узкого длинного гребенчатого штампа. Для него получена дата 4720 ± 80 (Ki – 15731). Второй керамический комплекс Сутырского V поселения обладает технико-типологическими признаками финальноволосовской посуды Марийского Поволжья. Для анализа были отобраны три образца, два из которых являлись обломками неорнаментированных стенок, один – плоским дном. Полученные радиоуглеродные даты следующие: 4610 ± 70 (Ki – 16300), 4500 ± 70 (Ki – 16301), 4690 ± 80 (Ki – 16302), 4600 ± 70 (Ki – 16303), 4710 ± 80 (Ki – 16304), 4650 ± 80 (Ki – 16305).

С территории Самарского Поволжья продатированы материалы со стоянок Чекалино IV, Лебяжинка IV, Гундоровского поселения. Со стоянки Чекалино IV имеются даты как для керамики с «внутренним ребром», так и для посуды «лесного облика». Среди материалов лесного круга стоянки Чекалино IV имеются даты для сосуда орнаментированного веревочкой (6620 ± 80 (Ki-15775)), спаренной ямкой (5840 ± 80 (Ki-14571), 5470 ± 140 (Ki-15774)), аморфной ямкой (5240 ± 80 (Ki-14574)), коротким гребенчатым штампом (5050 ± 80 (Ki-16440)), серповидным штампом (5065 ± 70 (Ki-16439)). Даты для керамики «с внутренним ребром» получены для неорнаментированного горшковидного сосуда покрытого расчесами (5270 ± 80 (Ki-14572)) и сосуда орнаментированного попеременно сменяющими друг друга рядами прямо и наклонно поставленных оттисков (5320 ± 80 (Ki-14573)). С Гундоровского поселения продатированы образцы керамики волосовского типа. Первый имеет мотив в виде неоконтуренных ромбов выполненный гребенчатым штампом (5270 ± 80 (Ki-16278)), второй орнаментирован оттисками рамчатого и гребенчатого штампов (5380 ± 70 (Ki-16279)), третий отпечатками среднего гребенчатого штампа (5290 ± 70 (Ki-

16280)). Со стоянки Лебяжинка IV определение по C14 получено для сосудов с сильно отогнутым наружу венчиком и орнаментацией сочетающей в себе ряды длинного и короткого гребенчатого штампов (5420 ± 70 (Ki-15583)) [Моргунова, 2010б. С. 24].

Среди памятников позднего энеолита Сурско-Свияжского междуречья радиоуглеродные даты имеют поселение Русское Труево II (кость и керамика) - 4790 ± 70 (Ki-15732), 4680 ± 70 (Ki-15084), сосуд с Утюжа III (Стемасы) – 4730 ± 90 (Ki-15197), 4620 ± 80 (Ki-15626), материалы, связанные с поздним комплексом поселения Утюж V (керамика и почва из-под развала) - 3310 ± 80 (Ki-16403), 3930 ± 90 (Ki-16423), 3840 ± 100 (Ki-16402).

Радиоуглеродные даты вынесены в таблицы № 14-15.

Наблюдается достаточно компактное расположение датировок для ранневолосовской керамики в пределах первой половины III тыс. до н.э. в некалиброванном значении. При этом значения для Отарского XVIII поселения коллекция, содержащая плоские днища практически совпадает с датами для памятников, на которых данная форма днищ отсутствует. По подсчетам индекса родственности материалы Отарского XVIII поселения показывают промежуточное положение между памятниками раннего и развитого этапов, в чем немаловажную роль сыграло форма днищ. Учитывая данное обстоятельство, полученные даты выглядят несколько удревленными относительно других ранневолосовских памятников.

Как уже отмечалось, В.В. Никитин при определении времени существования волосовских памятников Марийского Поволжья использовал данные по хронологии нео-энеолитических древностей Волго-Окского междуречья и Средней Вятки и датировал ранние волосовские памятники Среднего Поволжья серединой – третьей четвертью III тыс. до н.э. в некалиброванном значении [Никитин, 1996. С. 151].

Даты C14 по волосовским памятникам Волго-Окского междуречья часто происходят с поселений содержащих разнокультурный материал.

Нередко собственно волосовские коллекции имеют керамику, соотносимую с различными этапами существования культуры. Наиболее ранние радиоуглеродные определения приведенные Ю.Б. Цетлиным происходят со стоянок Берендеево I (4970 ± 95 (Мо-446), 4730 ± 190 (Мо-208), 4720 ± 190 (Мо-212)), Сахтыш I (4850 ± 70 (Ле-1019)), Ивановское III (4730 ± 50 (Ле-1971)) [Цетлин, 2008. С. 236]. Однако по поводу принадлежности стоянки Берендеево I к волосовской культуре в литературе высказывались сомнения. Коллекция данного памятника представлена редкочерепным комплексом [Никитин, 1976. С. 193-195; Сидоров, 1996. С. 166; Уткин, 1998. С. 162]. Автор раскопок поселения Сахтыш I, Д.А. Крайнов относил дату 4850 ± 70 к протоволосовскому жилищному горизонту [Крайнов, 1984. С. 46]. Позднее происхождение указанной датировки было конкретизировано. Образец находился в льяловском слое, перекрытым горизонтом с редкочерепной керамикой с неорганической и раковинной примесями [Крайнов, 1991. С. 34]. Датировка с Ивановской III стоянки происходит из слоя содержащего позднюю льяловскую, протоволосовскую (по Д.А.Крайнову) и поздневолосовскую посуду [Крайнов, 1990. С. 28-29]. Таким образом, принадлежность указанных дат к волосовской культуре довольно спорна.

С волосовским комплексом авторы раскопок стоянки Воймежное I связывают четыре даты: 4860 ± 50 (ГИН-6563), 4670 ± 40 (ГИН-5901), 4590 ± 100 (ГИН-6562), 4530 ± 60 (ГИН-5902). Памятник отнесен к развитому этапу волосовской культуры [Древние охотники и рыболовы Подмосковья. 1997. С. 122-124]. Близок диапазон датировок по материалам Сахтыша II-а. Из святилища связываемого с волосовской культурой происходят две даты: 4790 ± 180 (ГИН-6556), 4430 ± 250 (ГИН-6555) [Крайнов, 1994. С. 127]. Для волосовского слоя этого памятника имеется определение 4690 ± 190 (ГИН-5892) [Костылева Е.Л., 2008. С. 231]. Волосовская стоянка по углю из кострища жилища датируется 4500 ± 60 (ИГАН-505) [Цветкова, 1988. С. 98]. Датировка верхней части волосовского слоя стоянки Владычинская-Береговая I - 4300 ± 60 (Ле-1220) [Цветкова, 1982. С. 92]. С волосовскими

слоями связываются даты со стоянок Сахтыш I - 4060 ± 60 (Je-1023), 4020 ± 60 (Je-1199), 4590 ± 80 (Je-1197), Сахтыш II - 4570 ± 50 (Je-1900), 4470 ± 80 (Je-1892), 4320 ± 80 (Je-1892), 4120 ± 50 (Je-2615), 3900 ± 40 (Je-2613), 3820 ± 40 (Je-2617), Сахтыш VIII - 4400 ± 60 (Je-1427) [Крайнов, 1991. С. 34-39; Тимофеев, 2004. С. 90-91]. По кости взятой из трех строительных горизонтов поселения Имерка VIII, расположенного в Примокшанье, были получены даты 4600 ± 160 (ГИН-9419), 4460 ± 50 (ГИН-9422), 4300 ± 50 (ГИН-9425), 4280 ± 80 (ГИН-9424), 4200 ± 40 (ГИН-9423), 4180 ± 50 (ГИН-9421), 4030 ± 80 (ГИН-9420), 4000 ± 70 (Je-4789). Первые две даты соотнесены с ранним горизонтом, даты с третьей по шестую – со средним горизонтом (развитого волосова), две последние связаны с поздневолосовской керамикой [Королев, 1999а. С. 110].

Таким образом, радиоуглеродные даты, полученные по ранневолосовской керамике Марийского Поволжья, в целом предшествуют наиболее ранними определениями по C14 для волосовской культуры Верхней Волги, Волго-Окского междуречья и Примокшанья. Однако если обратиться к датировкам керамики красномостовского типа (Дубовское III - 5295 ± 80 (Ki – 16168), Дубовское VIII - 5270 ± 80 (Ki – 15728), Красный мост II - 5260 ± 90 (Ki – 16172)), которые согласно периодизации В.В. Никитина находятся на более ранней позиции относительно волосовских памятников, то хронология позднего неолита – энеолита региона не выглядит столь противоречивой. Следует отметить, что датам для красномостовского типа близки ранние определения по C14 новоильинской культуры Прикамья (Чашкино Озеро I – 5230 ± 90 (Ki – 15618), 5140 ± 90 (Ki – 15619)) [Лычагина, 2009. С. 35].

Даты по керамике второго комплекса Сутырского V поселения, несмотря на их компактное расположение и несколько более поздние позиции относительно определений для ранневолосовских определений, не могут быть приняты в виду более позднего облика данных материалов. Согласно Б.С. Соловьеву типологически близкая рассматриваемой керамике посуда

залегает в одних жилищах с валиковыми, балановскими и чирковскими материалами эпохи бронзы и датируется в некалиброванном значении первой третью II тыс. д.э. [Соловьев, 2000. С. 24]. Датировка для памятника с подобными материалами уже приводилась (3710 ± 30 (Ки – 3149)). Дата по углистой почве из заполнения ямы в верхней части, которой располагался валиковый венчик на поселении Волгапино в Примокшанье, имеет значение 3550 ± 120 (ГИН-9417) [Королев, 1999а. С. 111]. Для фатьяновской культуры Волго-Окского междуречья близкой по своему облику балановской Среднего Поволжья имеются следующие даты: Тургинский могильник - 3780 ± 130 (ЛЕ-1046), Волосово-Даниловский – 3650 ± 80 (ЛЕ-1044) [Крайнов, 1987б. С. 71].

Из шести дат для керамики «лесного облика» стоянки Чекалино IV наиболее валидными выглядят последние три определения в виду их близкого расположения на хронологической шкале и совпадения с датировками токсского типа с Ивановской стоянки (5070 ± 80 (Ki-15070), 4940 ± 80 (Ki-15089), 4930 ± 80 (Ki-15068)) [Моргунова, 2010б. С. 24] и материалами стоянки Средняя Ока в Приуралье (5050 ± 80 (Ki-16031)). Датировки для Гундоровки и сосуда Лебяжинки IV объединенные в одну позднеэнеолитическую группу Самарского Поволжья находятся на одном хронологическом отрезке, но при этом если сопоставлять данные материалы с керамикой развитого этапа волосовской культуры, то они выглядят слишком «древними». Более ранними являются даты и для керамики «с внутренним ребром», поскольку для турганикского типа Ивановской стоянки определения по C14 имеют следующие значения: 4790 ± 80 (Ki-15088), 4860 ± 80 (Ki-15069), 5920 ± 80 (Ki-14515), из которых наиболее валидными являются первые две даты [Моргунова, 2010б. С. 24]. Однако дата, полученная по профилированному сосуду с орнаментом в виде свисающих вниз треугольников с поселения Пшеничное (5240 ± 80 (Ki-16532)) практически совпала со значения по C14 для керамики «с внутренним ребром».

Постстоговскому облику и предволосовскому времени в Сурско-Мокшанском междуречье отвечают датировки материалов поселения Русское

Труево II. Достаточно широкий разброс в датах для памятников Утюжского археологического микрорайона, и если определения по C14 для Утюжа III (Стемасам) совпадая с датировками для поселения Русское Труево II, могут фиксировать появление Среднем Посурье постстоговского населения, то даты для позднего комплекса поселения Утюж V обладающего признаками среднего этапа волосовской культуры выглядят «омоложенными». С другой стороны даты 3930 ± 90 (Ki-16423), 3840 ± 100 (Ki-16402) для поселения Утюж V совпадают с наиболее поздними определениями, полученными для волосовской культуры Примокшанья и Волго-Окского междуречья.

При датировке энеолитического комплекса ховринского поселения большое значение имеют данные по абсолютной хронологии культур среднего бронзового века степной и лесостепной зон Восточной Европы. Так средний бронзовый век Самарского Поволжья датируется П.Ф. Кузнецовым XXIX-XXII вв. до н.э. в калиброванном значении [Кузнецов, 2010. С. 52]. Серединой – второй половиной III тыс. до н.э. (в калиброванном виде) датируется новотиторовская культура [Гей, 2000. С. 198]. Время существования поздних ямных и ранних катакомбных погребений Нижнего Подонья определялось А.В. Кияшко концом третьей четверти – последней четвертью III тыс. до н.э. (в калиброванном значении) [Кияшко, 1999. С. 176]. Исходя из указанных датировок, ховринское поселение следует относить ко второй половине III тыс. до н.э. в калиброванном значении.

С целью определения места позднеэнеолитических комплексов на хронологической шкале и их синхронизации в рамках средневожского региона результаты радиоуглеродного датирования были откалиброваны и суммы интервалов дат вынесены в график (Рис. 65-67).

Сумма интервалов дат для красноостовских материалов разбилась на два отрезка, первый из которых составили значения, полученные по керамике, второй - по углю. Необходимо отметить, что последняя дата уже на момент публикации считалась «омоложенной» [Никитин, 1991. С. 68]. Сумма интервалов дат по красноостовской керамике составляет

промежуток при вероятности 68.2 % 4300-3900 BC, при вероятности 95.4 % 4400-3900 BC.

В калиброванном значении хронологические рамки ранневолосовских материалов определяются при вероятности 68.2 % 3940-3520 BC, при вероятности 95.4 % 4000-3350 BC. При широком диапазоне наблюдается частичное совпадение временных интервалов красномостовских древностей и ранних волосовских материалов. При узком диапазоне более позднее хронологическое положение ранних волосовских памятников относительно финальнонеолитических древностей прослеживается еще четче.

Временные рамки финальноволосовских памятников разбились на два интервала, первый из которых образовали значения по C14 для Сутырского V поселения, второй – для Удельно-Шумецкого VII. Как отмечалось выше, большее доверие вызывает датировка для Удельно-Шумецкого VII поселения. В калиброванном виде время существования данного памятника определяется в промежутке между 2200 BC и 2000 BC.

Сумма интервалов дат для позднего энеолита Посурья разбилась на три отрезка. Первый отрезок образовали даты поселения Русское Труево II и Утюжа III (Стемасы), второй и третий – поселения Утюж V. Внимание заслуживают первые два отрезка. В калиброванном виде первый из них имеет значение при вероятности 68.2 % 3700-3300 BC, при вероятности 95.4 % 3800-3100 BC и частично совпадает с суммой интервалов дат ранневолосовской керамики Марийского Поволжья. Второй отрезок имеет значение при вероятности 68.2 % 2500-2200 BC, при вероятности 95.4 % 2700-2000 BC и отчасти совмещается с хронологическим расположением Удельно-Шумецкого VII поселения. Таким образом, диапазон дат для позднего энеолита Посурья входит в хронологический интервал существования волосовской культуры Марийского Поволжья.

Время существования керамики Гундоровского поселения в калиброванном виде определяется при вероятности 68.2 % 4330-4050 BC, при вероятности 95.4 % 4350-3970 BC. Сумма интервалов дат керамики «лесного

облика» стоянки Чекалино IV разделяется на три отрезка, при этом наиболее предпочтительным является последний, имеющий значение при вероятности 68.2 % 4300-3700 BC. Интервалы дат для керамики «с внутренним ребром» расположены на отрезке между 4240 BC и 4000 BC при вероятности 68.2 % и между 4330 BC и 3969 BC при вероятности 95.4 %. Таким образом, суммы интервалов калиброванных дат для чекалинских, гундоровских материалов и керамики «с внутренним ребром» совпадают. При сопоставлении с датами керамики турганикского и токского типов наблюдается более раннее положение керамики Гундоровского поселения и «керамики с внутренним ребром» и совпадение с ними нижней границы временного интервала керамики стоянки Чекалино IV. При сравнении диапазонов датировок стоянки Чекалино IV и Гундоровского поселения с определения по C14 ранневолосовских материалов наблюдается более раннее хронологическое положение лесостепных памятников.

Позднеэнеолитические комплексы Самарского Поволжья занимают более позднее хронологическое положение относительно воротничковой керамики ивановского типа и поселения Лебяжинка III, при этом отмечается только частичное совпадение их временных интервалов при широком диапазоне.

Согласно радиоуглеродным определениям для ямной культуры Волго-Уралья опубликованным Н.Л. Могуновой, Г.И. Зайцевой, Н.Н. Ковалюхом, В.В. Скрипкиным репинский этап ямной культуры синхронизируется с поздним энеолитом Волго-Уралья. Хронологические позиции волосовских материалов Марийского Поволжья и позднеэнеолитических комплексов Посурья совпадают со временем существования ямной культуры.

Таким образом, если не учитывать типологические противоречия, поздний энеолит Самарского Поволжья в некалиброванном значении датируется третьей четвертью IV - начала III тыс. до н.э. или в калиброванном виде XLIII- XXXVII в. до н.э., поздний энеолит Посурья в некалиброванном значении второй четвертью III – первая четверть II тыс. до

н.э. или в калиброванном виде XXXVIII-XX в. до н.э., волосовская культура Марийского Поволжья в некалиброванном значении III – первая треть II тыс. до н.э. или в калиброванном виде XXXIX-XX в. до н.э. Не противоречит этому и датировка энеолитического комплекса поселения Ховрино. Однако в связи с тем, на настоящий момент отсутствует представительная серия радиоуглеродных дат для позднеэнеолитических комплексов Среднего Поволжья, указанные хронологические рамки весьма условны и требуют корректировки. Относительно репрезентативен только корпус дат для ранних волосовских материалов Марийского Поволжья.

Подавляющее большинство радиоуглеродных дат для позднего энеолита Среднего Поволжья получено по керамическому материалу. В плане проверки методики абсолютного датирования по керамике определенный интерес вызывают результаты определения абсолютного возраста по различным материалам погребений эпохи бронзы лесостепного и степного Поволжья. Так датировки по керамике и дереву из погребения № 4 кургана № 5 Скворцовского курганного могильника имеют близкие значения (3940 ± 70 (Ki-16489), 3810 ± 25 (Le-7685)). Практически совпадают даты по погребениям кургана № 6 указанного могильника (кость - 4100 ± 110 (Le-8583), 3950 ± 400 (Le-8582), почва - 4230 ± 100 (Ki-15563), керамика - 4090 ± 80 (Ki-16260)) [Моргунова, 2011. С. 68]. В то же время между датами по кости и керамике из погребения кургана № 31 могильника Лопатино I имеется промежуток (4432 ± 66 (AA-47804), 4750 ± 70 (Ki-14544), 4800 ± 80 (Ki-14545)) [Кузнецов, 2008. С. 194-195].

Нельзя не отметить, что полученные даты в целом отражают общую последовательность смены культур лесной и лесостепной зон Среднего Поволжья. Однако при сопоставлении радиоуглеродных датировок между типологически близкими позднеэнеолитическими группами памятников находящимися в различных ландшафтных зонах наблюдается их асинхронность, которая требует своего объяснения. И если о недостаточности радиоуглеродного датирования рассматриваемых

материалов уже было сказано, то вопрос о хронологическом приоритете лесных либо лесостепных комплексов еще не был рассмотрен.

3.2. Вопросы происхождения позднеэнеолитических комплексов

Поскольку часть лесостепных позднеэнеолитических комплексов сопоставляются с волосовской культурой, а памятники лесной полосы Среднего Поволжья отождествляются с ней, первостепенное значение имеют вопросы ее происхождения.

Зарождение волосовской культуры является одной из ключевых проблем в изучении меднокаменного века лесной зоны Поволжья. Частично история изучения данного вопроса рассмотрена в соответствующем разделе настоящей работы. Не останавливаясь на подробном освещении основных точек зрения на процесс формирования волосовской культуры, следует указать, что на сегодняшний день для лесной полосы Среднего Поволжья рассматриваются две гипотезы: миграционная и автохтонная. Сторонники первой предполагают проникновение волосовской культуры на Среднюю Волгу с запада уже в сложившемся виде [Сидоров, 1996. С. 179]. Согласно второй гипотезе, волосовская культура в Марийском Поволжье сформировалась на основе красноостовских финальноэнеолитических комплексов [Никитин, 1984; 1991; 1996; 2008; 2011]. Если мысль о западном происхождении волосовской культуры Среднего Поволжья была произнесена сквозь и носила тезисный характер, то гипотеза о местных истоках волосовских древностей был достаточно подробно и всесторонне рассмотрена. Она сводится к следующему. В результате взаимодействия волго-окского и волго-камского неолита на севере Среднего Поволжья образуются синкретические красноостовские комплексы. В материалах красноостовского типа появляется целый ряд признаков получивших в дальнейшем развитие в волосовской культуре. В качестве подтверждения гипотезы приводятся высокие коэффициенты сходства между поздней

ямочно-гребенчатой, волго-камской, красномостовской и ранневолосовской керамикой.

К общим признакам ранневолосовской и красномостовской керамики следует отнести полуяйцевидную форму сосудов, с загнутым внутрь, прямым или слегка отогнутым наружу краем и округлыми днищами, орнаментальные мотивы в виде горизонтальных линий, горизонтальных рядов прямо и наклонно поставленных оттисков гребенчатого штампа, решетки, горизонтального зигзага, состоящие из оттисков короткого, короткого овального, среднего гребенчатого, гладкого штампов, отпечатков веревочки, ямок и наколов. На красномостовской керамике появляется разреженная вертикально- и диагонально-зональная система орнаментации, получившая широко распространение в энеолитическую эпоху лесной полосы.

Следует отметить, что подобная картина зафиксирована на Вятке и Каме, где часть признаков юртиковской и гаринско-борской культур впервые появляются в новоильинских древностях [Наговицин, 1987. С. 31]. Более сложная этнокультурная ситуация отмечена в Волго-Окском междуречье, где к предволосовскому времени относятся как минимум два типа керамики: редкоямочная и гребенчатая с минеральными примесями [Жилин, 2002. С. 45-47; Сидоров, 1992. С. 18-22, 61-63; 1996. С. 166-178; Цетлин, 2008. С. 175-215].

Между красномостовской (Рис. 51) и ранневолосовской керамикой (Рис. 52-57) имеются различия. В энеолитических комплексах появляются сосуды открытых форм, венчики с наплывом на внешнюю или внутреннюю сторону, более широкое распространение получает веревочная и сокращается ямочная орнаментация. Различны примеси красномостовской и волосовской посуды. В тесте финальноэнеолитической посуды отмечается добавление шамота и органики, в майданской – раковины и пера. Появление части указанных признаков (форма, характер оформления края венчика, орнаментация) можно объяснить за счет саморазвития гончарных традиций в энеолитическое время. Высокий процент веревочной орнаментации на керамике Майданской стоянки может отражать специфику указанного комплекса, поскольку на

посуде ранневолосовского времени поселения Парат XII указанный вид орнамента не является доминирующим. Однако примесь раковины и пера в волосовской керамике Среднего Поволжья не имеет местных неолитических корней. Невозможно вывести данный признак и из Волго-Окского междуречья, поскольку он здесь не является ранним.

В литературе было высказано мнение о появлении ряда признаков энеолитической посуды лесной зоны под влиянием степи и лесостепи. И.Б. Васильев и Р.С. Габяшев видели хвалынские истоки открытым формам сосудов, Т- и Г-образным венчикам, толченной раковине в тесте, разреженности и зональности орнаментации, крупным ложношнуровым оттискам, горизонтальным рядам прямо поставленных насечек гаринской и волосовской посуды [Васильев, 1982. С. 9]. Н.Л. Моргунова объясняет появление раковинной примеси и профилированности волосовской керамики воздействием ямной культуры [Моргунова, 2010а. С. 189]. Однако, как справедливо отмечает В.В. Ставицкий, признаки хвалынской культуры являются реминисценциями, впитанными из лесостепных энеолитических культур [Ставицкий, 2008а. С. 51]. Так, раковинная примесь в тесте бытует на протяжении всего меднокаменного века степного и лесостепного Поволжья. Судя по разработкам В.И. Пестриковой и П.П. Барынкина, открытые сосуды не являются доминирующей формой керамики хвалынской культуры. Несмотря на наличие неорнаментированных сосудов, хвалынская керамика имеет весьма плотную горизонтально-зональную орнаментацию. Т-образные венчики в хвалынской культуре отсутствуют [Пестрикова, 2010. С. 78; Барынкин, 2010]. Так называемый ложношнуровой орнамент известен как на хвалынской, так и на ивановской керамике. К специфичному признаку хвалынской и энеолитической керамики лесной полосы Поволжья и Прикамья следует отнести отгиб венчика на внешнюю сторону. Правда в волосовской культуре он получает широкое распространение намного позже финала хвалынской культуры. Таким образом, несмотря на то, что отчасти указанные признаки зафиксированы в энеолите лесостепи и степи Среднего

Поволжья, напрямую связывать их с хвалынской культурой невозможно. Не представляется возможным выводить и указанные черты из ямной культуры в виду их широкого распространения на юге Среднего Поволжья в эпоху раннего металла. Более перспективным кажется путь поиска истоков данных признаков в позднеэнеолитических комплексах Среднего Поволжья.

Прежде всего, внимание привлекают токсские, чекалинско-большераковские и гундоровские материалы.

Н.Л. Моргунова неоднократно высказывала мысль о связи керамики токсского типа с воротничковыми древностями лесостепи и, следовательно, его более раннем хронологическом положении относительно лесных энеолитических культур. При попытке сопоставления токсской, воротничковой и чекалинско-большераковской керамики наблюдается следующее.

На памятниках, кроме Старо-Елшанской II, Старо-Елшанской Береговой, Попова Озеро, токская и чекалинско-большераковская керамика залегает совместно с посудой самарской культуры, относимой специалистами ко второму, ивановскому этапу развития. Исключением являются материалы Виловатовской стоянки, которые рассматриваются либо в контексте со съезжинскими древностями [Васильев, 2000в. С. 222], либо в качестве разновременного комплекса [Моргунова, 1995. С. 104].

Сосуды с воротничковым оформлением венчика в самарской культуре профилированные. Коллекции посуды «лесного облика» дают как профилированные (Турганинская, Виловатовская, Ивановская, Лебяжинка IV), так и прямостенные сосуды, при преобладании последних. Днища у данных типов керамики плоские и округлые. Общими орнаментами являются средний и короткий гребенчатый штамп, ямки. Особо следует отметить ячеистый штамп, который получил широкое распространение на керамике «лесного круга». В самарских материалах указанный штамп имеется на Ивановской, Турганинской, Виловатовской и Чесноковской II стоянках. Гладкие штампы на керамике «лесного облика» встречены на

стоянках Большая Раковка II и Чесноковка II, в самарских материалах они встречены на памятниках сопоставимых со Съезжей (Виловатое, Большая Раковка II, Чекалино IV) и в одном случае на Ивановке. Ямки на самарской керамике мелкие овальной, треугольной, подквадратной форм (Ивановская, Турганинская, Виловатовская, Кузьминковская и Чесноковская стоянки). На керамике «лесного облика» помимо мелких ямок треугольной и овальной форм (Виловатовская, Попово Озеро, Ивановская, Старо-Елшанская II, Старо-Елшанская Береговая), имеются крупные подквадратные и овальные (Чесноковка II, Чекалино IV, Попово Озеро), а также спаренные (Чекалино IV) и кружки (Виловатовская). Жемчужины под венчиком встречены на посуде «лесного облика» на Турганинской, Виловатовской, Ивановской, Большераковской стоянках, для ивановской керамики не характерны. Общими орнаментальными мотивами являются горизонтальный зигзаг и линия, ряды прямо и наклонно поставленного гребенчатого штампа, горизонтальные линии и ряды наклонных оттисков ячеистого штампа, горизонтальные линии ямок. Первые два мотива, более характерны для самарской керамики. Также на воротничковой керамике встречается мотив в виде решетки выполненным гребенчатым штампом и «шагающая гребенка». На керамике «лесного круга» присутствует мотив, сочетающий ряды из наклонных оттисков среднего, а ниже короткого гребенчатого штампа. Наиболее часто встречаемыми в обеих группах керамики являются ряды прямо и наклонно поставленного гребенчатого штампа. Мотивы, выполненные ячеистым штампом, более разнообразны на керамике «лесного круга». Помимо указанных выше мотивов имеются горизонтальные ряды прямо поставленного штампа и зигзаг. Также на керамике «лесного облика» присутствует мотив в виде горизонтального зигзага из ямок, которого нет на воротничковой посуде.

Таким образом, между самарской, токсской и чекалиноско-большераковской керамикой имеются как сходства, так и различия. Наибольшее сходство проступает в комплексах, происходящих из бассейна

р. Ток (Ивановская, Турганикская). Далее на северо-запад общих признаков становится меньше за счет увеличения «лесных» энеолитических черт (Чекалино IV, Чесноковка II и др.). Практически исчезают профилированные сосуды, становится более разнообразной ямочная орнаментация, выходит из употребления «шагающая гребенка» и др. Не исключено, что чекалинско-большераковская керамика иллюстрирует процесс зарождения ряда черт лесного энеолита в лесостепных районах, источниками которых являются ивановские и токсские материалы.

Необходимо отметить ряд неолитоидных черт токской и чекалинско-большераковской керамики (яйцевидная форма сосудов, простая форма оформления края венчика, пояски ямок под венчиком, плотная орнаментация, выполненная гребенчатым штампом, мотив, сочетающий короткий и средний гребенчатый штампы и др.)

Как отмечалось выше, позднеэнеолитическая керамика стоянок Чекалино IV и Большая Раковка II тяготеет к восточной части волосовско-гаринской общности и говорить об образовании материалов типа Майданской стоянки Марийского Поволжья под их влиянием вряд ли возможно. Более близки волосовской культуре материалы Гундоровского поселения, однако как уже отмечалось, сходство данного комплекса наблюдается не с ранневолосовскими древностями, а с керамикой развитого этапа. Исходя из вышесказанного, процесс формирования волосовской культуры на севере Марийского Поволжья следует связывать с красноостовскими древностями, а общие черты с токской и чекалинско-большераковской керамикой в виду отсутствия прототипов майданским материалам в лесостепи объяснять стадияльными причинами.

Не менее сложным является вопрос происхождения керамики волосовского типа Гундоровского поселения, поскольку данный комплекс имеет аналогии как в волосовской культуре, так и в токсских, воротничковых (Лебяжинка III) и отчасти алтатинских древностях лесостепи и степи.

Особое место в проблеме происхождения гундоровских материалов занимает вопрос о положении комплекса поселения Лебяжинка III среди самарских древностей. Исследователями неоднократно отмечалась специфика данного памятника в рамках самарской культуры, что дает основания обратиться к их сравнительному анализу. Технология изготовления воротничковой керамики Самарского Поволжья и Оренбуржья достаточно подробно освещена в работах И.Н. Васильевой, что позволяет затронуть и технологический аспект данной проблематики [Васильева, 1999. С. 191-216; Васильева, 2006. С. 17-23].

В формовочную массу керамики Съезжинского могильника добавлялась раковина и органический раствор, в тесто ивановской посуды Ивановской, Турганинской, Кузьминковской стоянок – органический раствор, дробленая раковина, шамот, в формовочную массу материалов поселения Лебяжинка III – раковина и перо. Таким образом, общими примесями самарской и лебяжинской керамики является только дробленая раковина. Съезжинская керамика изготавливалась также как посуда поселения Лебяжинка III с помощью лоскутного налёпа, но, в отличие от последней, на форме-емкости из плетеного материала и кожи или шкуры животных. Внешняя поверхность сосудов могильника Съезжая заглаживалась мягким предметом или гребенчатым штампом, ложились. На Лебяжинке III зафиксировано заглаживание твердым предметом. Различны формы венчиков керамики Съезжей и Лебяжинки III. В Съезжинской могильнике отсутствуют сосуды с прямоугольными и квадратными воротничками, на Лебяжинке III нет приостренных воротничков. Отлична орнаментация. На Лебяжинке III отсутствует орнамент, состоящий из гладких линий, насечек, мотивов в виде меандров, волнистых линий, рядов ямок под венчиком и др. Общими чертами орнаментации является использование гребенчатого штампа, оттиски которого образуют мотивы в виде шагающей гребенки, решетки, линий, зигзага, рядов наклонно поставленного штампа [Васильев, 1979а. С. 154-158]. Примерно такая же картина наблюдается при сравнении

керамики поселения Лебяжинка III с воротничковыми материалами Виловатовской стоянки [Васильев, 1980а. С. 12]. Отдельные сосуды ивановского этапа самарской культуры имеют прямоугольные воротнички, однако преобладающей формой края горла для этого времени является подтреугольный воротничок. В орнаментации различия между ивановской и лебяжинской керамикой не проступают столь явно. Общими является преобладание гребенчатой и присутствие веревочной орнаментации, мотивах в виде шагающей гребенки, горизонтального зигзага, линий наклонно поставленного штампа [Бахарев, 1991. С. 76-78; Моргунова, 1984. Рис. 8, 11, 16; 1986. С. 31-33; 1989. С. 113-121]. Обращает внимание своеобразие каменного инвентаря поселения Лебяжинка III при сравнении с материалами однослойных памятников самарской культуры, стоянками Кузьминки и Озинки II [Лопатин, 1989. С. 135-145], выразившиеся в преобладании техники двусторонней обработки орудий, присутствии треугольно-черешковых наконечников стрел, скобелей, ножей, деревообрабатывающих орудий.

Специфику материалов Лебяжинки III Н.В. Овчинникова объясняет тем, что они принадлежат поселенческому памятнику самарской культуры, в отличие от погребального комплекса, представленного Съезжей. Однако, основываясь на целом ряде случаев нахождения в Волго-Уральском регионе воротничковой керамики на одних и тех же памятниках с погребениями раннеэнеолитического времени, следует весьма скептически отнестись к гипотезе о дифференциации в самарской культуре посуды на бытовую и ритуальную. Так на стоянках Виловатое и Чекалино IV обнаружены воротничковые сосуды с меандрами аналогичные съезжинским, на Чекалино IV имеется сосуд сопоставимый по фактуре, форме венчика и орнаментации с посудой Лебяжинки III, на Кара-Якупово и Чесноковке II изучены погребения, относимые к мариупольскому времени, а также керамика, не имеющая принципиальных различий с посудой Ивановской, Кузьминковской, Турганинской стоянок, или материалами из заполнения жилищного котлована стоянки Озинки II.

Таким образом, рассматривать материалы поселения Лебяжинка III в рамках самарской культуры кажется нам проблематично. Вместе с этим часть признаков данного комплекса присутствует в волосовских материалах (толщина, примесь, элементы и мотивы орнамента). Судя по аналогиям с Гундоровским поселением, поселение Лебяжинка III вопреки его ранним датировкам следует относить к позднеэнеолитическому времени и рассматривать в качестве переходного между самарскими и волосовскими древностями. Специфику данного комплекса можно объяснить либо взаимодействием волосовского и самарского населения, либо перерастанием энеолитических признаков из лесостепных в лесные. Гундоровское поселение в виду его большей близости волосовской культуре либо иллюстрирует начальный этап в первом случае, либо конечный во втором.

Небезынтересен тот факт, что в Нижнем Прикамье керамика русско-азибейского типа, несущая в себе черты воротничковых древностей, как и посуда поселений Гундоровка и Лебяжинка III имеет S-видную профилировку и прямоугольные венчики [Габяшев, 1978а. С. 32-33; Матюшин, 1982. С. 240-244; Выборнов, 1985. С. 35; Шипилов, 2006. С. 225].

В виду того, что часть признаков чекалинско-большераковской и гундоровской керамики зафиксирована в энеолитических культурах лесостепной и степной полосы Среднего Поволжья, которые занимают более ранние хронологические позиции относительно материалов лесной полосы Поволжья и Прикамья [Васильев, 2000в; Ставицкий, 2003; Овчинникова, 2006; Юдин, 2006; Моргунова, 2010], можно предположить, что процесс сложения комплексов с «лесными чертами» Самарского Поволжья должен был происходить в достаточно ранний промежуток времени не позднее появления здесь ямной культуры.

Поздний энеолит Сурско-Свияжского междуречья состоит из различных по своей ориентации групп памятников. Уже отмечалось, что на ряде памятников Среднего Посурья (Утюж I, V, Черненькое Озеро III) выявлена керамика обладающая признаками посуды раннего этапа. Поскольку Сурско-

Свияжское междуречье непосредственно примыкает к основной территории распространения волосовских древностей, то закономерно возникает вопрос о существовании здесь так называемых «протоволосовских» материалов.

На ряде памятников Среднего Посурья (Утюж I, Утюжский Бугор, Черненькое Озеро II) найдены отдельные фрагменты, которые по некоторым признакам (толстостенность, примесь органики и шамота, орнаментация овальным гребенчатым штампом) сближается с красноостовской керамикой. Однако в виду ограниченности указанных материалов на данном этапе изучения невозможно включать территорию Сурско-Свияжского междуречья в ареал распространения памятников красноостовского типа. Не известна на указанной территории редкочечная и гребенчатая с минеральными примесями керамика. Исходя из этого, можно предположить, что ранневолосовская керамика Среднего Посурья является привнесенной извне, а поскольку она по нашему мнению тяготеет к западному ареалу волосовской культуры, то вполне возможно источником появления данной посуды является Примокшанье, где известно поселение Имерка VIII в нижнем слое которого зафиксированы материалы раннего облика.

На следующем этапе фиксируется расширение территории распространения позднеэнеолитических древностей в Сурско-Свияжском междуречье. Она включает в себя бассейн р. Цивиль, возможно, Свияги (Елшанка XI), Среднего и Верхнего Посурья. Как отмечалось выше, материалы Среднего Посурья имеют примерно одинаковые индексы родственности с волосовскими древностями Марийского Поволжья и Примокшанья развитого этапа, а коллекции Верхнего Посурья ближе памятникам р. Мокши. Типологическое сходство подтверждается территориальной близостью. Так Верхнее Посурье смыкается с верховьями Мокши. Среднее Посурье находится примерно на одинаковом расстоянии от Примокшанья и Марийского Поволжья. Исходя из этого, вполне допустимым будет предположение, что на развитом этапе волосовской культуры происходит нивелировка ее признаков. Не противоречат этому и результаты

сопоставительного анализа проведенного А.И. Королевым для памятников Примокшанья с материалами сопредельных территорий, согласно которым волосовские древности имеют примерно одинаковые коэффициенты сходства с Волго-Окским междуречьем и Марийским Поволжьем [Королев, 1999б. С. 12-13]. К подобным выводам пришел В.В. Никитин. По его мнению, на развитом этапе в материальной культуре волосовского населения Волго-Окского междуречья и Среднего Поволжья появляется много общих признаков, дающих основание для объединения их в одну обширную культурную общность или область [Никитин, 1991. С. 50].

Если обращаться к вопросу об образовании данных позднеэнеолитических комплексов Посурья на основе ранневолосовских древностей рассматриваемой территории, то он не может быть сейчас решен в виду ограниченности коллекций последних.

В формировании позднеэнеолитических комплексов Среднего Посурья отмечен еще один компонент, называемый нами «постстоговским». Долгое время о присутствии среднестоговских материалов в степном и лесостепном Поволжье можно было судить по венчику из I Хвалынского могильника [Агапов, 1990. С. 70], а также ряде черт зафиксированных на керамике алексеевского и репинского типов [Васильев, 1985б. С. 52, 62]. После исследования поселений Имерка VIII, Шаморга IX и др. в ареал распространения среднестоговской памятников было включено Примокшанье [Королев, 1996; 1999б; Ставицкий, 2006; Телегин, 2001. С. 30]. Совместное залегание среднестоговской и волосовской керамики в одном слое поселения Имерка VIII, а также наличие сосудов с синкретическими чертами позволило А.И. Королеву высказать предположение об их сосуществовании [Королев, 1996]. Несколько позднее В.В. Ставицкий связал со среднестоговским воздействием появление профированности у волосовских сосудов и резко отогнутых венчиков [Ставицкий, 2006а. С. 108]. Не противоречит этому и датировка среднестоговской культуры в пределах 4500-2900/3000 тыс. до н.э. в калиброванном значении или IV - серединой III

тыс. до н.э. в некалиброванном виде [Телегин, 2001. С. 128-130], поскольку наиболее поздние даты для среднестоговской культуры (Петровка балка) совпадали с наиболее ранним определениями по С14 для поселения Имерка VIII. В рассматриваемых позднеэнеолитических комплексах Посурья также отмечены профилированные сосуды, однако их невозможно напрямую отождествлять со среднестоговскими материалами Примокшанья. Поскольку в Примокшанье уже отмечен памятник (Скачки) который несет в себе, по мнению А.И. Королева и В.В. Ставицкого, волосовские и среднестоговские черты, то комплекс Русского Труева II следует относить к явлению того же порядка. Появление профилированных слабоорнаментированных сосудов в коллекциях развитого этапа Посурья вполне возможно рассматривать в качестве наследия именно данного памятника.

Со среднестоговским импульсом можно связывать появление в Самарском Поволжье керамики «с внутренним ребром». А.И. Королевым отмечено наличие общих черт между среднестоговской посудой и керамикой «с внутренним ребром», к которым относятся примесь раковины и пуха, зубчатые расчесы на поверхности, резкая профилировка сосудов, наличие плоскосрезанных венчиков с ребром, орнамент, выполненный коротким гребенчатым штампом, вдавления прямоугольной, треугольной, овальной формы, прочерченные линии, насечки. К ближайшим памятникам, где зафиксированы указанные черты, помимо сурско-мокшанских, отнесены верхнедонские (Липецкое Озеро, Ксизово VI, Большой Липяг, Пристань и др.) [Королев, 2008а, С. 1261; 2009а. С. 195]. Близки датировки керамики «с внутренним ребром» и среднестоговской культуры. Однако керамика «с внутренним ребром» «оторвана» от основной территории среднестоговской культуры. Судя по материалам Верхнего Посурья, к востоку от Примокшанья происходил процесс изживания среднестоговских традиций, что наталкивает на мысль о появлении керамики «с внутренним ребром» в Самарском Поволжье раньше образования позднеэнеолитических комплексов бассейна Суры и, возможно, верховьев Мокши, подтверждающаяся радиоуглеродными

датами. Невозможно объяснить типологическую близость материалов турганикского типа и керамики «с внутренним ребром» среднестоговской подосновой. Поэтому Средний Стог следует считать одним из компонентов в сложении лесостепной линии развития Среднего Поволжья, ярче всего проявившийся в керамике «с внутренним ребром», но практически не отмеченный в материалах турганикского типа. В литературе неоднократно высказывалась мысль о местных истоках керамики турганикского типа [Моргунова, 1995. С. 77; Васильева, 2006. С. 23]. Не исключали участие в сложении керамики «с внутренним ребром» ивановских и хвалынских материалов А.И. Королев и Н.В. Овчинникова [Королев, 2009в. С. 303]. Так ряд хвалынских и ивановских сосудов имеют внутреннее ребро, плотную горизонтально-зональную орнаментацию часто расположенную только в верхней части сосуда. Близки и некоторые орнаментальные мотивы, такие как горизонтальные прочерченные линии, пояски мелких ямок, наклонные ряды оттисков, горизонтальный зигзаг, заштрихованные треугольники и др. На ряде венчиков керамики «с внутренним ребром» отмечены воротнички.

Таким образом, основой для сложения позднего энеолита Среднего Поволжья стали финальноэнеолитические в лесной полосе и воротничковые и среднестоговские древности в лесостепи. При этом наблюдается многокомпонентность лесостепных позднеэнеолитических комплексов.

3.3. Проблемы участия позднего энеолита в сложении культур эпохи бронзы

Завершение эпохи энеолита Среднего Поволжья связано с распространением иных по своему облику культур эпохи бронзы. Обширная территория средневожского региона, нахождение в различных ландшафтных зонах, практическое отсутствие естественных преград в пограничных районах во многом определили поликультурный характер смены энеолита на эпоху бронзы.

В лесной зоне Среднего Поволжья финал энеолита связывался с распространением балановской и срубной культур [Халиков, 1969; Третьяков, 1990б; 1990в; Никитин, 1991]. Процессы взаимодействия балановского и волосовского населения и их участие в сложении чирковской культуры на территории Марийского Поволжья детально рассмотрены Б.С. Соловьевым. Нахождение в заполнениях одних жилищных котлованов совместно с балановской и чирковской керамикой сосудов восходящих своими истоками к местной поздней энеолитической посуде (Г-образные венчики, плоскодонность, слабая орнаментация), наличие материалов с переходными чертами [Соловьев, 2000] свидетельствуют в пользу данной гипотезы.

Вопрос о взаимодействии волосовской и срубной культур на настоящем этапе исследования не может быть решен положительно, поскольку зарождение последней [Семенова, 2000. С. 160] началось намного позже финала волосовской культуры Среднего Поволжья.

Более сложен вопрос о дальнейших судьбах позднеэнеолитического населения в Сурско-Свияжском междуречье. Напомним, В.Ф. Каховский считал, что схожие процессы баланово-волосовского взаимодействия происходили и на территории Посурья [Каховский, 1977. С. 29]. По мнению В.П. Третьякова в Сурско-Мокшанском междуречье финал волосовской культуры связан с появлением срубной и балановской культур [Третьяков, 1983. С. 119]. А.И. Королев высказал предположение, что носители имеркской культуры частично ассимилировали в Примокшанье и вытеснили часть волосовского населения в Верхнее Посурье. Он не исключал, что на Суре до появления здесь культур эпохи бронзы продолжалась волосовского линия развития [Королев, 2000. С. 342].

В свете современного состояния источников финал энеолита на территории Посурья выглядит следующим образом. Указанная территория входит в ареал распространения балановской культуры [Бадер, Халиков, 1987]. Судя по изысканиям Н.С. Березиной, в Среднем Посурье (Заячий

Городок) присутствует чирковская керамика [Березина, 2009б. С. 226.]. На стоянке Линевое II расположенной на левом берегу Волги был обнаружен балановский сосуд, вложенный в волосовский горшок [Березина, 2009б. С. 242]. По мнению Б.С. Соловьева, один сосуд из коллекции Балановского могильника обладает признаками выжумского типа [Соловьев, 2007. С. 28]. Материалы стоянок Черненькое Озеро III, Молебное Озеро, Новая Деревня свидетельствуют в пользу того, что на территории в среднем течении Суры и в бассейне р. Цивиль волосовская культура продолжала свое развитие вплоть до позднего этапа. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что в северных районах Сурско-Свияжского междуречья вполне могло происходить взаимодействие волосовской и балановской культур. Наличие синкретического комплекса с поздними волосовскими, катакомбно-полтавкинскими чертами на поселении Ховрино на р. Барыш дает основание допускать, что из южных районов бассейна р. Суры энеолитическое население было вытеснено степными племенами эпохи средней бронзы. В этом плане интерес вызывает определение ареала распространения материалов катакомбной культуры в Сурско-Мокшанском междуречье проведенный В.В. Ставицким, согласно которому они охватывают территорию Среднего Приокшанья и Верхнего Посурья [Ставицкий, 2005. С. 102].

В лесостепном Заволжье завершение эпохи энеолита связано с распространением здесь ямных племен. В задачи данного исследования не входит всестороннее рассмотрение проблемы образования ямной культурно-исторической общности. Следует только отметить, что на территории Самарского Поволжья зафиксированы ямные погребения с керамикой несущей в себе репинские черты (Покровка I, Екатериновка, Лопатино II) относимые исследователями к раннему этапу данной культуры [Васильев, Кузнецов, Турецкий, 2000; Кузнецов, 2010; Моргунова, 2011]. При сравнении сумм калиброванных дат для позднеэнеолитических комплексов Самарского Поволжья и погребений с репинской керамикой было установлена их частичная синхронность, что наталкивает на мысль о возможных контактах

между населением меднокаменного и бронзового веков на данной территории. Однако репинская керамика имеет весьма отдаленные аналогии с материалами чекалинско-большераковской и гундоровской позднеэнеолитических групп. На Турганинской стоянке керамика раннего бронзового века залегала выше токсской посуды. Нахождение репинских и чекалинско-большераковских материалов на стоянках Большая Раковка II и Лебяжинка IV не могут служить подтверждением их синхронности в виду перемешанности слоев данных памятников. Определенные черты сходства можно наблюдать только между репинской посудой и керамикой «с внутренним ребром» (форма, характер обработки поверхности, отдельные элементы и мотивы орнамента). Однако указанные параллели можно объяснить единой среднестоговской подосновой данных керамических типов. Таким образом, данных подтверждающих взаимодействие позднеэнеолитического населения Самарского Поволжья с ямными племенами не существует. Вполне возможно, что объяснение данному явлению кроется в различных хозяйственных укладах ямного и энеолитического населения.

Если в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной полосы Среднего Поволжья влияния носителей чекалинско-большераковских и гундоровских материалов не улавливается, то параллели керамики «с внутренним ребром» можно увидеть в посуде вольско-лбищенского типа памятников. С керамикой поселения Лбище сходство наблюдается в раковинной примеси, штрихованной зачистке поверхности, горшковидной и баночной форме сосудов, наличии внутреннего ребра, системе орнаментации состоящей из часто поставленных оттисков, образующих различные мотивы в верхней части сосудов и более разреженной в нижней части тулова, оттисков мелкогребенчатого штампа и овальных ямок, мотивов из горизонтальных линий, наклонных рядов, заштрихованных треугольников и др. [Васильев, 1999] Общими чертами с посудой Вольского городища (Попово блюдечко) помимо указанных выше признаков следует отнести использование гладкого

штампа и мотивы, образованные им [Малов, 2009]. Посуду Екатерининского поселения на р. Суре и керамику «с внутренним ребром» объединяют примесь раковины, округлые днища, форма отдельных сосудов, внутреннее ребро, система орнаментации, короткие гребенчатые оттиски, форма ямок, мотивы в виде горизонтальных рядов прямо поставленного штампа, горизонтальные линии, горизонтальные зигзаги [Ставицкий, 2004]. Однако между вольско-лбищенской посудой и керамикой «с внутренним ребром» имеются различия. Внутреннее ребро изредка встречается на керамике вольско-лбищенского типа. В отличие от позднеэнеолитической посуды в материалах эпохи бронзы имеются скошенные, Т-образные, воротничковые венчики, а также венчики с внутренним желобком. Для вольско-лбищенской керамики более характерны плоские днища. На отдельных фрагментах вольско-лбищенской керамики имеются валики и защипы. Встречена на посуде эпохи бронзы веревочная орнаментация, мотивы в виде наклонных зигзагов, меандров и др. Различна датировка указанных типов керамики. Материалы вольско-лбищенского типа на основании многочисленных аналогий керамике и металлических орудий датируется эпохой средней бронзы. Судя по датам керамики «с внутренним ребром» и турганинского типа собственно лесостепная позднеэнеолитическая линия развития вряд ли доживает до времени классической «городцовой» ямной культуры. В пользу более позднего хронологического положения материалов вольско-лбищенского типа относительно позднеэнеолитических древностей Самарского Поволжья свидетельствуют результаты раскопок Гундоровского поселения. На данном памятнике зафиксированы следы котлована с вольско-лбищенской и полтавкинской керамикой, прорезающий слой позднего энеолита [Васильев, 2000а. С. 68-69]. Касаясь радиоуглеродных дат, следует все же констатировать, что они не представляют репрезентативную выборку, и как отмечалось выше, вполне возможно будут подкорректированы, определений по C14 для памятников вольско-лбищенского типа нам не известно. Определение места вольско-лбищенских материалов среди культур

эпохи бронзы проводилось только на основании сопоставительного анализа, что создает некоторую размытость его хронологических рамок. Исследователями неоднократно указывалось на наличие пережиточных энеолитических черт в материалах вольско-лбищенского типа [Васильев, 1985б; Васильев, 2000а; Ставицкий, 2005]. Отмеченные сходные черты керамики «с внутренним ребром» и вольско-лбищенской посуды являются достаточно ранними признаками и среди культур эпохи бронзы практически не известны, по крайней мере, в полном объеме. В то же время ряд отличных от керамики «с внутренним ребром» вольско-лбищенских черт (валики, защипы, плоские днища) в степной и лесостепной зоне в позднем энеолите-среднем бронзовом веке можно найти только в культурах эпохи бронзы. Поэтому участие носителей керамики «с внутренним ребром» наряду с племенами эпохи бронзы в сложении материалов вольско-лбищенского типа нельзя исключать.

Таким образом, на настоящий момент наиболее обосновано можно говорить об участии волосовского населения Марийского Поволжья и Посурья в сложении чирковской культуры, синкретического Ховринского комплекса. Также вполне возможно лесостепная позднеэнеолитическая линия Самарского Поволжья легла в основу памятников вольско-лбищенского типа в качестве одного из компонентов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Долгое время представление об энеолитической эпохе Среднего Поволжья ограничивалось знаниями о волосовских древностях лесных районов указанной территории. О степной и лесостепной линии развития в эпоху меднокаменного века стало возможным говорить после открытия самарской, хвалынской культур и ряда типов керамики, занявших в периодизации энеолита наиболее поздние позиции. Выявление лесостепных позднеэнеолитических памятников позволило поставить вопрос об их соотношении с культурами лесной полосы. Однако в виду ограниченности позднеэнеолитических лесостепных материалов, стратиграфической и планиграфической нерасчлененности комплексов, их специфики данная проблема решалась неоднозначно. Зачастую в исследованиях лишь очерчивался круг аналогий позднеэнеолитическим памятникам без детального сопоставления. Наличие ряда общих черт между ранне- и позднеэнеолитическими комплексами делало закономерным постановку вопроса о местных истоках данных образований и доминанте северных или южных культур в их формировании. Отсутствие радиоуглеродных датировок не позволяло рассмотреть хронологическую составляющую данного вопроса. Таким образом, исследование процессов культурного взаимодействия на позднем этапе энеолитической эпохи являлось достаточно актуальным.

В результате сопоставления позднеэнеолитических комплексов Самарского Поволжья было выделено три группы керамики, для которых использовались наименования «гундоровская», «чекалинско-большераковская», «керамика с внутренним ребром». Основываясь на сравнительном анализе указанных керамических групп с материалами сопредельных территорий, автором был сделан вывод о близости первой группе волосовским материалам, второй - гаринской культуре, памятникам икско-бельского междуречья, токскому типу, третьей – среднестоговской культуре и турганикскому типу. Была выявлена специфика гундоровских и

чекалинско-большеераковских материалов, наблюдающаяся в присутствии в них воротничковых, токсских и отчасти алтатинских черт.

Для другого рассматриваемого лесостепного региона, Сурско-Свияжского междуречья, на основании внутреннего сравнительного анализа и сопоставления с волосовскими материалами Марийского Поволжья и Примокшанья было выделено пять территориально-хронологических групп памятников. Первая, представленная немногочисленной ранневолосовской керамикой, локализуется в Среднем Посурье. Находки материалов второй группы обнаружены в среднем течении Суры и бассейне р. Цивиль и сопоставимы со средним этапом волосовской культуры, при этом в них отмечены некоторые признаки постстоговских древностей Сурско-Мокшанского междуречья. Третья группа занимает территорию Верхнего Посурья и тяготеет к волосовским памятникам развитого этапа Примокшанья. Четвертая группа памятников локализуется в междуречье Свияги и Барыша и сопоставима с поздневолосовскими материалами, а также по ряду признаков с катакомбной и полтавкинской культурами эпохи средней бронзы. Материалы пятой группы происходят из Среднего Посурья и бассейна р. Цивиль и имеют признаки керамики завершающего этапа волосовской культуры Марийского Поволжья.

Анализ радиоуглеродных дат для позднего энеолита Среднего Поволжья показал следующее. Для отдельно взятого региона (Марийское Поволжье, Посурье, Самарское Поволжье) полученные определения по С14 вписываются в общую периодизацию культурно-исторического развития неолита – эпохи бронзы. Определения по С14 для позднеэнеолитических памятников с «лесными чертами» оказались более ранними по сравнению с радиоуглеродными датами для лесного энеолита, что вступило в противоречие с их типологическими характеристиками. Констатировался факт отсутствия представительных серий радиоуглеродных датировок для позднеэнеолитических комплексов, и отмечалось, что выделенные

хронологические рамки для рассматриваемых комплексов требуют корректировки.

Рассмотрение проблемы происхождения позднеэнеолитических древностей показало сложность и многокомпонентность данного процесса. Если в лесных районах процесс формирования волосовской культуры шел при доминанте красномостовских древностей, то в лесостепной полосе в сложении гундоровских и чекалинско-большераковских материалов приняли участие воротничковые и токсские древности, и среднестоговские для керамики «с внутренним ребром».

Завершающие этапы лесостепного энеолита наиболее отчетливо зафиксированы на территории Сурско-Свияжского междуречья и связаны с распространением балановской культуры и инфильтрацией в южные районы катакомбно-полтавкинского населения. В Самарском Поволжье энеолитическая эпоха вполне возможно связана с распространением ямной культуры, при этом не исключено, что дальнейшая судьба носителей керамики «с внутренним ребром» связана с материалами вольско-лбищенского типа.

Таким образом, результаты настоящего исследования во многом подтверждают выводы И.Б. Васильева о многокомпонентном характере позднего энеолита лесостепных районов Среднего Поволжья. И если исследователь подразумевал Самарское, Саратовское Поволжье и Оренбуржье, то сейчас данное утверждение вполне применимо и для Посурья. Подтверждается и другое предположение И.Б. Васильева – о лесостепной линии развития на указанной территории в позднеэнеолитическое время. С другой стороны, курс, взятый самарскими специалистами на очень дробную дифференциацию материалов с «лесными чертами» лесостепного Поволжья, не оправдал себя. В то же время наличие в лесостепи указанных древностей позволяет расширить территорию выделенной О.Н. Бадером, П.Н.Третьяковым, А.Х. Халиковым,

В.П. Третьяковым волосовско-гаринской общности районов Самарского Поволжья и Сурско-Свияжского междуречья.

В завершении необходимо остановиться на ряде нерешенных проблем и предложить дальнейшие перспективы исследования. В первую очередь требуют дальнейшей разработки вопросы абсолютной хронологии как лесостепных типов памятников, так и лесных энеолитических культур. Объяснения выявленным противоречиям между типологией и хронологией можно искать в слабой разработанности данной проблематики для изучаемой территории. Поэтому не до конца остался выясненным вопрос о векторе воздействия в позднем энеолите, и какова роль в этом процессе материалов Чекалино IV, Большой Раковки II, Гундоровки, Лебяжинки III. Если хронологический приоритет указанных комплексов подтвердиться, то вполне закономерным станет вопрос о воздействии юга на лесной энеолитический мир. Однако между данными памятниками и основным ареалом распространения лесных энеолитических культур находится значительная неизученная территория, что наталкивает на мысль о поиске именно в указанных районах соответствующих материалов. Малое количество позднеэнеолитических памятников Самарского Поволжья и отсутствие четкой стратиграфии на них не позволило остановиться на проблеме внутренней периодизации. Наличие на памятниках различных неоэнеолитических материалов не дало возможность детально охарактеризовать позднеэнеолитическую каменную индустрию. Актуальны и проблемы абсолютного датирования и накопления источниковой базы и для Сурско-Свияжского междуречья, поскольку решение указанных в работе проблем происхождения, периодизации и дальнейших судеб позднего энеолита лишь намечено и требует дальнейшей изучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Березина Н.С. Отчет об охранных археологических раскопках поселения Утюж V в Алатырском районе Чувашской Республики в 2009 г. – Чебоксары, 2010 // Архив ЧГИГН.

Васильев И.Б. Отчет о раскопках в Красноярском районе Куйбышевской области в 1985 году. - Куйбышев, 1986 // Архив ИА РАН.

Вискалин А.В. Отчет об охранных археологических исследованиях в Среднем Посурье и Ульяновске в 2007 г. – Ульяновск, 2008 // Архив Ульяновского государственного университета.

Кузьмина О.В., Мамонов А.Е., Семенова А.П., Овчинникова Н.В. Отчет о научно-исследовательской работе по выявлению и обследованию археологических памятников в бассейне р. Сок. - Куйбышев, 1988 // Архив Министерства культуры Самарской области.

Мочалов О.Д. Отчет о раскопках поселения Чекалино IV в Сергиевском районе Самарской области в 2007 году по Открытому листу № 579 (форма № 1). - Самара, 2008 // Архив археологической лаборатории ПГСГА.

Мясников Н.С. Отчет о результатах археологической разведки на территории Алатырского и Порецкого районов Чувашской Республики в 2009 г. – Чебоксары, 2009 // Архив ЧГИГН.

Никитин В.В. Отчет о работе Марийской археологической экспедиции в 1992 году. - Йошкар-Ола, 1992. // Архив МарНИИЯЛИ.

ЛИТЕРАТУРА

Агапов С.А. Хвалынский энеолитический могильник / С.А.Агапов, И.Б.Васильев, В.И. Пестрикова. – Саратов: Изд-во Саратовского университета. 1990. – 161 с.

Алешинская А.С. Периодизация эпохи бронзы лесной зоны Европейской России / А.С. Алешинская, Е.А. Спиридонова // ТАС. Вып. 4. Т. I. / Тверской областной краеведческий музей. – Тверь. 2000. – С. 352-258.

Алешинская А.С. Природная среда и периодизация голоцена на стоянке Ивановское VII / А.С. Алешинская, Е.А. Спиридонова // Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. – М.: Наука, 2002. – С. 85-91.

Архипов Г.А. Уржумкинское поселение / Г.А. Архипов, В.В. Никитин // АЭМК. – 1977. – Вып. 2. – С. 5-40.

Архипов Г.А. Руткинское поселение / Г.А. Архипов, В.В. Никитин // АЭМК. – 1978. – Вып. 3. – С. 64-89.

Архипов Г.А., Никитин В.В. Мазарское I поселение / Г.А. Архипов, В.В. Никитин // АЭМК. – 1981. – Вып. 5. – С. 174-191.

Архипов Г.А. Выжумские памятники на Ветлуге / Г.А. Архипов, В.В. Никитин, Т.Б. Шикаева // АЭМК. – 1984а. – Вып. 7. – С. 5-47

Архипов Г.А. Майданское IV поселение / Г.А. Архипов, В.В. Никитин // АЭМК. – 1984б. – Вып. 8. – С. 20-31.

Архипов Г.А. Майданские II и III поселения волосовской культуры / Г.А. Архипов, В.В. Никитин // АЭМК. – 1987. – Вып. 12. – С. 25-49.

Аськеев И.В. Природная среда и человек в Волго-Камье и Предуралье (поздний палеолит – средневековье) / И.В. Аськеев, О.В. Аськеев, Д.Н. Галимова // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности / Изд-во «Фэн» АН РТ. – Казань. 2009. – С. 32-112.

Бадер О.Н. На заре истории Прикамья / О.Н. Бадер, В.А. Оборин. – Пермь: Пермское книжное издательство. 1958. – 244 с.

Бадер О.Н. Поселение у Малого Борового Озера / О.Н. Бадер, А.В. Кокорев // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 1. – М., 1959. – С. 130-151.

- Бадер О.Н.* Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье / О.Н. Бадер // МИА.- 1961а. - № 99. - 198 с.
- Бадер О.Н.* Поселение у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы / О.Н. Бадер // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып. 2. - М. 1961б. – С. 110-271.
- Бадер О.Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы / О.Н. Бадер - М.: Наука, 1970. – 176 с.
- Бадер О.Н.* Балановская культура / Бадер О.Н., Халиков А.Х. // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. - М.: Наука. 1987. - С. 76-84
- Барынкин, П.П.* Некоторые результаты исследований II Большераковской стоянки / П.П.Барынкин, Е.В. Козин // Древности Восточно-Европейской лесостепи / СГПИ. – Самара. 1991. – С. 94-119.
- Барынкин П.П.* Керамика памятников хвалынской культуры Поволжья (к характеристике типологических связей памятников региона) / П.П.Барынкин // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культуры. Исследования материалов. / СРОО ИЭКА «Поволжье». – Самара. 2010. - С. 133-152.
- Бахарев С.С.* Чесноковская стоянка на реке Сок / С.С. Бахарев, Н.В. Овчинникова // Древности Восточно-Европейской лесостепи / СГПИ. – Самара. 1991.- С. 72-93.
- Березина Н.С.* Предварительные итоги изучения каменного инвентаря стоянки Новая Деревня на р. Цивиль / Н.С. Березина, А.Ю. Березин, М.Ш. Галимова // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. - Йошкар-Ола. 2006. – С. 62-65.
- Березина Н.С.* Охранные раскопки многослойного поселения Утюж I на Суре / Н.С. Березина, А.В. Вискалин, А.А. Выборнов, А.И. Королев, В.В. Ставицкий // Самарский край в истории России. Вып. 3. / Самар.обл.ист.-краевед.музей. – Самара. 2007. – С.14-23
- Березина Н.С.* Исследование стоянки Новая Деревня в Цивильском районе Чувашской республики в 2005 году / Н.С. Березина // Научно-педагогическое

наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Книга 2. / ЧГИГН. - Чебоксары, 2009а. – С. 140-161.

Березина Н.С. Новые археологические памятники Чувашии (По итогам археологических разведок 2000-2003 годов) / Н.С. Березина // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Книга 2. / ЧГИГН. - Чебоксары, 2009б. – С. 223-273

Березина Н.С. Вклад краеведа Юрия Борисовича Новикова в изучение археологических памятников Присурья / Н.С. Березина, А.Ю. Березин, А.В. Коноваленко // Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности / ЧГИГН. – Чебоксары, 2010а. – С. 81-86

Березина Н.С. Черненькое озеро III – новый памятник каменного века в Среднем Посурье / Н.С. Березина, А.А. Выборнов, С.А. Кондратьев, А.А. Шалапинин // Материалы по истории и археологии России. Том 1. / Изд-во «Александрия». – Рязань, 2010б. – С. 61-75

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения / А.А. Бобринский. – М: Наука. 1978. – 272 с.

Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья / С. В. Богданов – Екатеринбург: УрО РАН. 2004. – 285 с.

Большов О.В. Работы Марийского республиканского музея в зоне водохранилища / О.В. Большов, П.Г. Инягин, А.Ю. Казаков, В.В. Николаев // АЭМК. – 1989. - Вып. 15. – С. 183-190

Большов С.В. Поселение Большая Гора (предварительные результаты исследования) / С.В. Большов // АЭМК. - 1995. - Вып. 24. – С. 50-60.

Большов С.В. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н.э. / С.В. Большов Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 2006.- 232 с.

Брюсов А.Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху / А.Я. Брюсов. – М.: Наука. 1952. – 260с.

Васильев И.Б. К вопросу о двух ямно-полтавкинских поселениях в Куйбышевской области / И.Б. Васильев // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып 2. – Куйбышев. 1976. – С. 97-112.

Васильев И.Б. Елшанские стоянки на р. Самаре в Оренбургской области / И.Б.Васильев, Г.Г. Пенин // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья / КГПИ – Куйбышев. 1977а. – С. 3 -22.

Васильев И.Б. Новая стоянка в Хвалынском районе Саратовской области / И.Б. Васильев, В.А. Непочатых // Средневожская археологическая экспедиция. – Куйбышев. 1977б. – С. – 66-76.

Васильев И.Б. Южные районы лесостепного Поволжья в волосовское время / И.Б. Васильев // АЭМК. - 1978. - Вып. 3. – С. 169-184.

Васильев И.Б. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) / И.Б. Васильев // Древняя история Поволжья. - Куйбышев, 1979а. - С. 24-57

Васильев И.Б. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре / И.Б.Васильев, Г.И. Матвеева // СА.- 1979а. - № 4. – С. 147-166.

Васильев И.Б. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье / И.Б.Васильев, А.А.Выборнов, Р.С. Габяшев, Н.Л. Моргунова, Г.Г. Пенин // Энеолит Восточной Европы / КГПИ.- Куйбышев. 1980а. – С.151-189.

Васильев И.Б. Энеолит лесостепного Поволжья / И.Б. Васильев // Энеолит Восточной Европы / КГПИ - Куйбышев. 1980б. – С. 27-52.

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья / И.Б.Васильев. – Куйбышев: Изд-во КГПИ. 1981. - 129 с.

Васильев И.Б. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья / И.Б.Васильев, Р.С Габяшев // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / КГПИ. - Куйбышев. 1982. – С. 3-23.

Васильев И.Б. Рец. На кн.: Энеолит Южного Урала Г.Н.Матюшина / М.: Наука, 1982. - 327 с. / И.Б.Васильев, А.А. Выборнов, Н.Л. Моргунова // СА. – 1985а. №2. – С. 280-290.

Васильев И.Б. Энеолит восточно-европейской лесостепи (вопросы происхождения и периодизации культур) / И.Б. Васильев, А.Т. Синюк. – Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1985б. - 118 с.

Васильев И.Б. Полтавкинские могильники у с. Красносамарское в лесостепном Заволжье / И.Б.Васильев, П.Ф. Кузнецов // Исследования памятников археологии Восточной Европы. – Воронеж. 1988. – С. 39-59.

Васильев И.Б. Поздний энеолит юга лесостепного Поволжья / И.Б. Васильев // Энеолит лесного Урала и Поволжья / УИИЯЛ. - Ижевск. 1990. – С. 52-69.

Васильев И.Б. Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья / И.Б. Васильев // Вопросы археологии Урала и Поволжья / Изд-во «Самарский университет». – Самара. 1999. - С. 66-114.

Васильев И.Б. Памятники вольско-лбищенского типа / И.Б.Васильев, П.Ф. Кузнецов // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Изд-во СНЦ РАН. – Самара. 2000а. - С. 65-84.

Васильев И.Б. Некоторые итоги изучения энеолита Волго-Уральской степи и лесостепи / И.Б. Васильев // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. - Ижевск. 2000б. – С. 81-84.

Васильев И.Б. Энеолит / И.Б. Васильев, Н.В. Овчинникова // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век / Изд-во СНЦ РАН. – Самара. 2000в. - С. 216-277.

Васильев И.Б. Ямная и полтавкинская культуры / И.Б.Васильев, П.Ф.Кузнецов, М.А.Турецкий // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Изд-во СНЦ РАН. – Самара. 2000г. - С. 6-64.

Васильев И.Б. Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) / И.Б. Васильев // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. / Изд-во СНЦ РАН. – Самара. 2003. – С. 61-99.

Васильева И.Н. Технология керамики могильника у с. Съезжее / И.Н.Васильева // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3 / Изд-во ОГПУ. – Оренбург. 1999. – С. 191-216.

Васильева И.Н. Гончарная технология энеолитического населения Волго-Уральского междуречья как источник по истории формирования ямной культуры / И.Н. Васильева // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области / Изд-во ОГПУ. – Оренбург. 2006. – С. 17-23.

Васильева И.Н. Технология керамики стоянки Черненькое озеро / И.Н. Васильева // Материалы по истории и археологии России. Том 1. / Изд-во «Александрия». – Рязань, 2010. - С. 76-87.

Вискалин А.В. Поселение ранних металлургов и коневодов на Барыше / А.В. Вискалин // ТАС. Вып. 5. / Тверской областной краеведческий музей. – Тверь. 2002а. – С. 270-277.

Вискалин А.В. Энеолитическое поселение Ховрино в Посурье / А.В.Вискалин, А.А. Выборнов, А.И. Королев, В.В. Ставицкий // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. / Изд-во СГПУ. – Самара. 2002б. – С. 58-80.

Вискалин А.В. Ховринское поселение эпохи раннего металла в Восточном Посурье (итоги исследования 1994 года) / А.В. Вискалин, Н.В. Овчинникова // Археология Восточноевропейской лесостепи.- Пенза. 2003. – С.208-219.

Вискалин А.В. Результаты исследования шестого жилища Ховринского энеолитического поселения Барыше / А.В. Вискалин // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. / Изд-во «Научно-технический центр». – Самара. 2006. – С. 191-200.

Вискалин А.В. Комплекс лесного энеолита в лесостепных районах Волго-Уральского междуречья / А.В. Вискалин // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Т. II. – Пенза. 2008. – С. 39-49.

Вискалин А.В. Исследование многослойного поселения Утюж I на Суре / А.В. Вискалин, Н.С. Березина, А.Ю. Березин, А.А. Выборнов, А.И. Королев, В.В. Ставицкий, А.В. Коноваленко // Научно-педагогическое наследие

В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Книга 2 / ЧГИГН. – Чебоксары, 2009. – С. 41-72

Волкова Е.В. Керамика Волосово-Даниловского и Балановского могильников. Сравнительное изучение культурных традиций / Е.В. Волкова // ТАС. Вып. 2. / Тверской областной краеведческий музей. – Тверь. 1996. – С. 333-338.

Выборнов А.А. Шигоны II новый памятник волосовского типа в Куйбышевской области / А.А. Выборнов // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. – Оренбург. 1980. – С. 15-16.

Выборнов А.А. Неолит и эпоха раннего металла правобережья Нижней Белой: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.А.Выборнов. - Л., 1984а. – 16 с.

Выборнов А.А. «Флажковый» комплекс керамики Нижней Белой / А.А. Выборнов // АЭМК. - 1984б. - Вып. 8. – С. 50-63.

Выборнов А.А. Поселение Сауз II и проблема периодизации эпохи раннего металла Нижней Белой / А.А. Выборнов, А.Б. Елизаров, Н.В. Овчинникова // Древности Среднего Поволжья / КГУ. – Куйбышев, 1985. – С. 30-50

Выборнов А.А. Поселение волосовской культуры Парат XII в Марийском Поволжье / А.А. Выборнов, С.А. Глущенко, А.И. Королев // Исторические исследования. Вып. 3. – Самара. 2000. – С. 299-312.

Выборнов А.А. Сутырское V поселение (раскопки 2000 года) / А.А. Выборнов, А.В. Вискалин, А.И. Королев, В.В. Ставицкий // АЭМК. – 2004.- Вып. 27. – С. 28-35

Выборнов А.А. К радиокарбоновой хронологии неолита Среднего Поволжья: западный регион / А.А. Выборнов, Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин // РА. – 2008. – №4. – С. 64-71

Габяшев Р.С. Русско-Азибейская стоянка / Р.С.Габяшев // Древности Икско-Бельского междуречья. - Казань. 1978а. – С. 22-39.

Габяшев Р.С. О памятниках волсовско-турбинского типа в Икско-Бельском междуречье / Р.С. Габяшев, П.Н. Старостин // АЭМК. – 1978б. - Вып. 3. – С. 148-159.

Габяшев Р.С. Итоги раскопок III Русско-Азиевской стоянки / Р.С.Габяшев // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. / КФАН СССР. – Казань. 1981. – С. 11-24.

Габяшев Р.С. Культурно-хронологические группы в энеолите Нижнего Прикамья / Р.С.Габяшев // Памятники древней истории Волго-Камья. - Казань. 1994.- С. 16-38.

Гей А.Н. Новотиторовская культура / А.Н. Гей // М.: ТОО «Старый сад». 2000. – 224 с.

Горащук И.В. Классификация каменных орудий елшанской культуры / И.В. Горащук // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. XV / Изд-во «Офорт». - Самара, 2010. – С. 168-183.

Горащук И.В. Технология изготовления двусторонне обработанных изделий в эпоху энеолита в лесостепном Поволжье / И.В. Горащук, Н.В. Овчинникова // Исторические исследования. Вып. 5. / Изд-во «НТЦ». – Самара. 2004. – С. 155-161.

Гурина Н.Н. Опыт первичной классификации кремневых наконечников стрел / Н.Н. Гурина // Орудия каменного века / «Наукова Думка». – Киев, 1978. – С. 57-70.

Гурина Н.Н. О некоторых методах обработки неолитической керамики / Н.Н. Гурина // КСИА. – 1988. Вып. 193. – С. 3-8

Древние охотники и рыболовы Подмосковья. По материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы – Воймежное 1. – М.: ИА РАН. 1997. – 283 с.

Зайцева Г.И. Корректное представление радиоуглеродных и калиброванных дат в литературе / Г.И. Зайцева // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействие неолитических культур в Восточной и Средней Европе) / ИИМК РАН. – СПб. 2004. – С. 11-13.

Зайцева Г.И. Радиоуглеродное датирование керамики памятников неолита Евразии: проблемы и перспективы / И.Г. Зайцева, В.В. Скрипкин,

Н.Н. Ковалюх, А.А. Выборнов, П.М. Долуханов, Г. Посснерт // Материалы II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале Т.1 / ИА РАН. – 2008. – С. 217-219

Калинина, И.В. Веревоочный орнамент в неолите / И.В.Калинина // Тверской археологический сборник. Вып. 4 / Тверской областной краеведческий музей. - Тверь, 2000. – С. 263-268.

Каховский Б.В. Археологические и исторические памятники Чувашской АССР / Б.В. Каховский / Труды ЧНИИЛЯИЭ. Вып. 81. – Чебоксары. 1979. – 163 с.

Каховский В.Ф. Стоянки волосовской культуры / В.Ф. Каховский // АО 1968. - 1969. – С. 146-147.

Каховский В.Ф. Археология Среднего Поволжья / В.Ф. Каховский. - Чебоксары. 1977. – 111 с.

Кияшко А.В. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V-III тысячелетиях до н.э.) / В.Я.Кияшко // Донские древности. Вып. 3 / Азов, 1994. – 132 с.

Кияшко А.В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. / В.Я.Кияшко // Изд-во ВГУ. – Волгоград. 1999. – 182 с.

Коробков И.А. Использование первобытным человеком аммонитов и белемнитов для орнаментации керамики / И.А. Коробков, Л.Я. Крижевская // Вестник ЛГУ. Серия геологии и географии. – 1958. - № 18. – С. 54-59.

Королев А.И. Поселение волосовской культуры Имерка I-Б на реке Вад (некоторые итоги исследования) / А.И. Королев // Древние культуры лесостепного Поволжья / СГПИ – Самара. 1995.

Королев А.И. Многослойное поселение Имерка VIII на р. Вад / А.И. Королев // Историко-археологические изыскания. Вып. 1 / СГПИ. – Самара. 1996. – С. 113-147.

Королев А.И. Поселение Волгапино и проблема контактов волосовской и имеркской культур на Мокше и Верхней Суре / А.И. Королев // ТАС. Вып. 3 / Тверской областной краеведческий музей. – Тверь. 1998а. – С. 300-307.

- Королев А.И.* Поселение Волгапино на реке Мокше / А.И. Королев, В.В. Ставицкий // Исторические исследования. Вып. 2 / Изд-во СГПУ. – Самара. 1998б. – С. 226-253.
- Королев А.И.* Материалы по хронологии энеолита Примокшанья / А.И. Королев // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1 / Изд-во СГПУ. – Самара. 1999а. – С. 106-115.
- Королев А.И.* Энеолит Примокшанья и Верхнего Посурья: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.И. Королев. – Ижевск. 1999б. – 23 с.
- Королев А.И.* К вопросу о финале волосовской культуры в Сурско-Мокшанском междуречье / А.И. Королев // ТАС. Вып. 4. Т. I / Тверской областной краеведческий музей. – Тверь. 2000. – С. 337-343.
- Королев А.И.* Волосовская керамика сурско-мокшанского междуречья / А.И. Королев // ТАС. Вып. 5 / Тверской областной краеведческий музей. – Тверь, 2002. – С. 332-341.
- Королев А.И.* Среднестоговский комплекс поселения Имерка VIII / А.И. Королев // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Пенза. 2003. – С. 155-167.
- Королев А.И.* Примокшанье в эпоху раннего металла / А.И. Королев, В.В. Ставицкий. – Пенза: ПГПУ. 2006. – 204 с.
- Королев А.И.* Актуальные вопросы изучения энеолита лесостепного Поволжья / А.И. Королев // Известия СНЦ РАН. Т.10, №4. – Самара, 2008а. – С. 1256-1264.
- Королев А.И.* Об одной группе гундоровской керамики: новый взгляд на волосовскую коллекцию / А.И. Королев, А.А. Шалапинин // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Т. I. – Пенза. 2008б. – С. 148-151.
- Королев А.И.* Энеолит / А.И. Королев, В.В. Ставицкий // Археология Мордовского Края: каменный век, эпоха бронзы / НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск. 2008в. – С. 107-133.
- Королев А.И.* Актуальные вопросы изучения керамики с «внутренним ребром» / А.И. Королев // Проблемы изучения культур раннего бронзового

века степной зоны Восточной Европы / Изд-во ОГПУ. – Оренбург. 2009а. – С. 190-196.

Королев А.И. Керамика третьей группы стоянки Чекалино IV и проблемы взаимодействия населения лесостепи и леса в позднем энеолите / А.И. Королев, А.А. Шалапинин // Известия СНЦ РАН. Т. 11. № 6. – Самара. 2009б. – С. 285-291.

Королев А.И. К вопросу о культурно-хронологической принадлежности керамики «с внутренним ребром» с поселений Самарского Поволжья / А.И. Королев, Н.В. Овчинникова // ТАС. Вып. 7 / Тверской областной краеведческий музей. – Тверь. 2009в. – 296-304.

Королев А.И. Радиоуглеродное датирование ранних материалов волосовской культуры Среднего Поволжья / А.И. Королев, А.А. Шалапинин // Известия Самарского научного центра РАН. Т.12, №2. – Самара. 2010. – С. 256-259

Королев А.И. Материалы лесного круга со стоянки Чекалино IV лесостепного Поволжья (по результатам раскопок 2007 года) / А.И. Королев // ТАС. Вып. 8. Т. I. – Тверь. 2011. – С. 219-228.

Костылева Е.Л. Использование костей животных для орнаментации ямочно-гребенчатой керамики / Е.Л. Костылева, И.В. Калинина // ТАС. Вып. 5 / Тверской областной краеведческий музей. – Тверь. 2002. – С. 248-256.

Костылева Е.Л. Керамика восточно-прибалтийского типа на поселении Ивановское VII / Е.Л. Костылева, А.В. Уткин // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота – Иваново, 1998. – С. 53-57

Костылева Е.Л. Хронология погребального обряда волосовской культуры территории Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья / Е.Л. Костылева, А.В. Уткин // Материалы II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале Т.1 / ИА РАН. – 2008. – С. 230-233.

Крайнов Д.А. К вопросу о происхождении волосовской культуры / Д.А. Крайнов // СА. - 1981. - № 2.- С. 5-20.

Крайнов Д.А. Неолитическое жилище на стоянке Сахтыш I / Д.А. Крайнов // КСИА. - 1984. - Вып. 177. – С. 41-47.

- Крайнов Д.А.* Волосовская культура / Д.А. Крайнов // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. - М.: Наука. 1987а. - С. 10-28.
- Крайнов Д.А.* Фатьяновская культура / Д.А. Крайнов // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. - М.: Наука. 1987б. - С. 58-76.
- Крайнов Д.А.* Стратиграфия и абсолютная хронология стоянки Ивановское III / Д.А. Крайнов, Г.И. Зайцева, А.В. Уткин // СА. - 1990. - № 3. – С. 25-31.
- Крайнов Д.А.* Абсолютная хронология Сахтышских стоянок / Д.А. Крайнов, Г.И.Зайцева, Е.Л. Костылева, А.В. Уткин // Археологические памятники Волго-Клязьменского междуречья. Вып. 5.- Иваново. 1991. – С. 33-42.
- Крайнов Д.А.* Могильник и «святилище» на стоянке Сахтыш II-A / Д.А. Крайнов, Е.Л. Костылева, А.В. Уткин // РА. - 1994. - № 4. – С. 118-130.
- Круглов А.П.* Родовое общество степей Восточной Европы / А.П. Круглов, Г.В. Подгаецкий // Известия ГАИМК. - 1935. - Вып. 119. – 176 с.
- Кузнецов П.Ф.* Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита-бронзового века юга лесостепного Поволжья / П.Ф. Кузнецов // Археология и радиоуглерод. Вып. 1. – Спб. 1996. – 56-59.
- Кузнецов П.Ф.* Датирование керамики ямно-репинского облика в Поволжье / П.Ф. Кузнецов, Н.Н. Ковалюх // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6 / Научная книга. – Саратов. 2008. - С. 194-199.
- Кузнецов П.Ф.* Проблемы изучения раннего и среднего периодов бронзового века Самарского Поволжья / П.Ф. Кузнецов // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. XV / Изд-во «Офорт». - Самара, 2010. - С. 40-55.
- Кузьминых С.В.* К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии / С.В. Кузьминых / С.В. Кузьминых // СА. – 1977. - № 2. – С. 20-34
- Кузьминых С.В.* Первые анализы меди с энеолитических поселений бассейна р. Вятки / С.В. Кузьминых // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. - Ижевск. 1980. – С. 147-150.
- Лаврушин Ю.А.* Результаты палеогеоморфологических исследований на стоянках неолита-бронзы в бассейне р.Самары / Ю.А.Лаврушин,

Е.А.Спиридонова // Н.Л. Моргунова Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья / Оренбургский гос.пед.ин-т. - Оренбург. 1995. – С. 177-200.

Ластовский А.А. Неолитическая стоянка Троицкое / А.А. Ластовский // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья / Типография «Глагол» - Самара. 2008. – С. 26-39.

Лопатин В.А. Стоянка Озинки-II в Саратовском Заволжье / В.А. Лопатин // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / КГПИ. - Куйбышев. 1989. – 135-146.

Лычагина Е.Л. К вопросу о происхождении и хронологии новоильинской энеолитической культуры / Е.Л. Лычагина, А.А. Выборнов // Научный Татарстан. – Казань. 2009. - № 2.- С. 33-36.

Малов Н.М. Материалы вольского культурного типа среднего бронзового века Нижнего Поволжья с эпонимного поселения / Н.М. Малов, О.В. Сергеева, М.Г. Ким // Археология восточно-европейской степи. Вып. 7 / Научная книга. – Саратов. 2009. - С. 19-43

Мамонов А.Е. О культурном статусе елшанских комплексов /А.Е.Мамонов // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1 / СГПУ. - Самара, 1999. – С. 15-43.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала / Г.Н.Матюшин. - М.: Наука, 1982. – 328 с.

Мельничук А.Ф. Взгляды О.Н. Бадера на эпоху палеометалла Среднего Приуралья в свете современных исследования / А.Ф. Мельничук // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения) / Изд-во «Удмуртский университет». - Ижевск. 2010.- С. 48-51.

Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья / Н.Я. Мерперт // МИА. – 1958. - № 61. – С. 45-156.

Мильков Ф.Н. Среднее Поволжье. Физико-географическое описание / Ф.Н. Мильков. – М.: АН СССР. – 1953. – 262 с.

Моргунова, Н.Л. Ивановская стоянка эпохи неолита-энеолита в Оренбургской области / Н.Л.Моргунова // Энеолит Восточной Европы / КГПИ. - Куйбышев, 1980. – С. 104-124.

Моргунова Н.Л. Турганиская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры / Н.Л. Моргунова // Эпоха меди юга Восточной Европы / КГПИ - Куйбышев. 1984а. – С. 58-78.

Моргунова Н.Л. Эпоха неолита и энеолита в лесостепной зоне Волго-Уральского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н.Л. Моргунова. - М., 1984б. – 21 с.

Моргунова Н.Л. Кузьминковская стоянка эпохи энеолита в Оренбургской области / Н.Л. Моргунова // Древние культуры Северного Прикаспия / КГПИ – Куйбышев. 1986. – С. 31-36.

Моргунова Н.Л. Энеолитические комплексы Ивановской стоянки / Н.Л. Моргунова // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / КГПИ – Куйбышев. 1989. – С. 118-135.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья / Н.Л. Моргунова. – Оренбург: Изд-во ОГПУ. - 1995. – 222 с.

Моргунова Н.Л. Хронология и периодизация энеолита Волжско-Уральского междуречья в свете радиоуглеродного датирования / Н.Л. Моргунова // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы / Изд-во ОГПУ. – Оренбург. 2009. – С. 6-27.

Моргунова Н.Л. К вопросу о синхронизации и культурных связях культур энеолита и раннего бронзового века степного-лесостепного Поволжья и Приуралья с культурами лесной зоны Волго-Камья / Н.Л. Моргунова // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. XV / Изд-во «Офорт». – Самара. 2010а. - С. 184-193.

Моргунова Н.Л. Хронологическое соотношение энеолитических культур Волго-Уральского региона в свете радиоуглеродного датирования / Н.Л. Моргунова, А.А. Выборнов, Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин // РА. – 2010б. - № 4. – С. 18-27

Моргунова Н.Л. Новые радиоуглеродные даты памятников энеолита, раннего и среднего этапов бронзового века Поволжья и Приуралья / Н.Л. Моргунова,

- Г.И. Зайцева, Н.Н. Ковалюх, В.В. Скрипкин// Археологические памятники Оренбужья. Вып. 9 / ОГПУ – Оренбург. 2011. – С. 53-68
- Морозов Ю.А.* Энеолитические памятники Приуралья / Ю.А.Морозов // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / КГПИ – Куйбышев. 1982. – С. 71-82.
- Морозов Ю.А.* Кара-Якуповская энеолитическая стоянка / Ю.А. Морозов // Эпоха меди юга Восточной Европы / КГПИ. - Куйбышев. 1984. – С. 43-58.
- Мочалов О.Д.* Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья / О.Д. Мочалов. – Самара: СГПУ. 2008. – 252 с.
- Наговицин А.Л.* Энеолит бассейна р. Вятки: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н.Л. Наговицин. - М. 1983. – 25 с.
- Наговицин А.Л.* Периодизация энеолитических памятников Вятского Края / Н.Л. Наговицин // Проблемы изучения каменного века. - Ижевск. 1984. – С. 89-123.
- Наговицин А.Л.* Новоильинская, гаринско-борская и юртиковская культуры / Н.Л. Наговицин // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. - М.: Наука. 1987. - С. 28-34.
- Наговицин А.Л.* Дискуссионные проблемы в изучении новоильинской культуры / Н.Л. Наговицин // Вопросы археологии Урала. Вып. 21 / Уральский гос.ун-т. – Екатеринбург. 1993. – С. 59-76.
- Нейштадт М.Н.* История лесов и палеогеография СССР в голоцене / М.Н. Нейштадт. – М.: Наука. 1957. – 404 с.
- Немкова В.К.* Стратиграфия позднее- и послеледниковых отложений Предуралья / В.К.Немкова // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья / Башкир.филиал АН СССР. - Уфа, 1978. – С.4-45.
- Никитин А.Л.* Существовала ли «волосовская культура»? / А.Л Никитин // СА. - 1974. - № 2. – С. 27-33.
- Никитин А.Л.* Неолитическое поселение Берендеево I / А.Л Никитин // СА. - 1976.- № 3. – С. 191-202.

- Никитин В.В.* Ахмыловское II поселение / В.В. Никитин // АЭМК. – 1977. – Вып. 2. – С. 41-87
- Никитин В.В.* Волосовские племена на Средней Волге / В.В. Никитин // АЭМК. – 1978а. - Вып. 3. – С. 21-63.
- Никитин В.В.* Сутырское поселение (к вопросу о волосовско-гребенчато-ямочных контактах) / В.В. Никитин // АЭМК. – 1978б. – Вып. 3. – С. 193-206
- Никитин В.В.* Баркужерское III поселение / В.В. Никитин // АЭМК. - 1982. - Вып. 6. – 83-114.
- Никитин В.В.* Энеолит Волго-Вятского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.В. Никитин. - Л. 1983. – 21 с.
- Никитин В.В.* Красноостовские поселения финального неолита (предварительный анализ) / В.В. Никитин // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. / Удм. ИЯЛИ УО АН СССР. – Ижевск. 1984. – С. 31-43
- Никитин В.В.* Основные типы каменных орудий волосовского населения Средней Волги / В.В. Никитин // АЭМК. - 1987. - Вып. 13. – 21-25.
- Никитин В.В.* Материалы к изучению волосовской культуры Среднего Поволжья / В.В. Никитин // АЭМК. – 1990а. – Вып. 17. – С. 7-38
- Никитин В.В.* Некоторые проблемы изучения неолита-энеолита Среднего Поволжья / В.В. Никитин // Энеолит лесного Урала и Поволжья / УИИЯЛ. - Ижевск. 1990б. – С. 41-51.
- Никитин В.В.* Медно-каменный век Марийского Края (середина III – начало II тысячелетия до н.э.) / В.В. Никитин. - Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство. 1991. – 152 с.
- Никитин, В.В.* Этнокультурная ситуация в конце неолита и энеолита на левобережье Средней Волги / В.В.Никитин // Вопросы археологии Урала. Вып. 21 / Уральский гос.ун-т. – Екатеринбург. 1993. – С. 76-83.
- Никитин В.В.* Каменный век марийского края: Труды марийской археологической экспедиции. Том IV / В.В. Никитин. – Йошкар-Ола: МарНИИ. 1996. – 180 с.

- Никитин В.В.* Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы). Труды Марийской археологической экспедиции. Том VII / В.В. Никитин, Б.С. Соловьев / МарНИИ. – Йошкар-Ола, 2002. – 162 с.
- Никитин В.В.* Истоки волосовских древностей на Оке и Волге (по материалам поселений Красный Мост II и III) / В.В. Никитин // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Том 1 / Пензенский государственный краеведческий музей. – Пенза. 2008. – С. 152-166
- Никитин В.В.* Археологическая карта республики Марий-Эл / В.В. Никитин. – Йошкар-Ола, МарНИИ. 2009. – 416 с.
- Никитин В.В.* Поздний неолит в лесной полосе бассейна Волги (к проблеме истоков волосовской культуры и ее локальных вариантов) // ТАС. Вып. 8. Т. I / Изд-во «Триада». – Тверь. 2011. – С. 213-218.
- Петряшов Д.В.* Гончарство населения Примокшанья в эпоху энеолита / Д.В. Петряшов // Материалы XXX Урало-Поволжской археологической конференции молодых ученых. – Самара. 1998. – С. 68-70.
- Обыденнов М.Ф.* Нижнебельские стоянки эпохи раннего металла / М.Ф. Обыденнов // АЭМК. – 1978. - Вып. 3. – С. 160-168.
- Овчинникова Н.В.* Керамика волосовского типа с Гундоровского поселения / Н.В. Овчинникова // АЭМК. - 1991. - Вып. 19. – С. 89-98.
- Овчинникова Н.В.* Лебяжинка III – поселение эпохи энеолита в лесостепном Заволжье / Н.В. Овчинникова // Древние культуры лесостепного Поволжья / СГПИ – Самара. 1995. – С. 164-190.
- Овчинникова Н.В.* К вопросу о причинах миграций лесных племен в лесостепную зону в эпоху энеолита / Н.В. Овчинникова // Природа и цивилизация. Реки и культуры / Европейский дом. - СПб. 1997. – С. 206-208.
- Овчинникова Н.В.* Исследование грунтового могильника у с. Гундоровка в лесостепном Поволжье / Н.В. Овчинникова, А.А. Хохлов // ТАС. Вып. 3 / Тверской областной краеведческий музей. – Тверь. 1998. – С. 288-299.

Овчинникова Н.В. Жилища самарской культуры в лесостепном Поволжье / Н.В. Овчинникова // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1 / Изд-во СГПУ. – Самара. 1999. – С. 97-195.

Овчинникова Н.В. Волосовские древности юга лесостепного Поволжья / Н.В. Овчинникова // ТАС. Вып. 4. Т. I / Тверской областной краеведческий музей. – Тверь. 2000. – С. 326-336.

Овчинникова Н.В. Памятники позднего энеолита в лесостепном Поволжье / Н.В. Овчинникова // XV Уральское археологическое совещание. – Оренбург. 2001. – С. 54-55.

Овчинникова Н.В. Итоги изучения энеолитических поселений лесостепного Поволжья / Н.В. Овчинникова // Известия СНЦ РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии». - Самара. 2006. – С. 294-301.

Ошибкина С.В. Поселение Юртик на Средней Вятке / С.В. Ошибкина // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. - М. 1976. – С. 176-192.

Ошибкина С.В. Поселение Юртик. Результаты исследований / С.В. Ошибкина // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. – Ижевск. 1980. – С. 29-66.

Пестрикова В.И. Хвалынский I энеолитический могильник как исторический источник / В.И. Пестрикова, Д.С. Агапов // Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культуры. Исследования материалов. / СРОО ИЭКА «Поволжье». - Самара, 2010. - С. 11-118.

Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. / Н.В. Рындина. - М.: Эдиториал. 1998. – 288 с.

Семенов С.А. К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды / С.А Семенов // КСИА. - 1955. - Вып. 57. – С. 137-144.

Семенова А.П. Погребальные памятники срубной культуры / А.П Семенова // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Изд-во СНЦ РАН. – Самара. 2000. - С. 152-209.

- Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья / А.П. Смирнов // МИА. - 1952. - № 28. – 276 с.
- Сидоров В.В.* Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково / В.В. Сидоров // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья / ИА РАН. – М. 1992. – С. 4-113.
- Сидоров В.В.* Протоволосовский этап или культура? / В.В. Сидоров, А.В. Энговатова // Тверской археологический сборник. Вып. 2 / Тверской областной краеведческий музей. – Тверь, 1996. – С. 164-182.
- Сидоров В.В.* Волосовская культура во II тысячелетии до н.э. / В.В. Сидоров // ТАС. Вып. 5. / Тверской областной краеведческий музей. – Тверь. 2002. – С. 322-331.
- Сидоров В.В.* Волосовская культура – происхождение, судьба / В.В. Сидоров // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. - Йошкар-Ола. 2006. – С. 166-174.
- Синюк А.Т.* Бронзовый век бассейна Дона / А.Т. Синюк. – Воронеж: Издательство Воронежского педуниверситета. 1996. - 350 с.
- Соловьев Б.С.* Новые раскопки поселения Галанкина Гора / Б.С. Соловьев // АЭМК. - 1987. - Вып. 13. – С. 79-100.
- Соловьев Б.С.* Удельно-Шумецкое VII поселение эпохи бронзы / Б.С. Соловьев // АЭМК. - 1989. - Вып. 15. – С. 79-94.
- Соловьев Б.С.* Поселение Нижняя Стрелка IV и некоторые вопросы балановско-волосовских контактов в Среднем Поволжье / Б.С. Соловьев // АЭМК. - 1990. - Вып. 17. – С. 39-64.
- Соловьев Б.С.* Финал волосовских древностей и формирование чирковской культуры в Среднем Поволжье / Б.С. Соловьев // АЭМК. - 1991. - Вып. 19. – С. 46-82.
- Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья: Труды марийской археологической экспедиции. Т. VI. / Б.С. Соловьев. - Йошкар-Ола: МарНИИ. 2000. – 264 с.

Спиридонова Е.А. Палинологические исследования поселения Воймежное I / Е.А.Спиридонова, А.С. Алешинская // Древние охотники и рыболовы Подмосковья. По материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы – Воймежное I. – М.: ИА РАН. 1997. – С. 120-124.

Спиридонова Е.А. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа / Е.А. Спиридонова, А.С. Алешинская // РА. – 1999. - № 1. – С. 23-33

Спиридонова Е.А. Результаты палинологических исследований памятников эпохи бронзы на территории республики Марий Эл / Е.А. Спиридонова // Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья: Труды марийской археологической экспедиции. Т. VI. / Б.С. Соловьев. - Йошкар-Ола: МарНИИ. 2000. – С. 158-159.

Ставицкий В.В. Пензенские поселения эпохи неолита и бронзы / В.В. Ставицкий // Из истории области. Очерки краеведов. Вып. 3 / Пенз. гос. объедин. краев. музей. – Пенза. 1992. – С. 27-75

Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Грабово I в Верхнем Посурье / В.В. Ставицкий // Древние культуры лесостепного Поволжья / СГПИ. – Самара. 1995а. – С. 123-136.

Ставицкий В.В. Поселение Подлесное V на Верхней Суре / В.В. Ставицкий, В.И. Колганов // АО 1994 г. – 1995б. – С. 140-141.

Ставицкий В.В. Энеолитическое поселение Русское Труево II на Верхней Суре и происхождение древностей алтатинского типа / В.В. Ставицкий // Археологические записки. Вып. 2 / Донское археологическое общество. - Ростов-на-Дону. 2002. – С. 91-103.

Ставицкий В.В. Неолит – ранний энеолит лесостепного Посурья и Прихоперья / В.В. Ставицкий, А.А. Хреков. – Саратов: Изд-во Саратовского университета. 2003. – 168 с.

Ставицкий В.В. Екатериновское поселение бронзового века на р. Сура и проблема происхождения вольско-лбищенских древностей / В.В. Ставицкий

// Археологические памятники Оренбуржья. Вып. VI / ОГПУ. – Оренбург. 2004. - С. 16-30

Ставицкий В.В. Бронзовый век Посурья и Примокшанья / В.В. Ставицкий – Пенза: ППГУ. 2005. - 160 с.

Ставицкий, В.В. Динамика взаимодействия культур севера и юга в неолите – раннем энеолите на территории лесостепной зоны / В.В.Ставицкий // Археологические изучение Центральной России / Липецкий гос. пед. ун-т, Липецк. 2006а. – С. 105-109.

Ставицкий В.В. Неолит, энеолит и ранний бронзовый век Сурско-Окского междуречья и Верхнего Прихоперья: динамика взаимодействия культур севера и юга в лесостепной зоне: автореф. дис. ... докт. ист. наук. / В.В. Ставицкий. – Ижевск, 2006б. – 46 с.

Ставицкий В.В. Позднеэнеолитические древности лесостепного Посурья / В.В.Ставицкий // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. - Йошкар-Ола. 2006в. – С. 192-195.

Ставицкий В.В. Стоянка Усть-Кадада на Верхней Суре / В.В.Ставицкий // Пензенский археологический сборник. Вып. 1 / ГУМНИЦ. – Пенза. 2007. – С. 18-26.

Ставицкий В.В. К вопросу о происхождении гаринско-борской культуры / В.В. Ставицкий // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Т. II. – Пенза. 2008а. – С. 49-58.

Ставицкий В.В. О некоторых дискуссионных проблемах изучения лесной полосы Среднего Поволжья в бронзовом веке / В.В. Ставицкий // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 2. Т. II. – Пенза. 2008б. – С. 58-65.

Ставицкий В.В. Проблема происхождения гаринской культуры / В.В. Ставицкий // ТАС. Вып. 8. Т. I / Изд-во «Триада». – Тверь. 2011. – С. 229-233.

Сунцова М.И. Количественный анализ керамики и каменного инвентаря поселения Юртик / М.И. Сунцова // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. – Ижевск. 1980. – С. 66-69.

Телегін Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді / Д.Я. Телегін. – Київ: «Наукова думка». 1973. – 165 с.

- Телегин Д.Я.* Опыт статистического определения индекса родственности неолитических комплексов по элементам орнамента / Д.Я. Телегин // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. - М. 1977. – С. 59-64.
- Телегин Д.Я.* К методике составления типологическо-статистической таблицы кремневых изделий мезо-неолитической эпохи / Д.Я. Телегин // Орудия каменного века / «Наукова Думка». – Киев, 1978. – С. 35-57
- Телегин Д.Я.* Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона: Археолого-антропологический анализ материалов и каталог памятников / Д.Я. Телегин, А.Л. Нечитайло, И.Д. Потехина, Ю.В. Панченко. - Луганск: Шлях. 2001. – 152 с.
- Тимофеев В.И.* Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии / В.И. Тимофеев, Г.И.Зайцева, П.М. Долуханов, А.М. Шукуров. - СПб.: Теза, 2004. - 157 с.
- Третьяков В.П.* К вопросу о каменных орудиях Волго-Окского междуречья / В.П. Третьяков // МИА. - 1965. - № 131. – С. 214-222.
- Третьяков В.П.* Старо-Мазиковская III стоянка и вопрос о происхождении волосовской культуры / В.П. Третьяков // СА. – 1969. - № 2. – С. 35-43
- Третьяков В.П.* Майданская стоянка волосовской культуры (по раскопкам 1966 г.) / В.П. Третьяков // СА. - 1970. - № 3. – С. 175-181.
- Третьяков В.П.* В защиту единства волосовских древностей (По поводу статьи А.Л. Никитина «Существовала ли «волосовская культура»?») / В.П. Третьяков // СА. - 1975. - № 4. – С. 14-22.
- Третьяков В.П.* Финал волосовских древностей на Оке и Волге / В.П. Третьяков // АЭМК. - 1978. - Вып. 3. – С. 116-128.
- Третьяков В.П.* Варианты волосовских древностей / В.П. Третьяков // СА. - 1979. - № 1. – С. 5-21.
- Третьяков В.П.* Об этническом принаделжности волосовских памятников / В.П. Третьяков // Вопросы археологии Урала. – Свердловск. 1981. - С. 61-65.

Третьяков В.П. Стоянка Подлесное V близ г. Пензы (по раскопкам 1980 года) / В.П. Третьяков // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / КГПИ. – Куйбышев. 1982. – С. 188-194.

Третьяков В.П. Финал волосовских древностей в междуречье Суры и Мокши / В.П. Третьяков // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. - Л.: Наука. 1983. - С. 114-119

Третьяков В.П. Неолитическая керамика и археологические культуры / В.П.Третьяков // СА. - 1984. - № 1. – С. 66-76.

Третьяков В.П. Волосовские древности в междуречье Суры и Мокши / В.П. Третьяков // СА. – 1990а. - № 4. – С. 16-29.

Третьяков В.П. Волосовские племена в Европейской части СССР в III-II тыс. до н.э. / В.П. Третьяков - Л. 1990б. – 211 с.

Третьяков В.П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы / В.П. Третьяков. – Л.: Наука. 1990в. – 198 с.

Турецкий М.А. Некоторые проблемы изучения ямной культуры Волго-Уральского региона / М.А. Турецкий // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области / Изд-во ОГПУ. – Оренбург. 2006. – С. 94-100.

Уткин А.В. К вопросу о культурной принадлежности погребений на стоянке Берендеево I / А.В. Уткин, Е.Л. Костылева // РА. - 1998.- № 2. – С. 160-164.

Уткин А.В. «Рождение» и «гибель» волосовской культуры // Археологические изучение Центральной России / А.В. Уткин, Е.Л. Костылева // Липецкий гос. пед. ун-т, Липецк, 2006. – С. 124-125.

Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии: Учеб. пособие для вузов по спец. «История» / Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Высшая школа. 1987. – 216 с.

Халиков А.Х. Неолитические памятники в Казанском Поволжье / А.Х. Халиков // МИА. – 1958. - № 61. – С. 11-44

Халиков А.Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы: Труды марийской

- археологической экспедиции / А.Х. Халиков. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во. 1960. – 188 с.
- Халиков А.Х. Среднее Поволжье в эпоху камня и бронзы автореф. дис. ... докт. ист. наук. / А.Х. Халиков. – Казань. 1966. – 39 с.
- Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья / А.Х. Халиков. – М.: Наука. 1969. – 395 с.
- Халиков А.Х. Энеолитическая эпоха в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла / КГПИ. – Куйбышев. 1982. – С. 24-28.
- Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. Опыт трансконтинентальной корреляции этапов развития растительности и климата / Н.А. Хотинский. – М.: Наука. 1977. – 199 с.
- Хреков А.А. Многослойная стоянка Шапкино VI / А.А. Хреков, А.И. Юдин // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. / Изд-во СНЦ РАН. – Самара. 2003. – С. 16-46.
- Цветкова И.К. Волосовские неолитические племена / И.К. Цветкова // Тр. ГИМ. - 1953. - Вып. 22. – С. 19-52.
- Цветкова И.К. Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залесского / И.К. Цветкова // Тр. ГИМ. - 1960. - Вып. 37. – С.48-55.
- Цветкова И.К. Волосовская стоянка / И.К. Цветкова // Тр. ГИМ. - 1988. - Вып. 68. – С. 86-100.
- Цветкова И.К. Керамика неолитической стоянки Владычинская-Береговая I / И.К. Цветкова, А.К. Кравцов // СА. – 1982. - №2. – С. 82-95
- Цетлин Ю.Б. Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур / Ю.Б. Цетлин. – Тула: Гриф и К. 2008. – 352 с.
- Черкасова Е.В. Петропавловская энеолитическая стоянка в Саратовском Заволжье / Е.В. Черкасова // Археология восточно-европейской степи. Вып. 3. / Изд-во Саратовского университета. – Саратов. 1992. – 18-22.

Черников И.Т. Металлические украшения с пуансонным орнаментом ямной и катакомбной культур / И.Т. Черников, В.И. Никитин // СА. – 1988. - № 4. – С. 26-36

Шадрин А.И. Позднеэнеолитическое поселение Мольбище III / А.И. Шадрин // АЭМК. - 1989. - Вып. 15. – С.67-78.

Шаландина В.Т. Растительный покров Марийского Заволжья в неолите - железном веке / В.Т. Шаландина, Д.Р. Шакирова // АЭМК. – 1995. – Вып. 24. – С. 168-176

Шалапинин А.А. О своеобразии волосовской керамики Гундоровского поселения/А.А. Шалапинин// Культурная специфика Волго-Сурского региона в эпоху первобытности / ЧГИГН. – Чебоксары, 2010. – С. 135-139

Шипилов А.В. Итоги исследования стоянки Золотая Падь II / А.В. Шипилов // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. - Йошкар-Ола, 2006. – С. 220-228

Юдин А.И. Новые энеолитические памятники на реке Большой Узень / А.И. Юдин // Древние культуры Северного Прикаспия / КГПИ – Куйбышев. 1986. – С. 36-55.

Юдин А.И. Энеолитическое поселение Пшеничное на р. Торгун / А.И. Юдин // Неолит и энеолит Северного Прикаспия / КГПИ. – Куйбышев. 1989. – С. 146-167.

Юдин А.И. Многослойное поселение Кумыска на р. Торгун / А.И. Юдин // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 г. Вып. 3. – Саратов. 1999. – С. 122-137.

Юдин А.И. Памятники алтаинского типа и проблемы взаимодействия населения лесостепи и степи / А.И. Юдин // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. / Изд-во «Научно-технический центр». – Самара. 2006. – С. 153-161

Юдин А.И. Алтатинская энеолитическая культура Нижнего Поволжья / А.И. Юдин // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928-2009). - М. 2010. – С. 363-380.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	- Археологические открытия
АЭМК	– Археология и этнография Марийского края
ВГУ	– Волгоградский государственный университет
ГИМ	– Государственный исторический музей
ИА РАН	– Институт археологии Российской Академии наук
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
ИЯЛИ АН РТ	– Институт истории, языка и культуры Академии наук Республики Татарстан
КГУ	– Куйбышевский государственный университет
К(С)ГПИ	– Куйбышевский (Самарский) государственный педагогический институт
КСИА	– Краткие сообщения Института Археологии
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет
МарНИИ	– Марийский научно-исследовательский институт
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
ОГПУ	– Оренбургский государственный педагогический университет
ПГПУ	– Пензенский государственный педагогический университет
ПГСГА	– Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
РА	– Российская археология
СА	– Советская археология

СНЦ РАН	– Самарский научный центр Российской Академии наук
СГПУ	– Самарский государственный педагогический университет
ТАС	– Тверской археологический сборник
УрО РАН	– Уральское отделение Российской Академии наук
ЧГИГН	– Чувашский государственный институт гуманитарных наук
ЧНИИЛЯИЭ	– Чувашский научно-исследовательский институт литературы, языка, истории и экономики

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ТАБЛИЦЫ

Таблица 1.

Соотношение элементов и форм сосудов на керамике «волосовского типа»
Гундоровского поселения.

		Гребенчатый штамп											Рамчатый штамп		Ямки			веревочка
		двузубый	Короткий прямой узкий	Короткий прямой средней ширины	Короткий изогнутый средней ширины	Средний прямой узкий	Средний прямой средней ширины	Средний прямой с часто поставленными зубцами	Средний прямой широкий	Средний изогнутый узкий	Средний изогнутый средней ширины	Длинный прямой узкий	Длинный прямой средней ширины	С овальными краями	С прямыми краями	Округлые	Подквадратные	
												•						
			•			••••		•		•					•			
						•	•											•
						•	••				•			•			•	
			•			•												•
												•		•				
						•							•		•			•
						•					•							
												•						
			•			•			•					•				
							•	•										
						•												

Таблица 1 (продолжение).

		Гребенчатый штамп												Рамчатый штамп		Ямки			Вереvoчка
		двузубый	Короткий прямой узкий	Короткий прямой средней ширины	Короткий изогнутый средней ширины	Средний прямой узкий	Средний прямой средней ширины	Средний прямой с часто поставленными зубцами	Средний прямой широкий	Средний изогнутый узкий	Средний изогнутый средней ширины	Длинный прямой узкий	Длинный прямой средней ширины	С овальными краями	С прямыми краями	Округлые	Подквадратные	Сдвоенные подтреугольные	
																	•		
		•	•			•													
						•	••••									•			
		•					•												
		•		•		•••	•••••	•					•			•			•
													•						
				•		•	•		•		•	•				•			
						••	•												
						•	••												
												•							•
						•				•						•			
			•		•	•	••												
						•										•			

Таблица 2.

Соотношение орнаментальных мотивов и форм сосудов на «керамике
«волосовского типа» Гундоровского поселения.

[illegible]

Таблица 2 (продолжение).

[illegible]

Таблица 3.

Индексы родственности сосудов Гундоровского поселения.

Сосуды I группы				
Сосуды II группы	72 55 63,5			
Сосуды III группы	44 48 46	61 37 49		
Сосуды V группы	50 70 60	44 51 47,5	33 51 42	
Воротничковая керамика	72 40 55	77 48 62,5	72 51 61,5	55 66 60,5

Таблица 4.

Индексы родственности керамики «лесного облика» Самарского Поволжья.

Гундоровка			
Большая Раковка II	71 52 47 56		
Чекалино IV	42 23 40 35	28 64 60 50	
Чесноковка II	28 23 32 27	57 70 57 61	85 58 80 74

Таблица 5.

Сочетание орнаментальных мотивов на венчиках Гундоровского поселения.

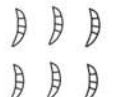
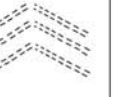
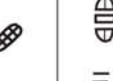
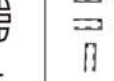
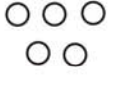
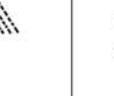
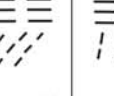
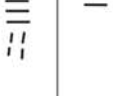
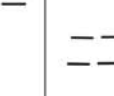
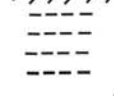
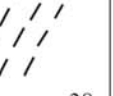
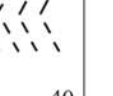
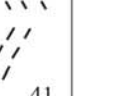
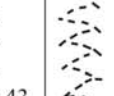
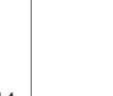
										
										
										
										

Таблица 6.

Форма и орнаментальные мотивы воротничковой керамики
Гундоровского поселения.

				
14 %	36 %	27 %	15 %	8 %

			
13 %	4 %	2 %	2 %
			
4 %	46 %	4 %	4 %
			Гребенчатый штамп орнамент стерт
2 %	11 %	4 %	4 %

Таблица 7.

Форма венчиков позднеэнеолитической керамики Сурско-Свияжского междуречья.

	загнутые внутри	прямые	Т- образные	слабо отогнутые наружу	средне отогнутые наружу	сильно отогнутые наружу и Г- образные
Русское Труево II				+	+	
Усть- Кадада		+		+		
Подлесное V		+		+	+	
Ерня		+		+		
Грабово I		+		+	+	
Утюжский бугор	+	+		+		
Черненькое Озеро III		+		+		+
Ховрино	+	+	+	+	+	+
Утюж I		+		+		
Утюж V (первая группа)		+				
Утюж V (вторая группа)		+		+	+	
Новая Деревня (первая группа)		+		+		
Новая Деревня (вторая группа)	+	+		+	+	
Елшанка XI	+	+		+		+

Таблица 8.

Элементы орнамента на керамике Сурско-Свияжского междуречья.

																		
Русское Труево II	+		+	+		+	+	+			+			+			+	
Усть-Кадада	+		+			+	+		+		+	+						
Подлесное V	+	+	+	+		+						+			+	+		
Ерия		+	+	+		+	+	+	+		+	+					+	+
Грабово I		+	+	+		+			+		+	+	+				+	
Утюжский Бугор		+	+			+	+			+				+				
Черненькое Озеро III	+					+						+						+
Ховрино	+	+		+		+	+			+		+	+	+		+	+	
Утюж I		+	+	+				+					+				+	
Утюж V (первая группа)	+	+		+	+													
Утюж V (вторая группа)		+	+			+	+	+		+				+			+	
Новая Деревня (первая группа)	+	+	+			+		+				+						+
Новая Деревня (вторая группа)	+						+											
Елшанка XI	+	+		+		+				+		+					+	

Таблица 9.

Мотивы орнамента на керамике Сурско-Свияжского междуречья.

																
Русское Труево II		+	+		+				+						+	
Усть-Кадада		+	+											+		+
Подлесное V		+						+				+				
Ерия	+	+			+											
Грабово I	+	+					+	+	+		+					
Утюжский Бугор	+															
Черненькое Озеро III									+							
Ховрино		+			+		+				+	+				+
Утюж I	+	+			+				+	+			+			
Утюж V (первая группа)	+	+							+							
Утюж V (вторая группа)	+	+							+							
Новая Деревня (первая группа)	+	+	+		+										+	
Новая Деревня (вторая группа)			+	+												
Елшанка XI	+	+	+			+							+			

Таблица 9 (продолжение).

																
Русское Труево II				+			+		+	+			+			
Усть-Кадада	+									+	+					
Подлесное V	+													+		
Ерня							+									+
Грабово I			+					+				+			+	
Утюжский Бугор							+	+		+						
Черненькое Озеро III									+		+					
Ховрино			+	+										+	+	+
Утюж I																
Утюж V (первая группа)		+			+	+										
Утюж V (вторая группа)							+	+		+						
Новая Деревня (первая группа)								+								
Новая Деревня (вторая группа)																+
Елшанка XI								+	+							

Таблица 9 (продолжение).

															
Русское Труево II		+			+				+	+			+		
Усть-Кадада		+									+			+	
Подлесное V											+				
Ерня		+		+	+						+		+	+	
Грабово I											+			+	
Утюжский Бугор		+						+							
Черненькое Озеро III															+
Ховрино			+				+	+	+						
Утюж I						+									
Утюж V (первая группа)															
Утюж V (вторая группа)	+	+				+	+			+		+			+
Новая Деревня (первая группа)						+					+				
Новая Деревня (вторая группа)															
Елшанка XI											+				+

Таблица 9 (продолжение).

																б/о
Русское Труево II									+							+
Усть-Кадада																
Подлесное V							+	+								+
Ерня									+						+	
Грабово I				+	+				+							+
Утюжский Бугор		+														+
Черненькое Озеро III														+		+
Ховрино	+		+		+	+	+		+	+	+					+
Утюж I					+				+	+						
Утюж V (первая группа)																
Утюж V (вторая группа)		+	+							+		+				+
Новая Деревня (первая группа)													+		+	+
Новая Деревня (вторая группа)																+
Елшанка XI									+			+				+

Таблица 10.

Расчет индекса родственности для позднеэнеолитической керамики Сурско-Свияжского междуречья.

Русское Труево II													
Усть-Кадада	66 66 69 67												
Подлесное V	83 50 58 63	83 61 63 69			ИР, рассчитанный по формам венчиков ИР, рассчитанный по элементам орнамента ИР, рассчитанный по мотивам орнамента ИР, рассчитанный по пучку признаков								
Ерня	66 66 66 66	100 66 76 80	83 50 71 68										
Грабово I	66 55 57 59	83 66 68 72	100 44 73 72	83 77 69 76									
Утюжский Бугор	50 44 69 54	83 61 77 73	66 55 76 65	83 50 76 69	66 50 68 61								
Черненькое Озеро III	33 50 73 52	83 72 77 77	66 66 79 70	83 50 71 68	66 50 65 60	66 55 80 67							
Ховрино	33 55 52 46	33 44 52 43	50 61 61 57	33 44 53 43	50 55 61 55	50 55 61 55	50 50 55 51						
Утюж I	66 61 69 65	100 38 71 69	83 55 73 70	100 61 74 78	83 72 74 76	83 55 74 70	83 44 77 68	33 50 60 47					
Утюж V (1 группа)	33 44 76 51	83 50 80 71	66 66 79 70	83 38 76 65	66 50 74 63	66 55 80 67	66 66 84 72	16 50 57 41	83 61 84 77				
Утюж V (2 группа)	83 61 63 69	83 50 65 66	100 44 65 69	83 61 61 68	100 50 61 70	66 88 80 78	66 44 71 60	50 61 49 53	83 66 71 73	50 44 66 53			
Новая Деревня (1 группа)	66 55 68 63	100 66 76 80	83 72 76 77	100 66 73 79	83 55 73 70	83 61 79 74	83 77 77 79	33 44 53 43	100 61 76 79	83 55 79 72	83 61 69 71		

Таблица 10. (продолжение).

Новая Деревня (2 группа)	66	66	83	66	83	83	50	66	66	50	83	66	
	55	72	55	38	38	66	77	50	55	77	50	61	
	76	80	82	69	71	84	87	61	77	84	65	82	
	65	72	73	57	64	77	71	59	66	70	66	69	
Елшанка XI	33	66	50	66	50	83	83	66	66	50	50	66	66
	55	55	72	55	66	61	72	77	77	72	55	61	61
	66	73	74	71	73	77	79	79	79	77	71	80	80
	51	64	65	64	63	73	78	74	59	66	58	69	69

Таблица 11.

Каменные орудия позднэнеолитических памятников Сурско-Свияжского междуречья.

виды и типы орудий	памятники				
	Русское Труево II	Утюж I (жилище)	Утюж V	Ховрино	Новая Деревня (жилище)
I. Наконечники					
на пластинах					
треугольно-черешковые со средним пером	1	-	-	-	-
на отщепах					
листовидные					
короткие	7	-	-	1	3
средние	4	-	-	2	2
длинные	3	-	-	5	-
с выемчатым основанием	1	-	-	-	-
ромбические					
короткие	3	-	-	10	1
средние	-	-	-	-	1
треугольно-черешковые					
с коротким пером	5	1	4	7	-
с средним пером	9	1	4	2	3
с длинным пером	2	1	1	2	-
ассиметричные	4	-	1	2	1
с выемчатым основанием	-	-	-	4	-
II. Кинжалы					
листовидные	-	-	1	1	-
треугольно-черешковые	-	-	-	1	-
III. Скребки					
прямоугольные	6	-	-	4	-
прямоугольные с ретушью по боковым краям	8	3	1	2	1
трапециевидные	9	-	1	-	-
трапециевидные с ретушью по боковым краям	2	-	-	7	-
со скошенным краем	9	-	2	4	-
округлые	12	-	2	11	-
стрельчатые	1	-	-	-	-
скребки-штампы	-	-	1	-	-

Таблица 11 (продолжение).

IV. Ножи					
с клиновидным лезвием	3	2	-	4	1
однолезвийные	17	2	1	4	-
однолезвийные с округлым окончанием лезвия	2	-	-	-	-
однолезвийные со скошенным краем	3	-	-	4	-
двулезвийные	3	-	-	2	1
двулезвийные со скошенным краем	6	-	-	1	-
многолезвийные овальной формы	2	-	-	2	-
V. Перфораторы					
проколки с выраженным «жальцем»	1	-	-	4	-
сверло с выраженным «жальцем»	-	-	1	1	2
сверло с треугольным «жальцем»	-	-	-	1	1
VI. Скобели	1	-	-	1	-
VII. Фигурный кремьнь.	-	-	1	-	-
VIII. Рубящие орудия.					
трапецевидные изготовленные с помощью обивки	1	-	-	1	-
трапецевидные изготовленные с помощью обивки и шлифовки	-	-	1	1	-
прямоугольные изготовленные с помощью обивки и шлифовки	-	-	-	1	1

Таблица 12.

Мотивы орнамента на волосовской керамике Марийского Поволжья.

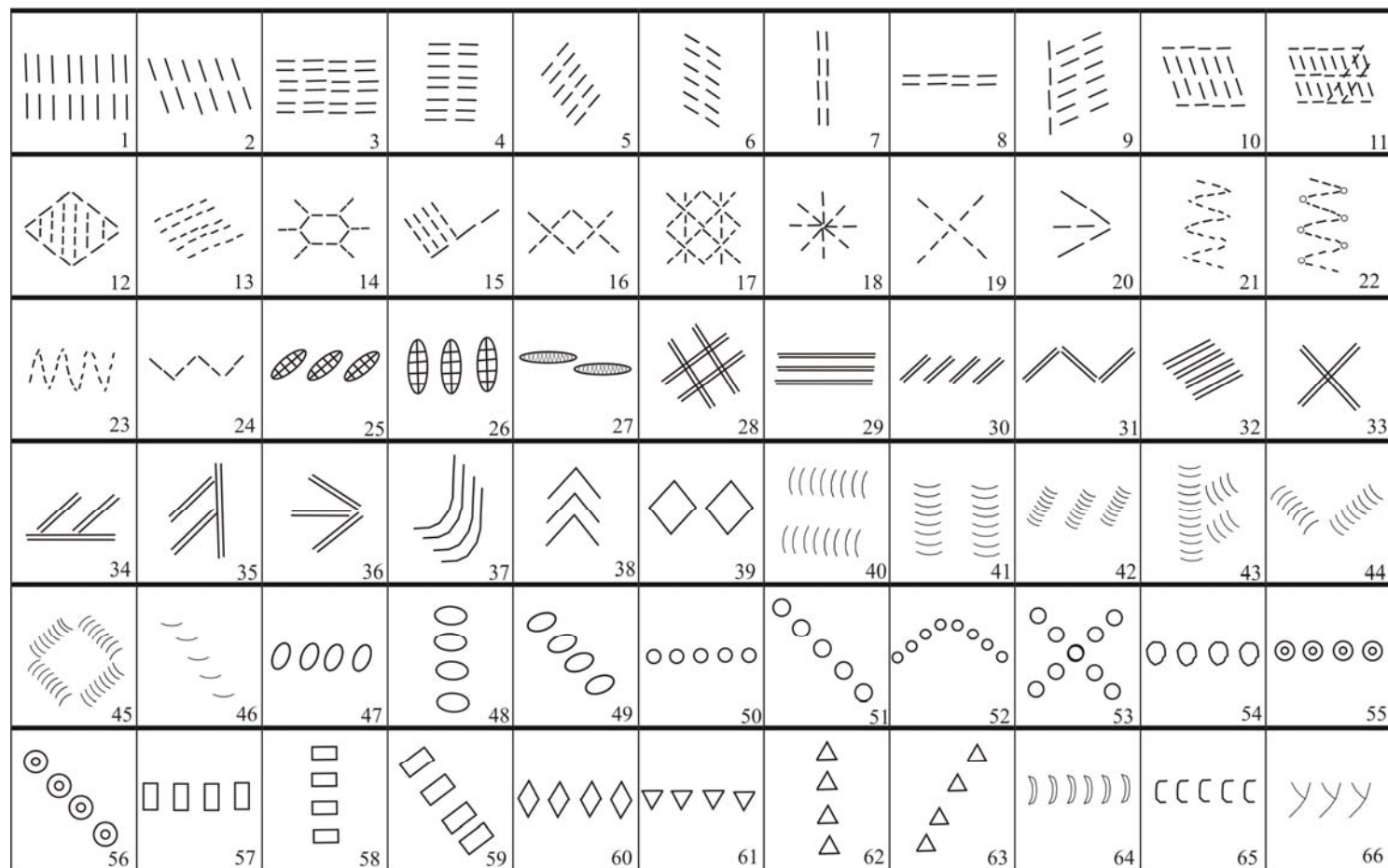

Таблица 13.

Расчет индекса родственности для волосовских памятников Марийского Поволжья.

Мазарское I													
Баркужерское III	66 50 80 66 65		ИР, рассчитанный по формам венчиков ИР, рассчитанный по формам днищ ИР, рассчитанный по элементам орнамента ИР, рассчитанный по мотивам орнамента ИР, рассчитанный по пучку признаков										
Майданское IV	33 0 66 59 39	50 50 73 56 57											
Руткинское	66 50 40 59 53	100 100 46 49 73	50 50 60 65 56										
Выжумское II	50 100 46 59 63	50 50 53 49 50	0 0 66 80 36	50 50 60 64 56									
Уржумкинское	66 50 66 65 60	100 100 73 49 80	50 50 86 58 61	100 100 73 61 83	50 50 80 67 61								
Ахмыловское II	66 50 66 56 59	100 100 73 55 82	50 50 86 59 61	100 100 73 64 84	50 50 66 61 56	100 100 93 67 90							
Майданская	66 0 73 67 51	66 50 80 65 65	83 100 93 67 85	66 50 53 61 57	16 0 80 64 40	66 50 93 53 65	66 50 80 61 64						
Майданское III	83 0 60 56 49	50 50 66 47 53	66 100 73 74 73	50 50 73 67 60	33 0 60 71 41	50 50 86 70 64	50 50 80 62 60	83 100 73 61 79					

Таблица 13 (продолжение).

Маркитан II (Марьер)	83	50	66	50	33	50	50	83	100				
	50	100	50	100	50	100	100	50	50				
	73	66	80	53	73	86	80	73	73				
	62	56	77	65	83	71	62	61	76				
	67	68	68	67	59	76	57	66	74				
Мольбище III	83	83	33	83	66	83	83	50	66	66			
	100	50	0	50	100	50	50	0	0	50			
	40	46	73	60	66	66	60	60	66	66			
	62	50	83	67	91	65	61	64	71	86			
	71	57	43	65	80	66	63	43	50	65			
Отарское XVIII	50	50	66	50	33	50	50	50	66	66	66		
	50	100	50	100	50	100	100	50	50	100	50		
	66	73	100	60	80	93	86	93	80	80	73		
	59	56	82	64	65	65	61	56	70	89	85		
	56	69	74	68	62	77	74	62	66	83	68		
Сутырское V (2 группа)	83	83	33	83	66	83	83	50	66	66	100	66	
	100	50	0	50	100	50	50	0	0	50	100	50	
	40	46	60	46	80	66	53	46	60	50	60	53	
	55	41	74	58	91	59	61	64	67	83	88	77	
	69	55	41	59	84	64	61	40	48	64	87	61	
Удельно- Шумецкое VI	66	66	83	66	16	66	66	100	83	83	50	50	50
	0	50	100	50	0	50	50	100	100	50	0	50	0
	46	53	80	66	66	73	66	73	73	60	66	80	93
	62	49	80	70	85	64	56	63	73	80	82	80	86
	43	54	85	63	41	63	59	86	83	68	49	65	57

Таблица 14.

Список радиоуглеродных дат.

Радиоуглеродные даты памятников красномостовского типа.

	Памятник	материал	Лабораторный номер	Дата ВР	Примечания
1	Дубовское III	керамика	Ki – 16168	5295 ± 80	(Королев, Шалапинин 2010)
2	Дубовское VIII	керамика	Ki – 15728	5270 ± 80	
3	Дубовское VIII	уголь	Kи-3151	4360 ± 50	(Никитин 1991)
4	Красный мост II	керамика	Ki – 16172	5260 ± 90	(Королев, Шалапинин 2010)

Радиоуглеродные даты памятников с воротничковой керамикой..

1	Лебяжинка III	керамика	Ki-15581	5860±90	(Моргунова, Выборнов, Ковалюх, Скрипкин 2010)
2	Лебяжинка III	керамика	Ki-15579	5870±80	
3	Лебяжинка III	керамика	Ki-15580	6035±80	
4	Лебяжинка III	керамика	Ki-15577	5930±80	
5	Лебяжинка III	керамика	Ki-15582	6055±80	
6	Лебяжинка III	керамика	Ki-15578	6140±80	
7	Лебяжинка III	уголь	ГИН-7248	6660±50	
8	Лебяжинка III	раковина	ГИН-7087	5960±80	
9	Ивановская	кость животных	Ki-15086	5440±80	
10	Ивановская	керамика	Ki-14513	6100±90	
11	Ивановская	кость животных	ЛЕ-8413	5870±130	
12	Кузьминковская	керамика	Ki-15066	5630±70	
13	Турганинская	керамика	Ki-15067	5660±70	
14	Турганинская	керамика	Ki-14516	5790±90	
15	Гундоровское	керамика	Ki-14523	5840±80	
16	Лебяжинка I	керамика	Ki-14822	6240±90	
17	Лебяжинка IV	керамика	Ki-15426	6100±90	

Радиоуглеродные даты волосовских памятников Марийского Поволжья.

1	Отарское XVIII	керамика	Ki – 15729	5130 ± 80	(Королев, Шалапинин 2010)
2		керамика	Ki – 15730	4950 ± 80	
3	Парат XII	керамика	Ki – 16294	5080 ± 70	
4		керамика	Ki – 16295	4970 ± 80	
5	Парат XII	керамика	Ki – 16296	4930 ± 70	
6		керамика	Ki – 16297	4820 ± 70	
7	Сутырское V (ранний комплекс)	керамика	Ki – 16298	4900 ± 80	
8		керамика	Ki – 16299	4880 ± 80	
9	Майданская	керамика	Ki – 16215	4825 ± 80	
10	Удельно-Шумецкое VI	керамика	Ki – 15731	4720 ± 80	
11	Сутырское V (поздний комплекс)	керамика	Ki – 16300	4610 ± 70	
12		керамика	Ki – 16301	4500 ± 70	

Таблица 14 (продолжение).

13	Сутырское V (поздний комплекс)	керамика	Ki – 16302	4690 ± 80	
14		керамика	Ki – 16303	4600 ± 70	
15	Сутырское V (поздний комплекс)	керамика	Ki – 16304	4710 ± 80	
16		керамика	Ki – 16305	4650 ± 80	
17	Удельно- Шумецкое VII (финально- лосовский – раннечирков-ский комплекс)	уголь	Ki -3149	3710 ± 30	(Никитин 1991)

Радиоуглеродные даты позднеэнеолитических памятников Самарского Поволжья.

1	Чекалино IV	керамика	Ki-15775	6620 ± 80	керамика «лесного облика»
2	Чекалино IV	керамика	Ki-14571	5840 ± 80	
3		керамика	Ki-15774	5470 ± 140	
4	Чекалино IV	керамика	Ki-14574	5240 ± 80	
5	Чекалино IV	керамика	Ki-16439	5065 ± 70	
6	Чекалино IV	керамика	Ki-16440	5050 ± 80	
7	Чекалино IV	керамика	Ki-14573	5320 ± 80	керамика «с внутренним ребром»
8	Чекалино IV	керамика	Ki-14572	5270 ± 80	
9	Гундоровка	керамика	Ki-16279	5380 ± 70	
10	Гундоровка	керамика	Ki-16280	5290 ± 70	
11	Гундоровка	керамика	Ki-16278	5270 ± 80	
12	Лебяжинка IV	керамика	Ki-15583	5420 ± 70	(Моргунова, Выборнов, Ковалюх, Скрипкин 2010)

Радиоуглеродные даты позднеэнеолитических памятников лесостепного Приуралья.

1	Турганинская	керамика	Ki-14571	5830 ± 70	токский тип (Моргунова, Выборнов, Ковалюх, Скрипкин 2010)
2	Ивановская	керамика	Ki-15070	5070 ± 80	
3	Ивановская	керамика	Ki-15089	4940 ± 80	
4	Ивановская	керамика	Ki-15068	4930 ± 80	
5	Ивановская	керамика	Ki-14515	5920 ± 80	турганинский тип (Моргунова, Выборнов, Ковалюх, Скрипкин 2010)
6	Ивановская	керамика	Ki-15069	4860 ± 80	
7	Ивановская	керамика	Ki-15088	4790 ± 80	
8	Средняя Ока	керамика	Ki-16031	5050 ± 80	

Радиоуглеродные даты памятников алтатинского типа степного Поволжья.

1	Ветелки	раковина	ГИН-6554	5790 ± 80	(Юдин 2006)
2	Пшеничное	керамика	Ki-16532	5240 ± 80	
3	Алтата	керамика	Ki-16493	5120 ± 70	(Моргунова, 2011)

Таблица 14 (продолжение).

Радиоуглеродные даты позднеэнеолитических памятников Посурья.

1	Стемасы	керамика	Ki-15197	4730 ± 90	
2		керамика	Ki-15626	4620 ± 80	
3	Утюж V	керамика	Ki-16423	3930 ± 90	
4		керамика	Ki-16403	3310 ± 80	
5	Утюж V	фракция почвы из-под энеолитического сосуда	Ki-16402	3840 ± 100	
6	Русское Труево II	керамика	Ki-15084	4680 ± 70	
7	Русское Труево II	кость	Ki-15732	4790 ± 70	

Радиоуглеродные даты гаринско-борской культуры Прикамья.

1	Боровое Озеро II	керамика	Ki-15079	4420 ± 70	(Мельничук 2010)
2	Боровое Озеро III	керамика	Ki-15080	4360 ± 70	
3	Боровое Озеро IV	керамика	Ki-15081	4120 ± 80	
4	Бор III	керамика	Ki-15082	3920 ± 80	
5	Непряха IV	уголь	ЛЕ-1877	4420 ± 50	(Наговицин 1987)

Радиоуглеродные даты ямной культуры Волго-Уралья.

1	Скатовка КМ 5/3 с.2	керамика	Ki-16478	4890±70	(Моргунова, Зайцева, Ковалюх, Скрипкин 2011)
2	Скатовка КМ 5/3 с.3	керамика	Ki-16488	5080±80	
3	Скатовка КМ 5/3 с. 1	керамика	Ki-16274	4100±90	
4	Скворцовка КМ 5/2	керамика	Ki-16268	5140±70	
5	Шумейка комплекс А	керамика	Ki-16276	5290±100	
6	Шумейка комплекс Б	керамика	Ki-16277	5420±100	
7	Петровка КМ 1/1	керамика	Ki-14521	4730±90	
8	Тамар-Уткуль VII 8/4	дерево	Ki-14520	4790±80	
9	Скворцовка КМ 9/1	кость	ЛЕ-8579	4440±140	
10	Болдырево I 1/1 (покрывало)	растительный тлен	Ki-14518	4080±70	
11	Болдырево I 1/1 (крылья на покрывале)	растительный тлен	Ki-14519	4340±80	
12	Скворцовка КМ 5/3 (верхний скелет)	кость	ЛЕ-7684	3700±90	
13	Скворцовка КМ 5/3 (верхний скелет)	кость	Ki-16261	3400±40	
14	Скворцовка КМ 5/3 (верхний скелет)	кость	ИГАН-3446	4210±70	
15	Скворцовка КМ к. 6	погребенная почва	Ki-15563	4230±100	
16	Скворцовка КМ 6/1	кость	ЛЕ-8583	4100±110	
17	Скворцовка КМ 6/1	керамика	Ki-16260	4090±90	
18	Скворцовка КМ 6/3	кость	ЛЕ-8582	3950±400	
19	Скворцовка КМ 7/1	кость	ЛЕ-8580	4230±150	
20	Скворцовка КМ 8/1	кость	ЛЕ-8579	4180±140	

Таблица 15.

Радиоуглеродные даты для позднего энеолита Среднего Поволжья.

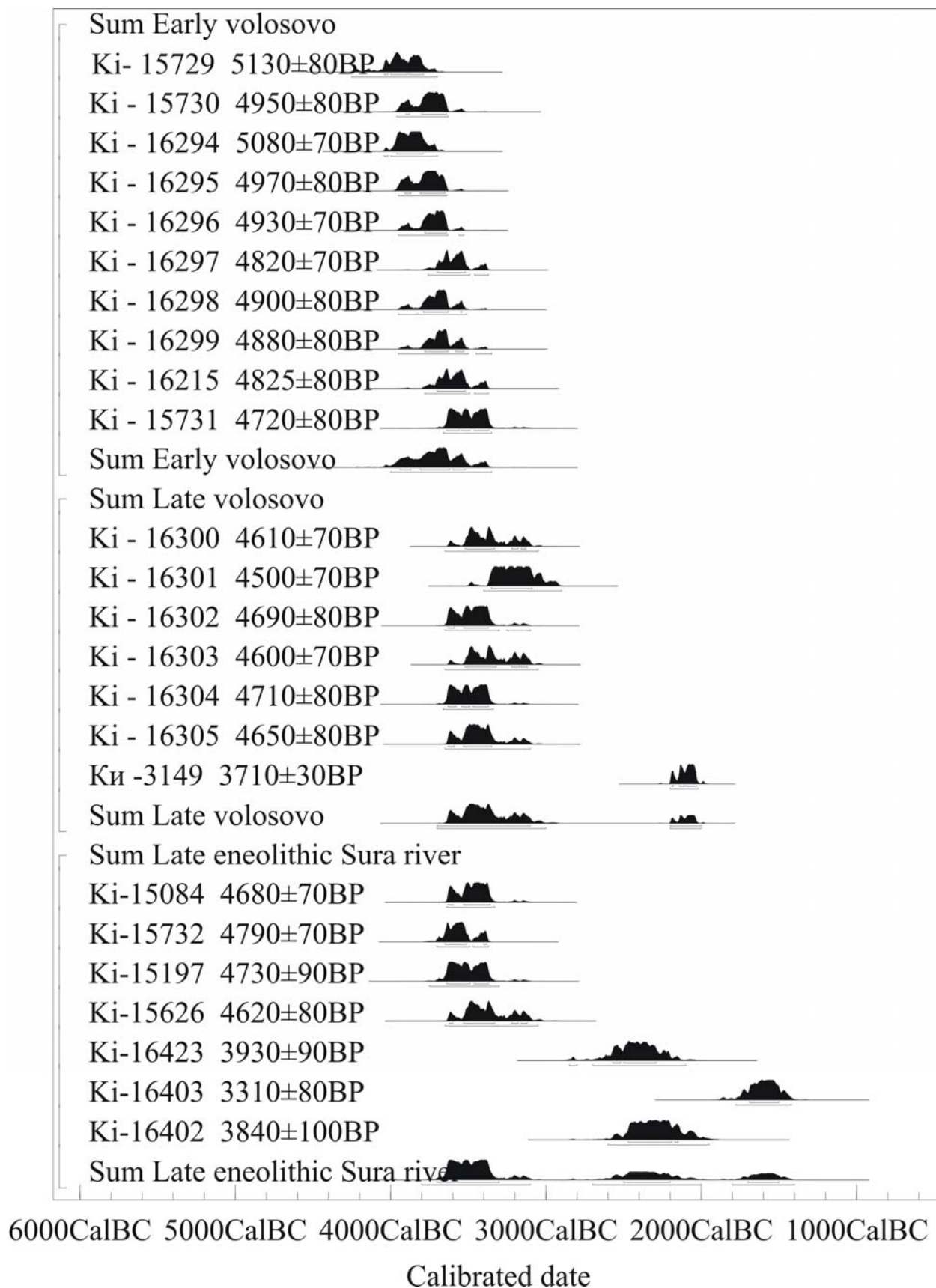
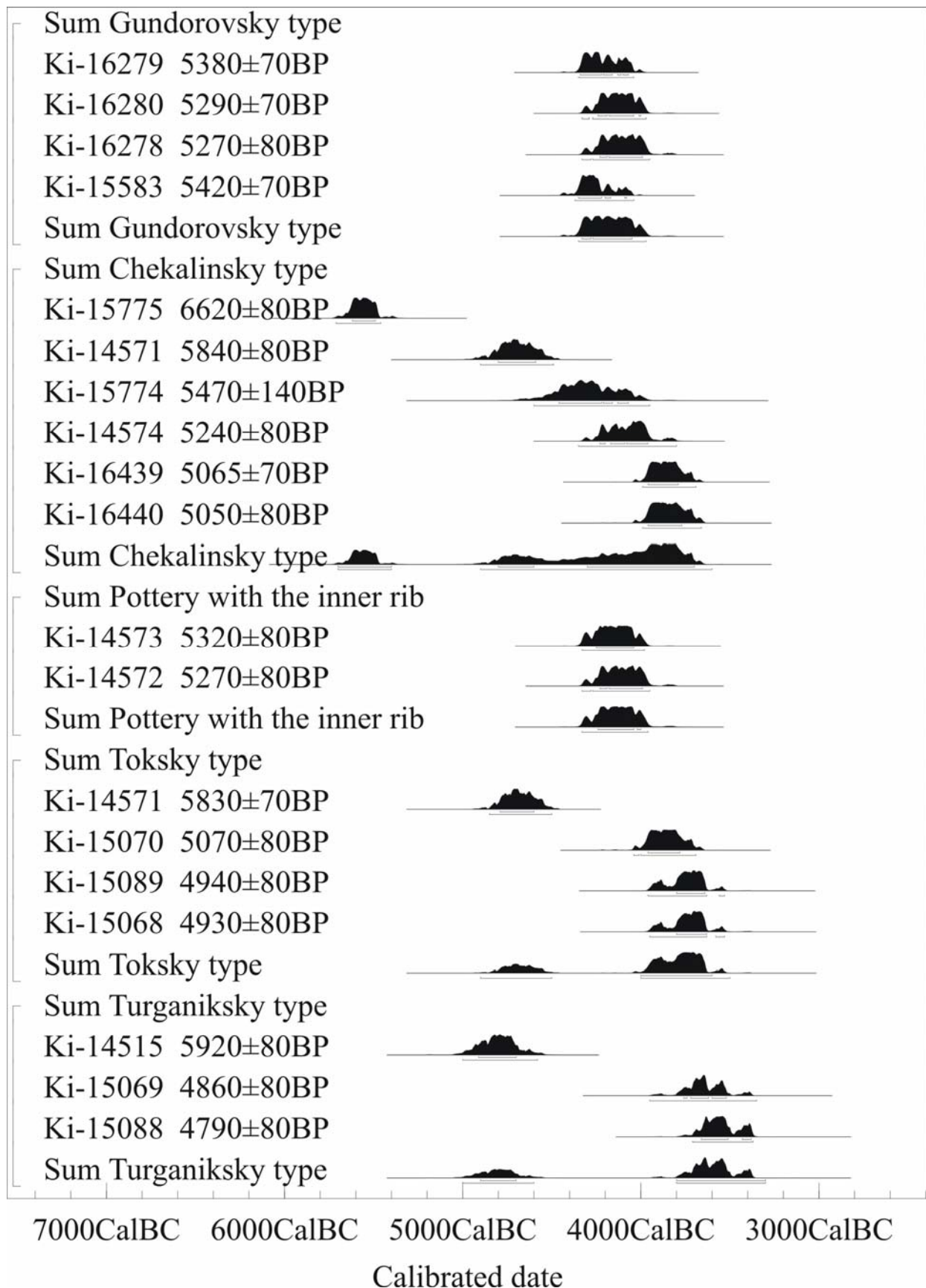

Таблица 15 (продолжение).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. РИСУНКИ

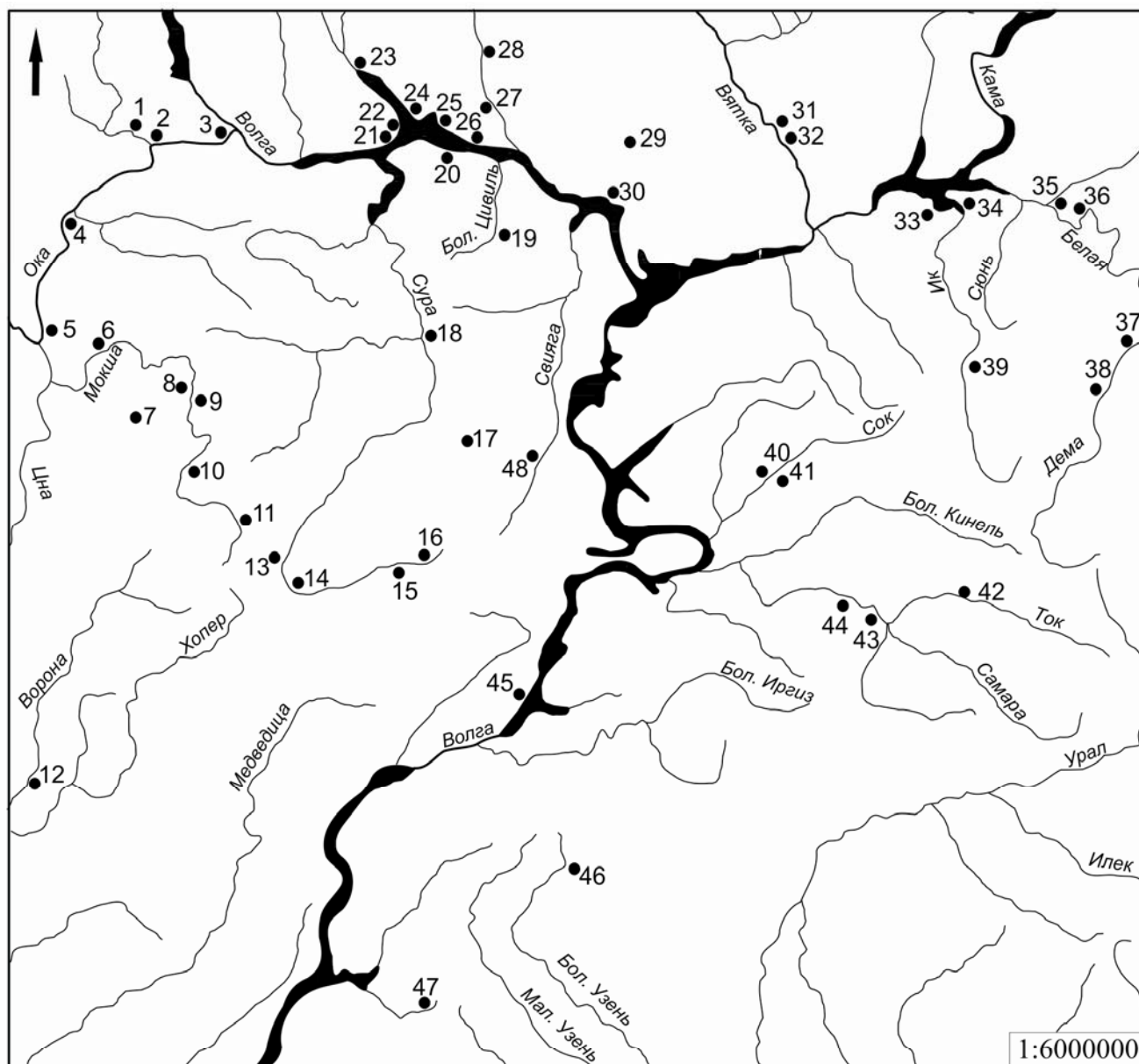

Рис. 1. Позднеэнеолитические памятники Среднего Поволжья и сопредельных территорий.

1. Холомониха. 2. Володары. 3. Гавриловка. 4. Волосово 5. Лебяжий Бор VI. 6. Широмасово II.
7. Имерка Ia, Ib, II, III, V, VIII. 8. Новый Усад IV. 9. Волгапино. 10. Озименки I, II. 11. Скачки I.
12. Шапкино VI. 13. Грабово I. 14. Ерна, Подлесное V. 15. Усть-Кадада. 16. Русское Труево II.
17. Ховрино. 18. Утюж I, V, Черненькое Озеро III. 19. Новая Деревня. 20. Токаревская.
21. Кривое Озеро, Сутырское II, V, Юринская, Удельно-Шумецкая III, VI. 22. Майданская, Майданское II, III, IV, VI. 23. Выжумская II. 24. Ахмыловское II, Руткинское I. 25. Отарское XVIII, Паратское XVIII. 26. Уржумкинское. 27. Маркитанское I (Шордоер), II (Марьер). 28. Мазарское I.
29. Барскужерское II, III. 30. Обсерватория III, Сумская I. 31. Усть-Лудяна II, Юртик. 32. Аркуль III.
33. Дубовогривская. 34. Русско-Азибейская I, III, Игимская. 35. Сауз I-IV. 36. Бачки-Тау II.
37. Кара-Якупово. 38. Давлеканово. 39. Муллино. 40. Гундоровка, Чесноковка II. 41. Чекалино IV, Лебяжинка IV, Большая Раковка II. 42. Ивановская, Турганинская. 43. Старо-Елшанская II.
44. Вилотовская. 45. Алексеевская. 46. Алтата. 47. Пшеничное. 48. Елшанка XI

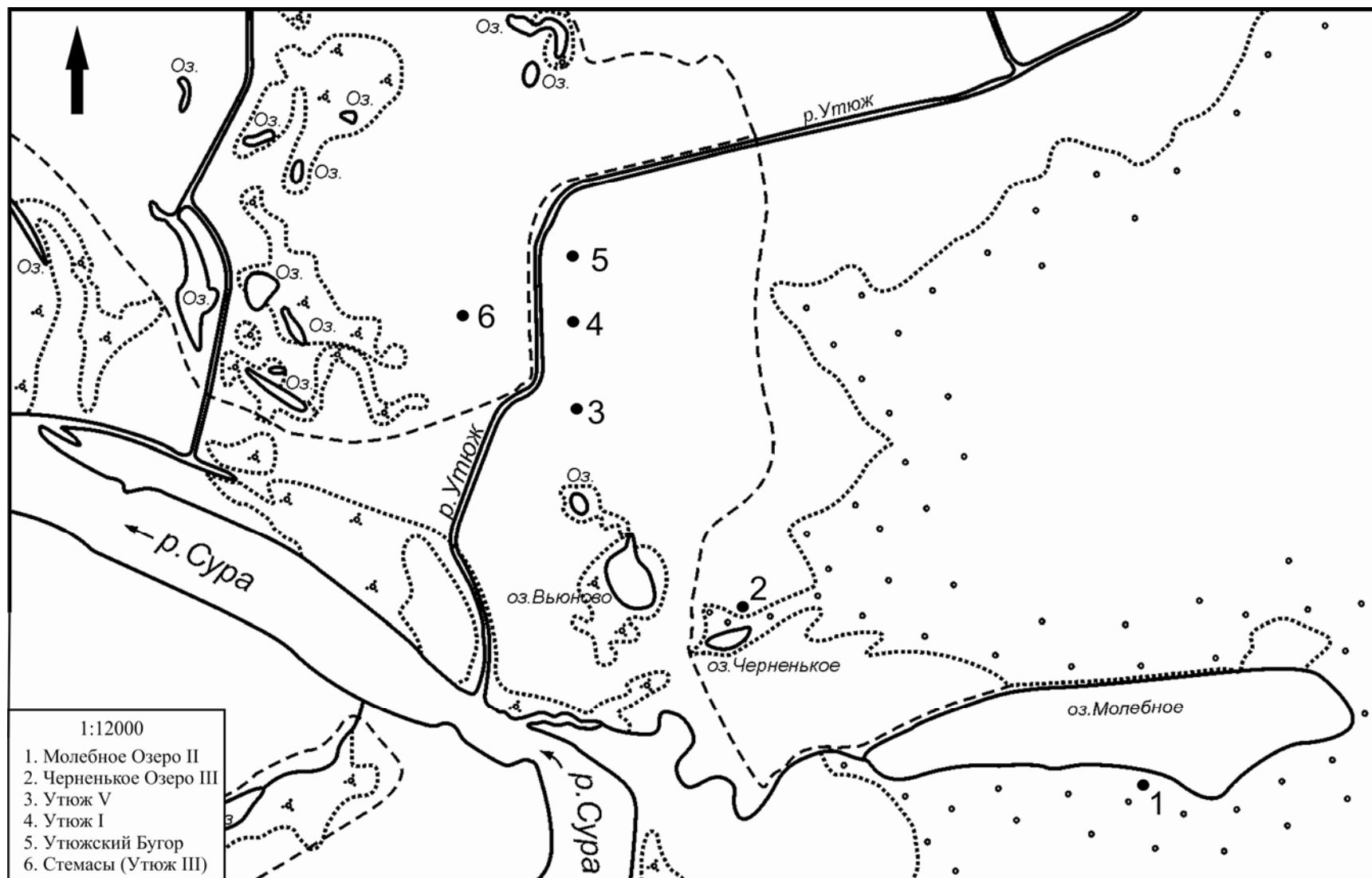

Рис. 2. Карта позднеэнеолитических памятников Алатырского археологического микрорайона.

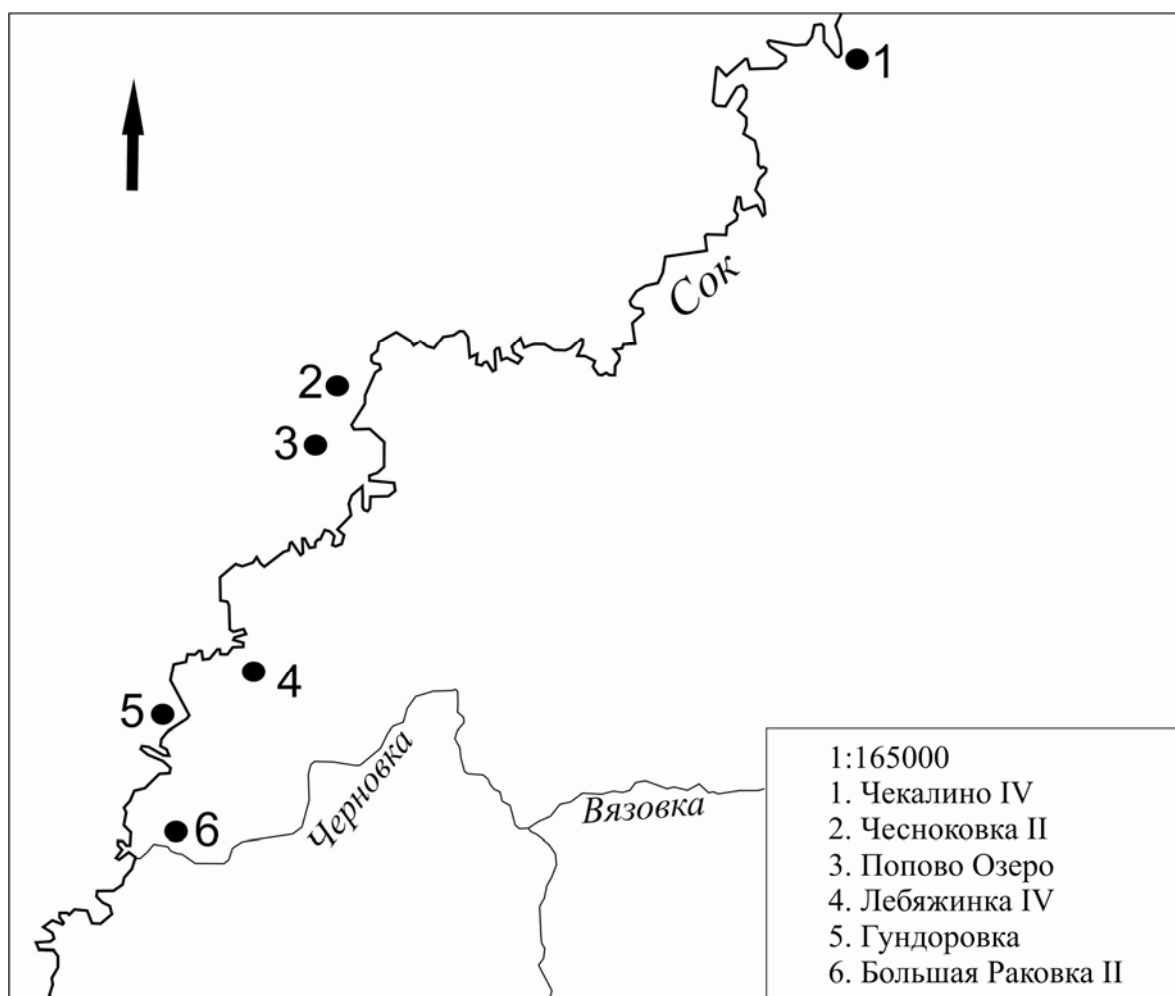

Рис. 3. Карта позднеэнеолитических памятников бассейна р. Сок.

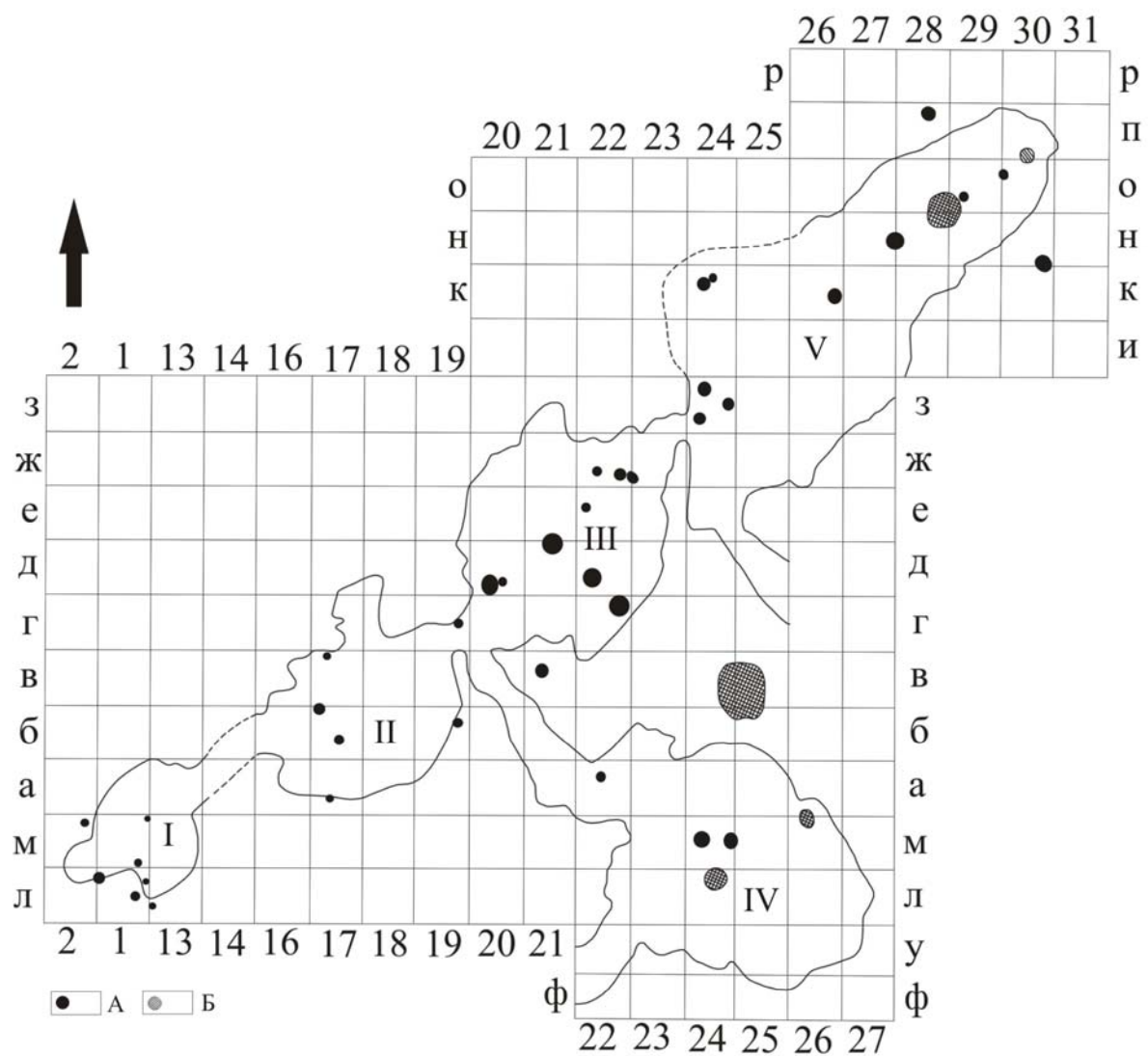

Рис. 4. План жилищ Гундоровского поселения.
А – столбовая яма, Б – очаг с прокалом.

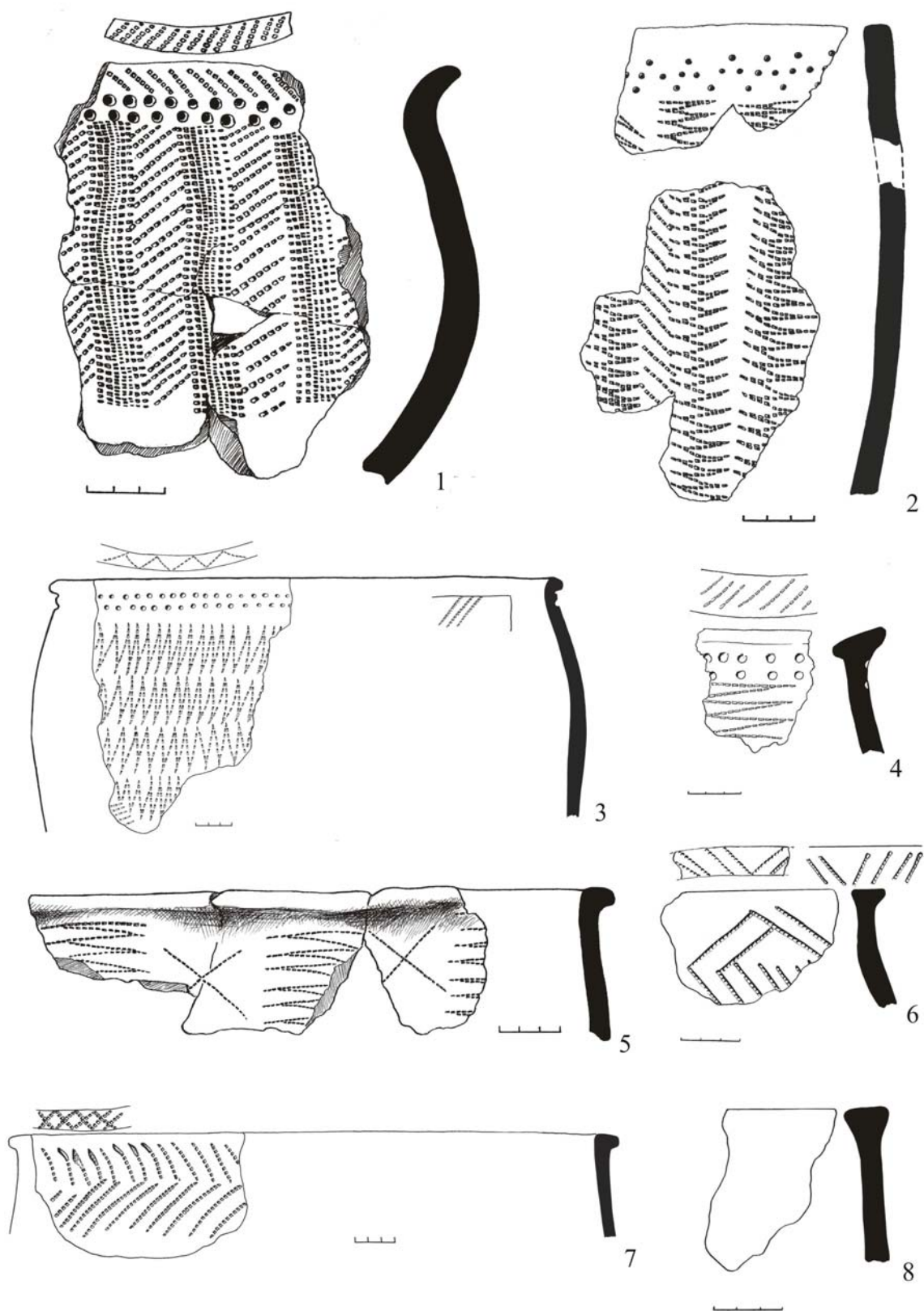

Рис. 5. Позднеэнеолитическая керамика Гундоровского поселения [Васильев, 1990; 2000в; Овчинникова, 1991; 1999; 2000].

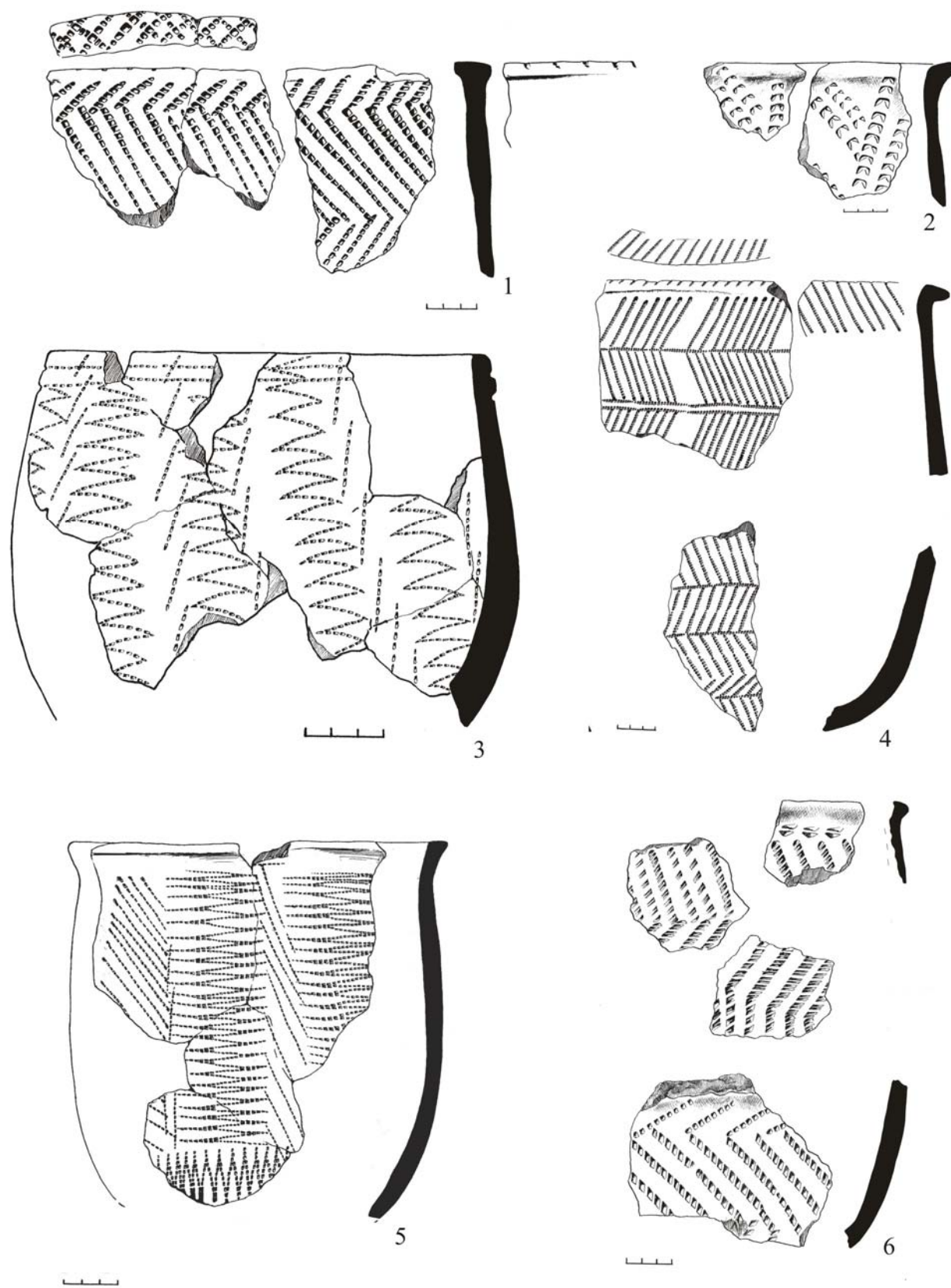

Рис. 6. Позднееолитическая керамика Гундоровского поселения [Васильев, 2000в].

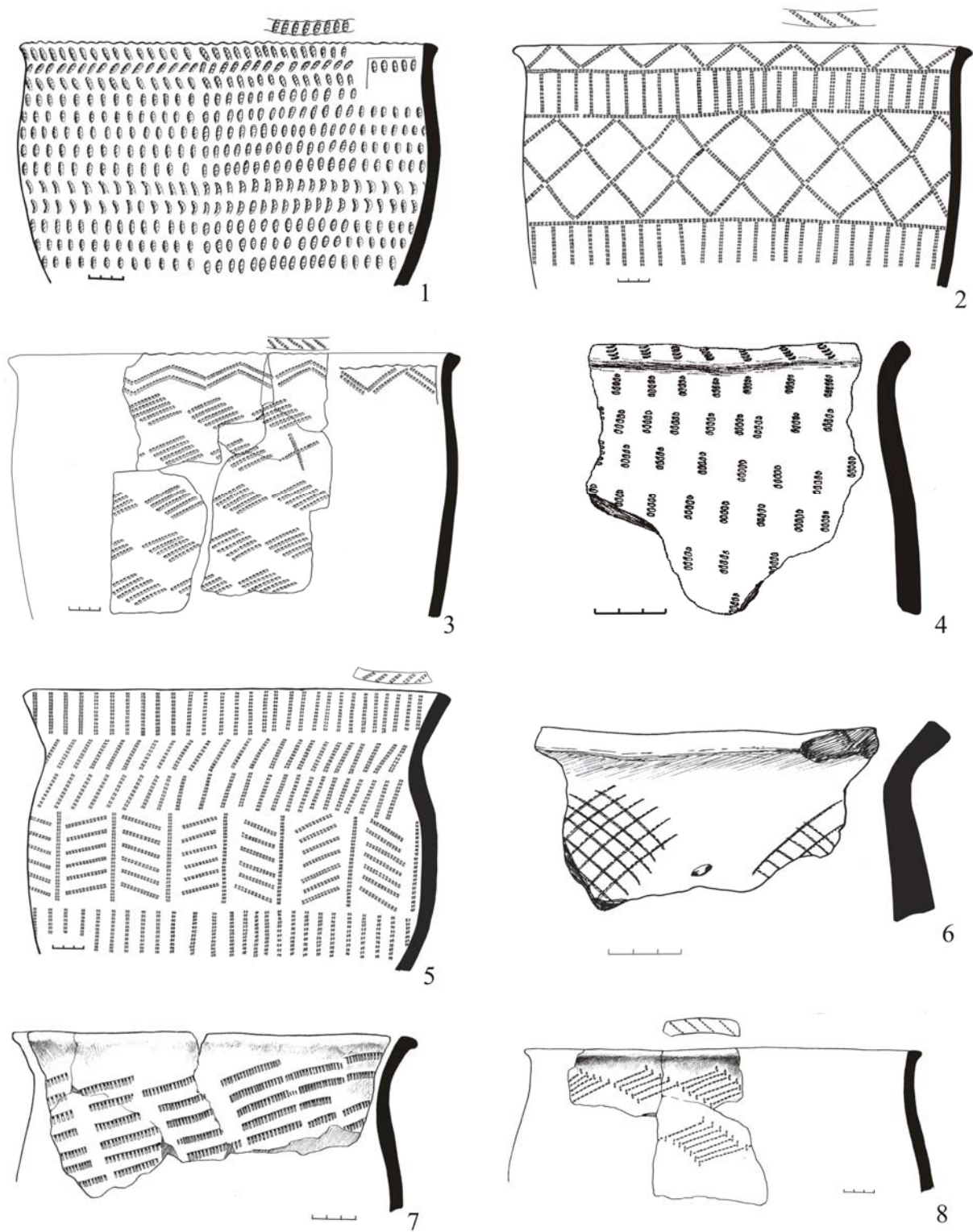

Рис. 7. Позднеэнеолитическая керамика Гундоровского поселения [Васильев, 2000в].

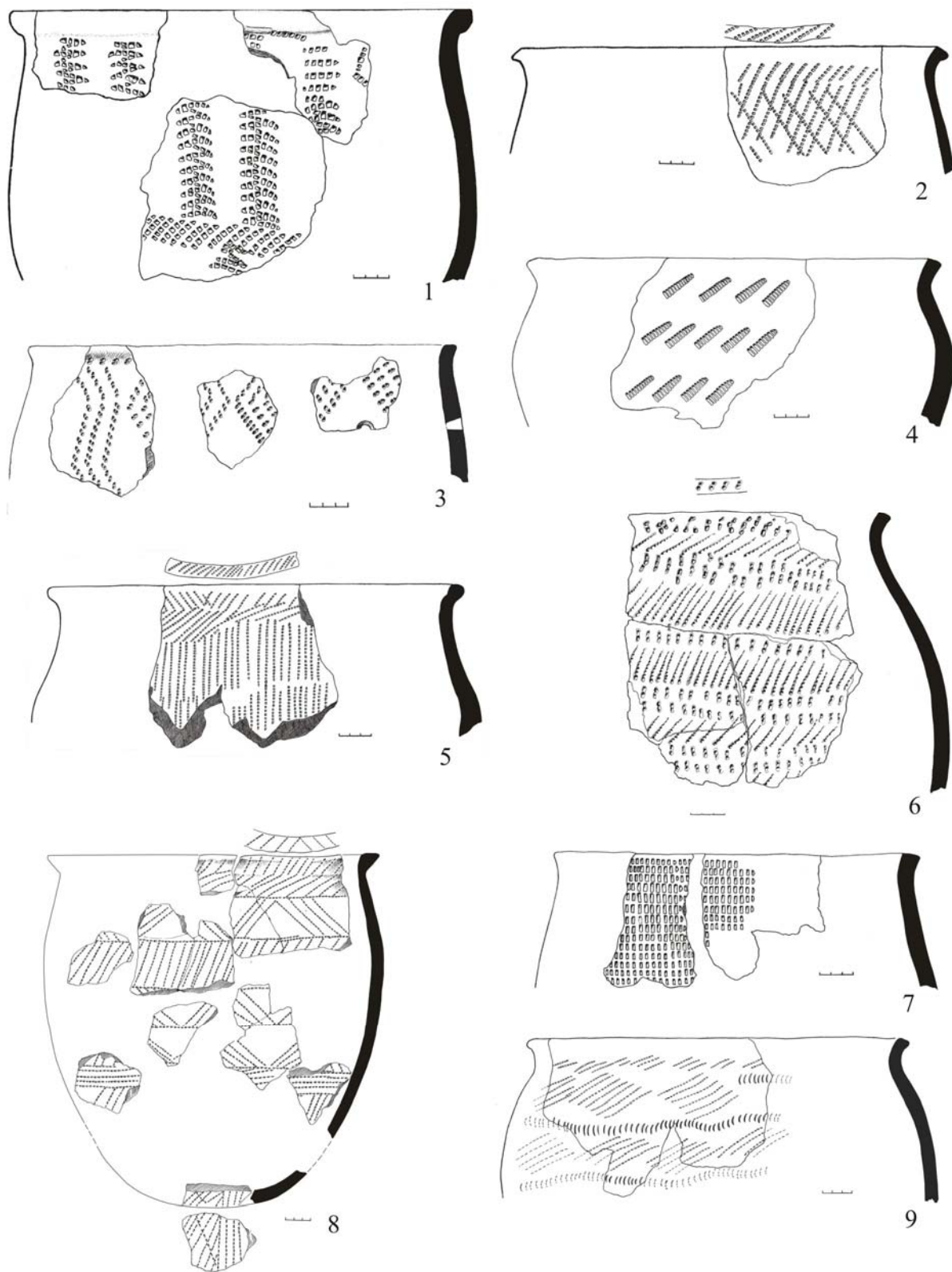

Рис. 8. Позднеэнеолитическая керамика Гундоровского поселения [Васильев, 2000в].

Рис. 9. Венчики керамики Гундоровского поселения.

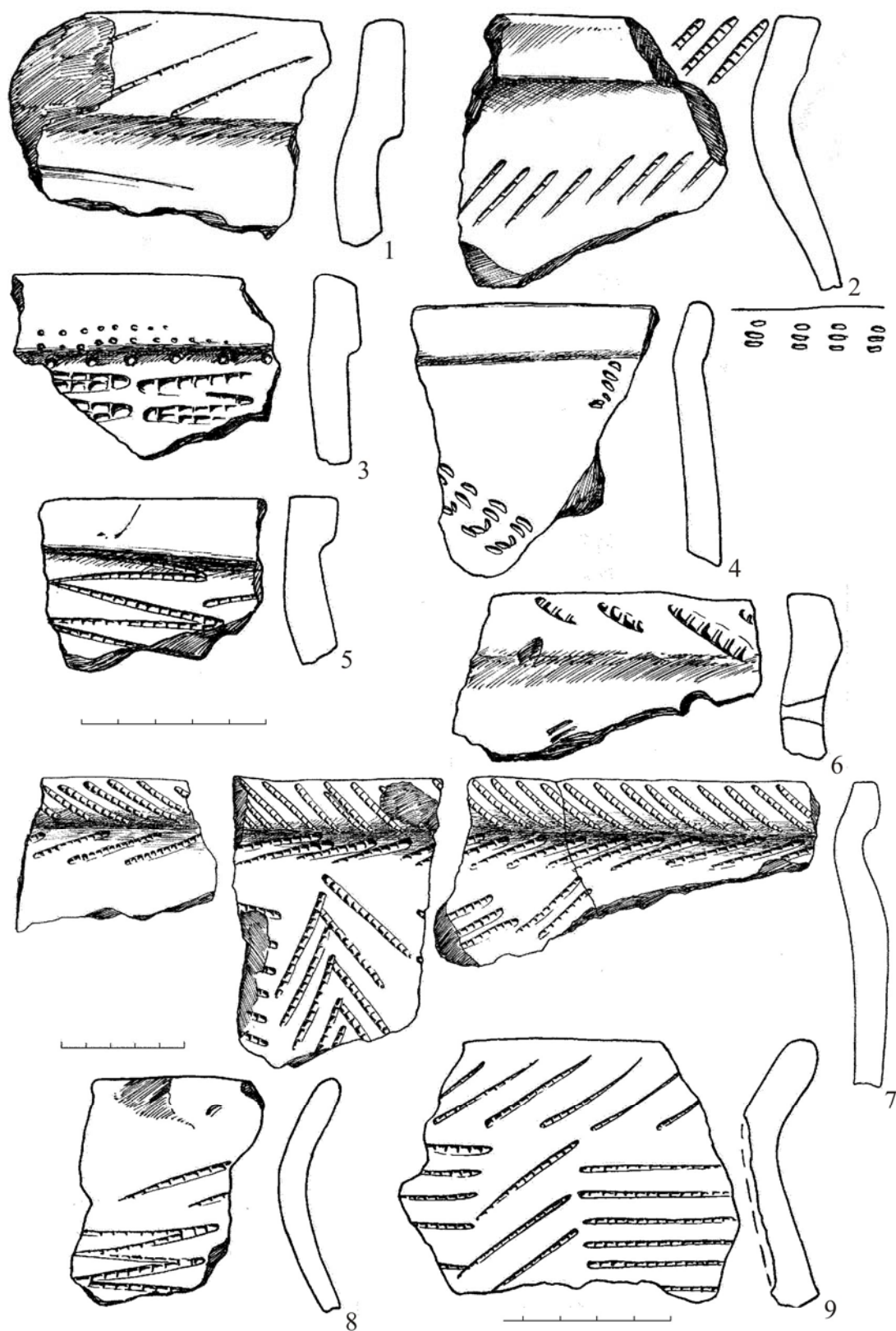

Рис. 10. Позднеэнеолитическая керамика Гундоровского поселения [Королев, 20086].

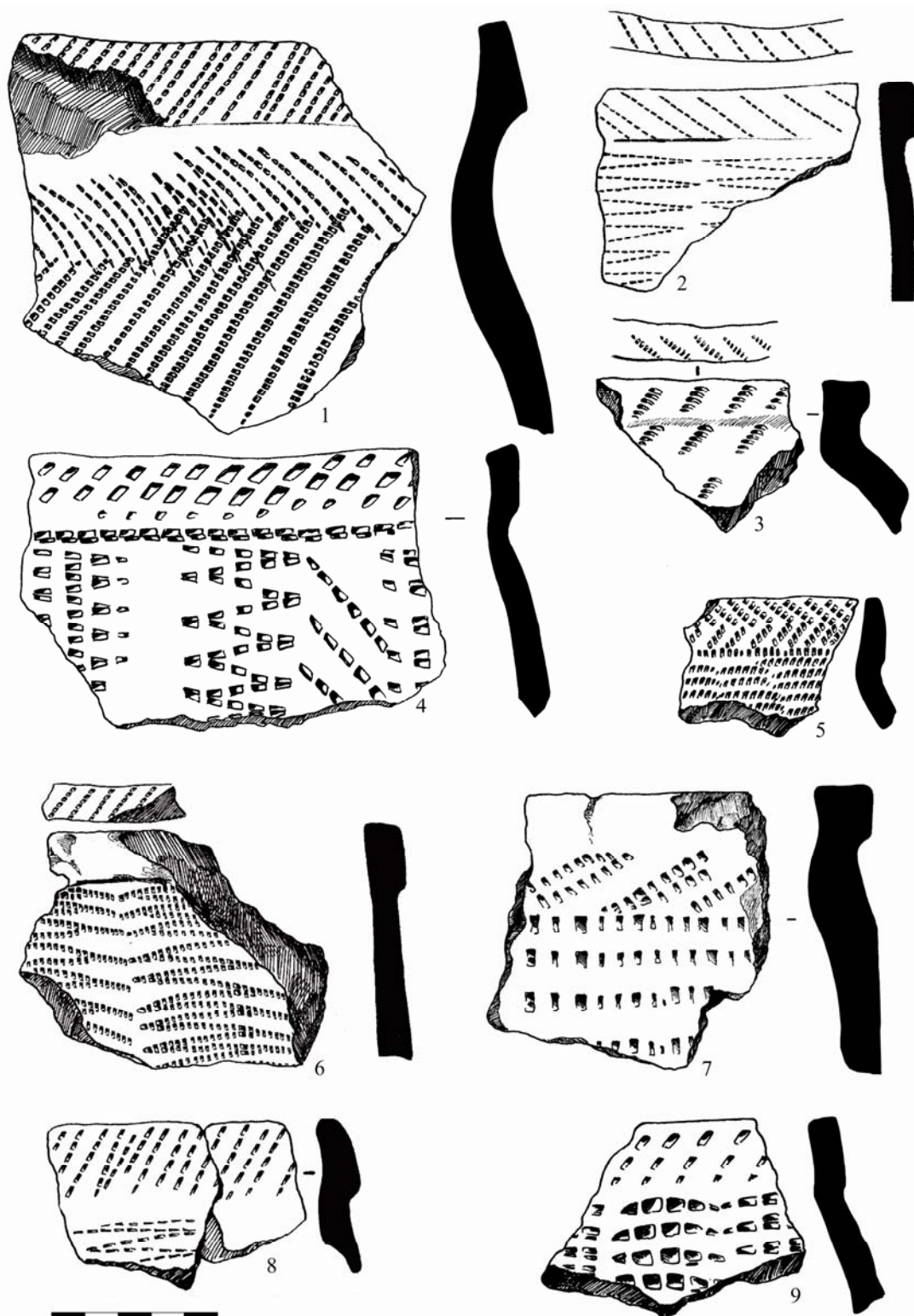

Рис. 11. Позднеэнеолитическая керамика Гундоровского поселения [Васильев, 2000в; Овчинникова, 1999].

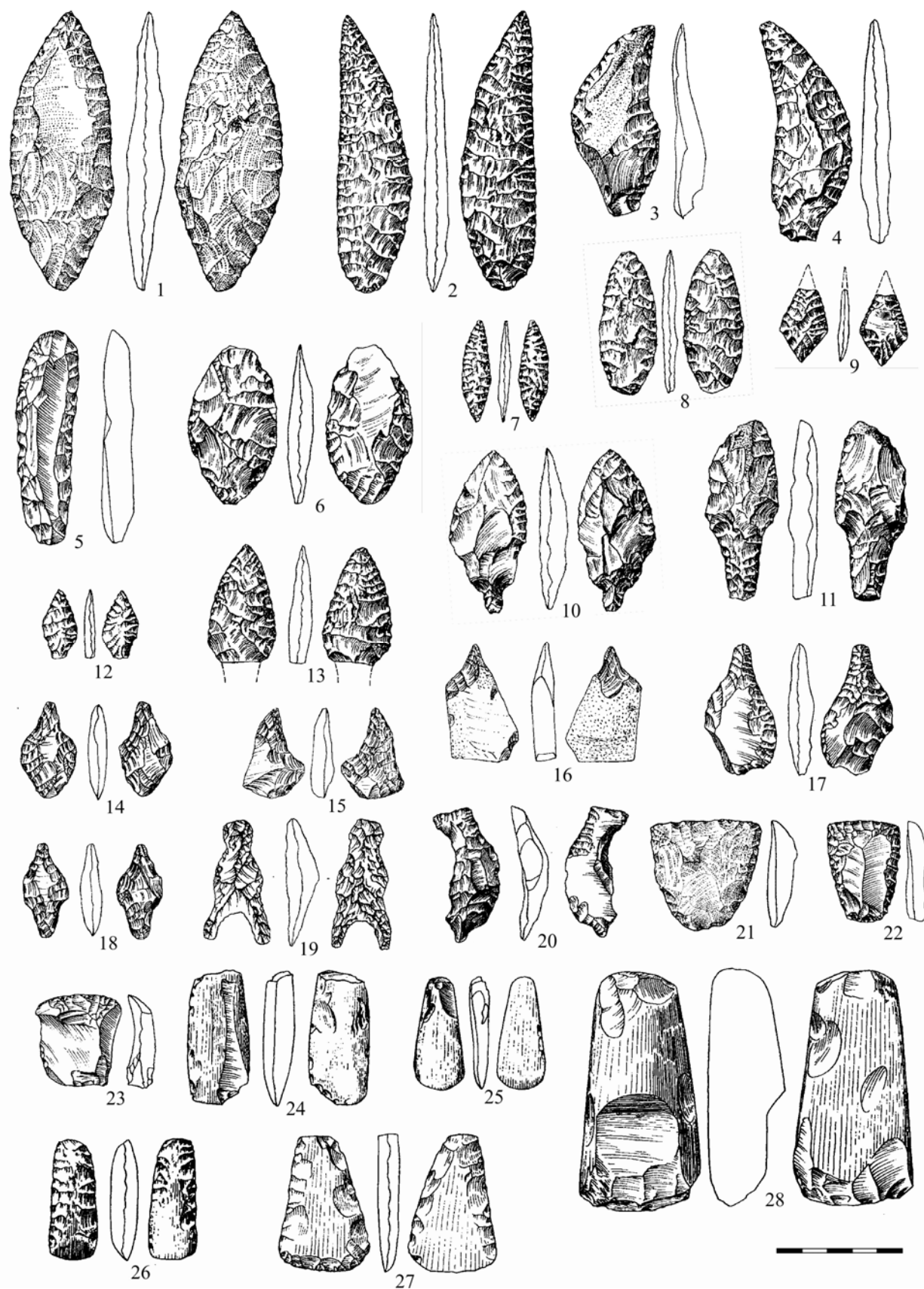

Рис. 12. Каменные орудия Гундоровского поселения [Васильев, 2000в].

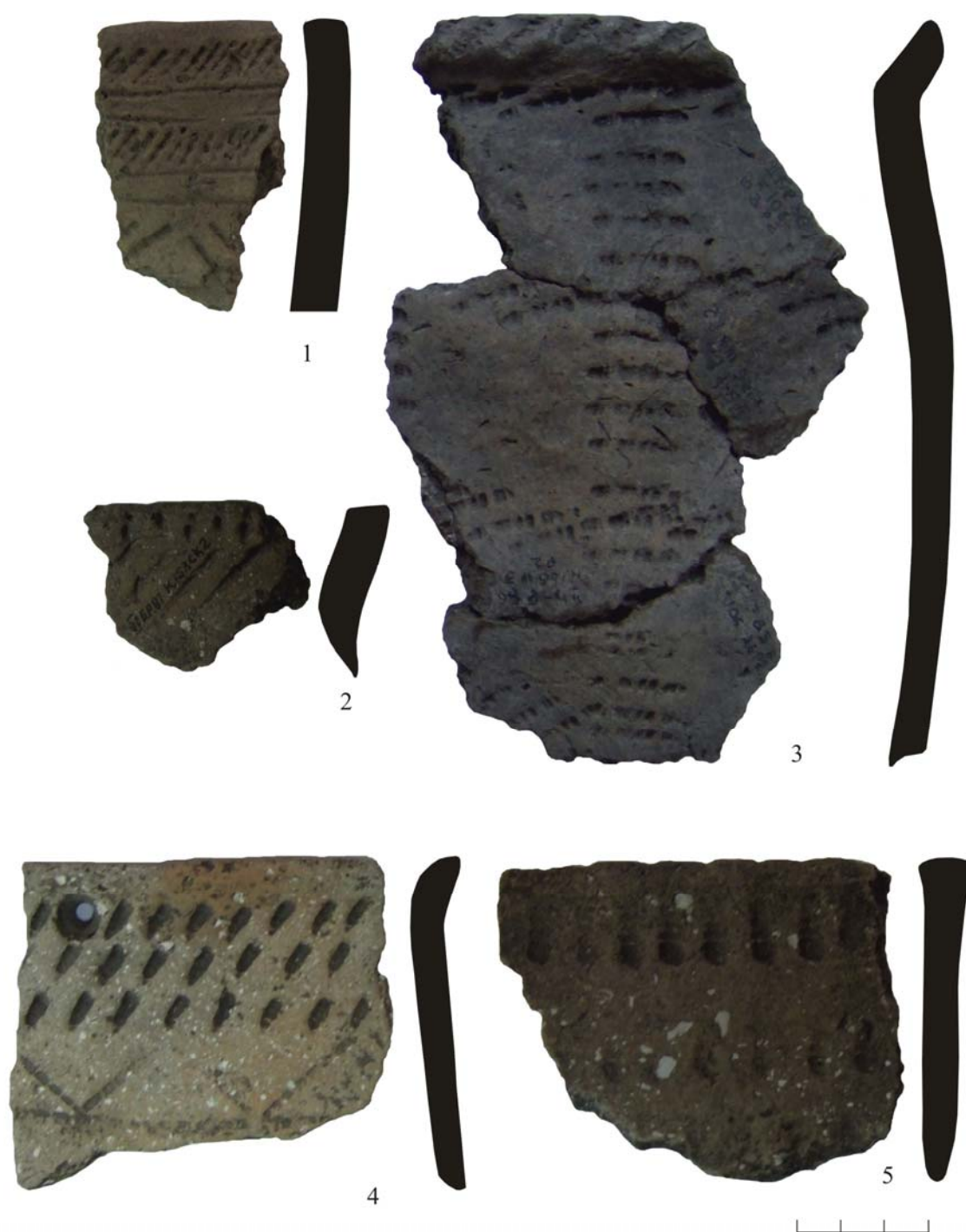

Рис. 13. Позднеэнеолитическая керамика стоянки Большая Раковка II.

Рис. 14. Позднеэнеолитическая керамика стоянки Большая Раковка II.

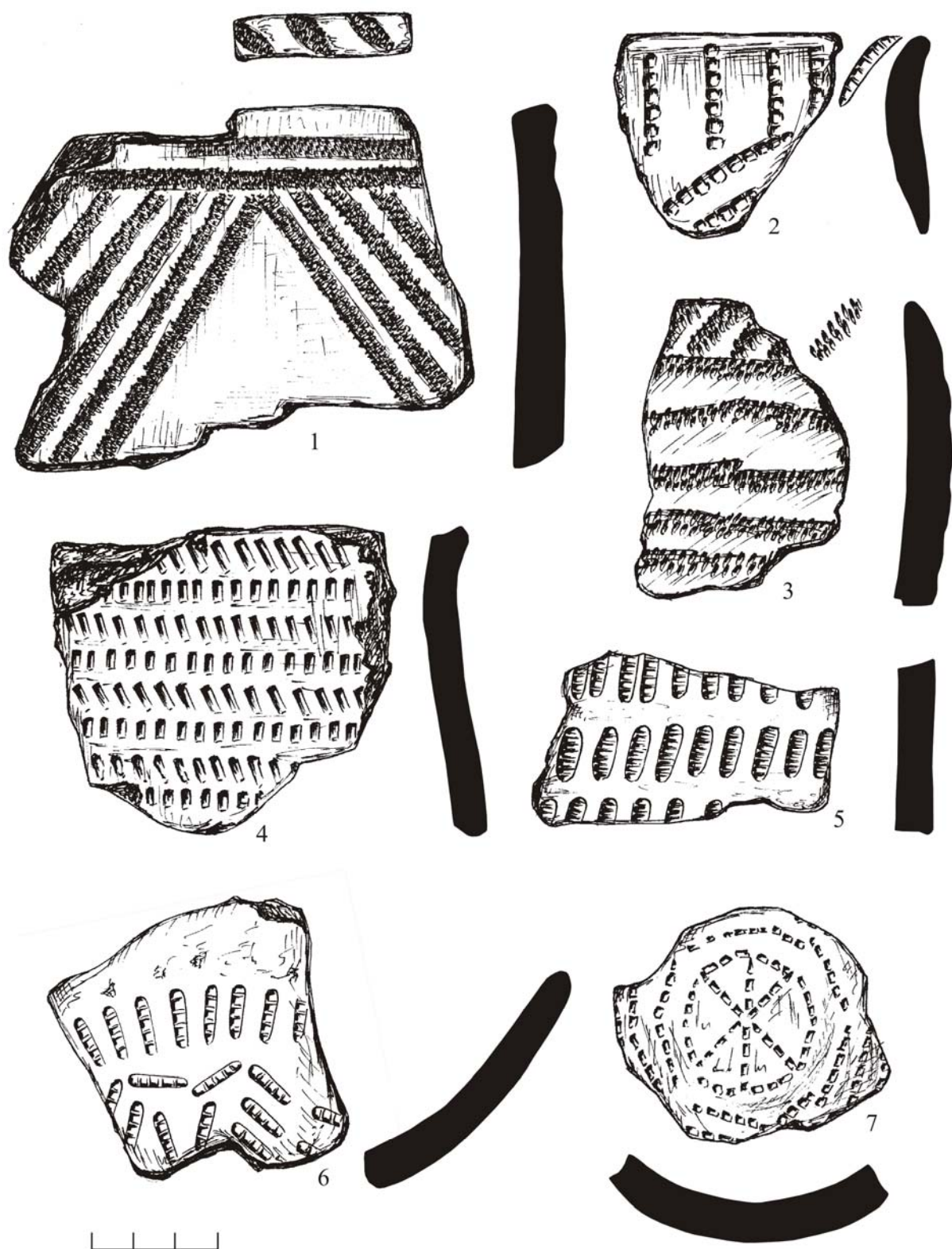

Рис. 15. Позднеэнеолитическая керамика стоянки Большая Раковка II.

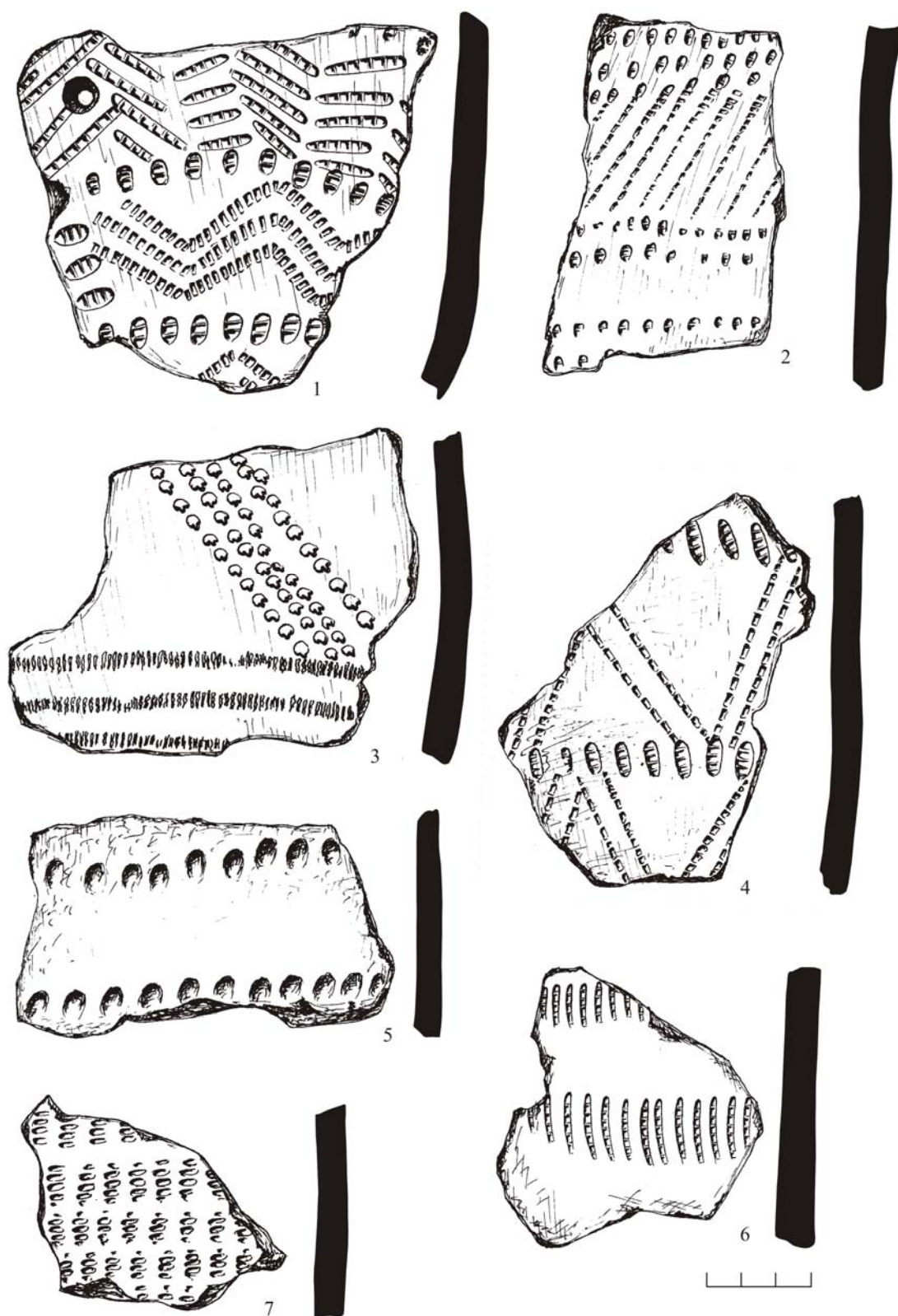

Рис. 16. Позднеэнеолитическая керамика стоянки Большая Раковка II.

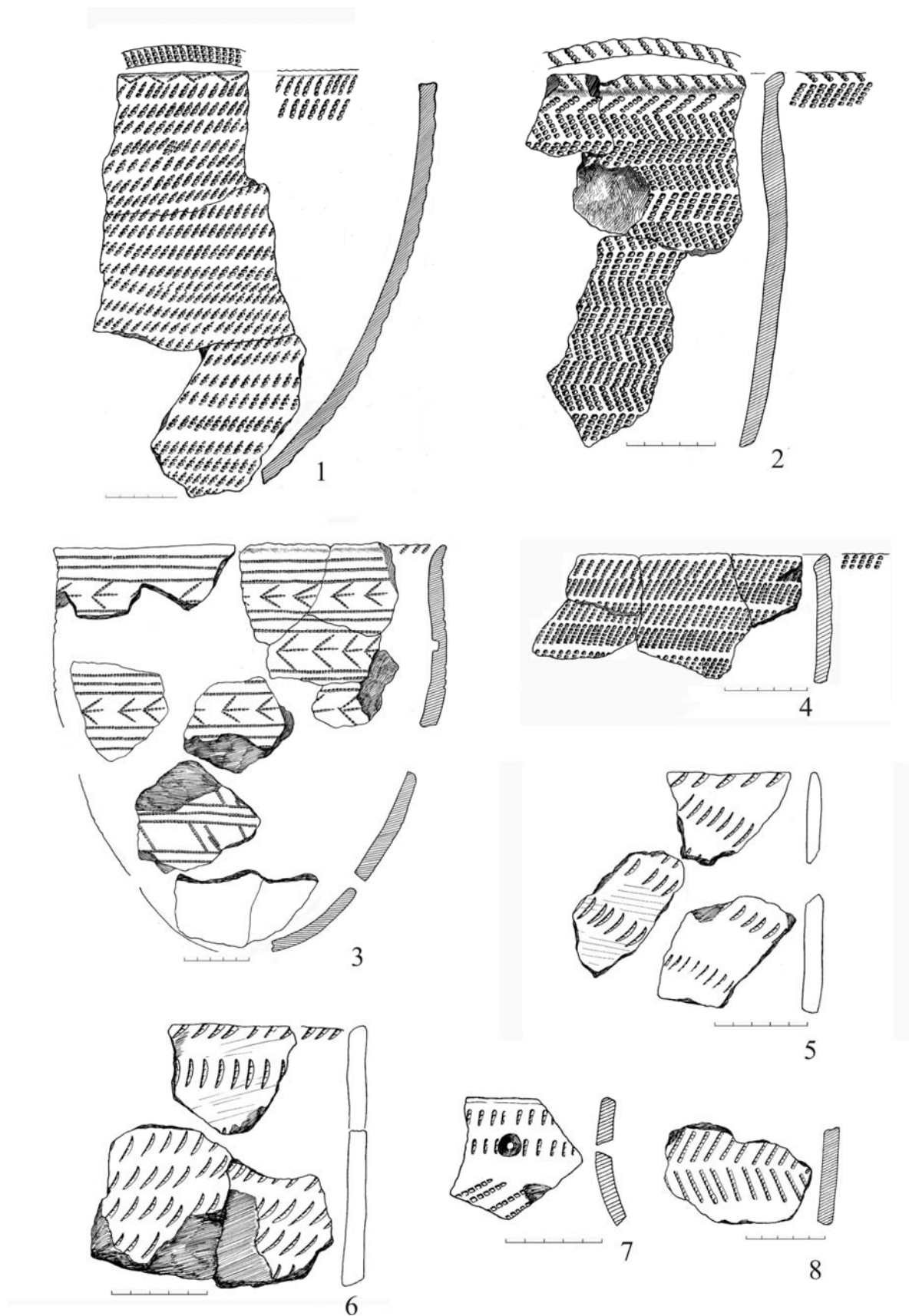

Рис. 17. Позднеэнеолитическая керамика стоянки Чекалино IV [Мочалов, 2008; Королев, 2011].

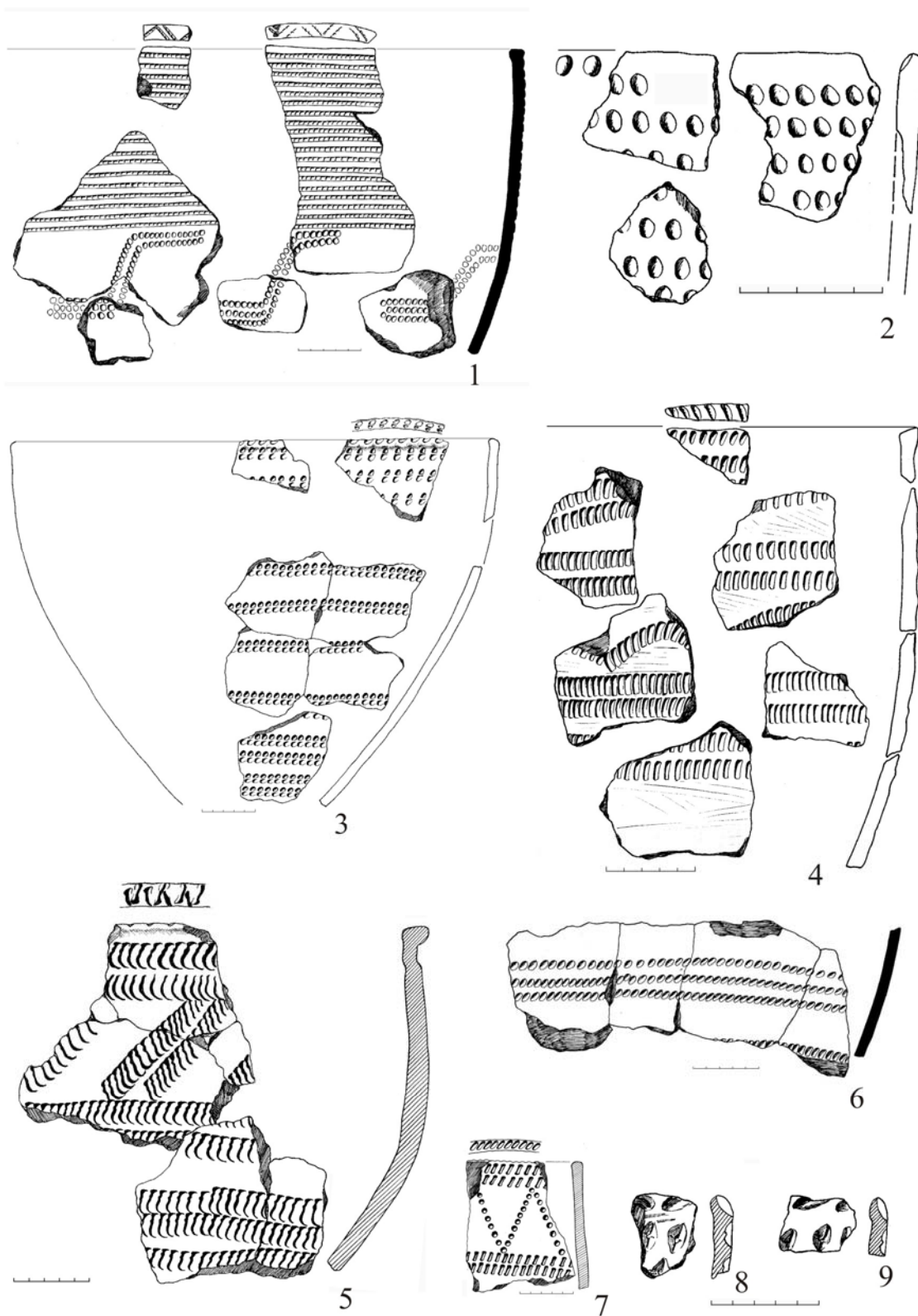

Рис. 18. Позднеэнеолитическая керамика стоянки Чекалино IV [Мочалов, 2008; Королёв, 2011].

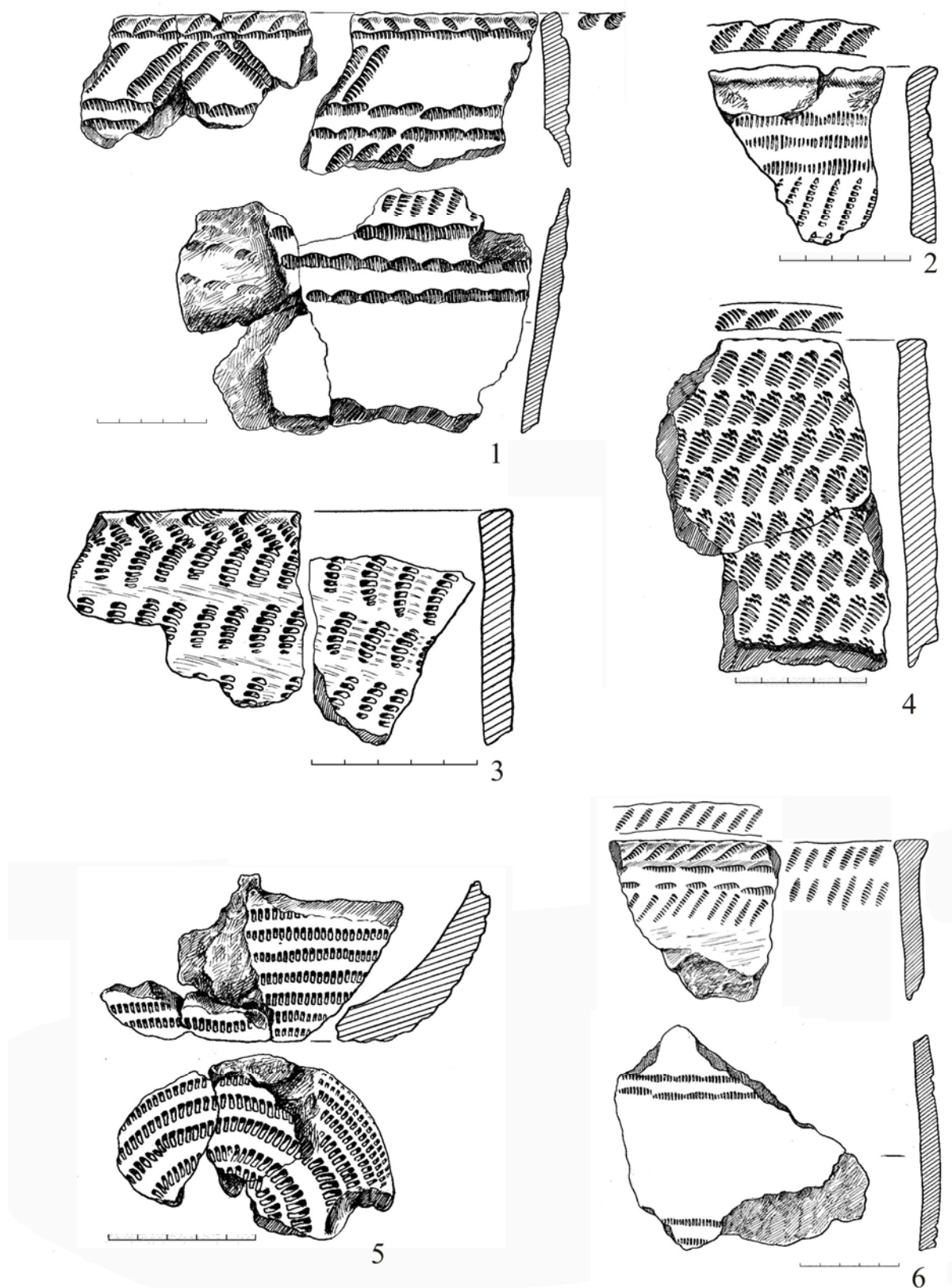

Рис. 19. Позднеэнеолитическая керамика стоянки Чекалино IV [Мочалов, 2008; Королев, 2011].

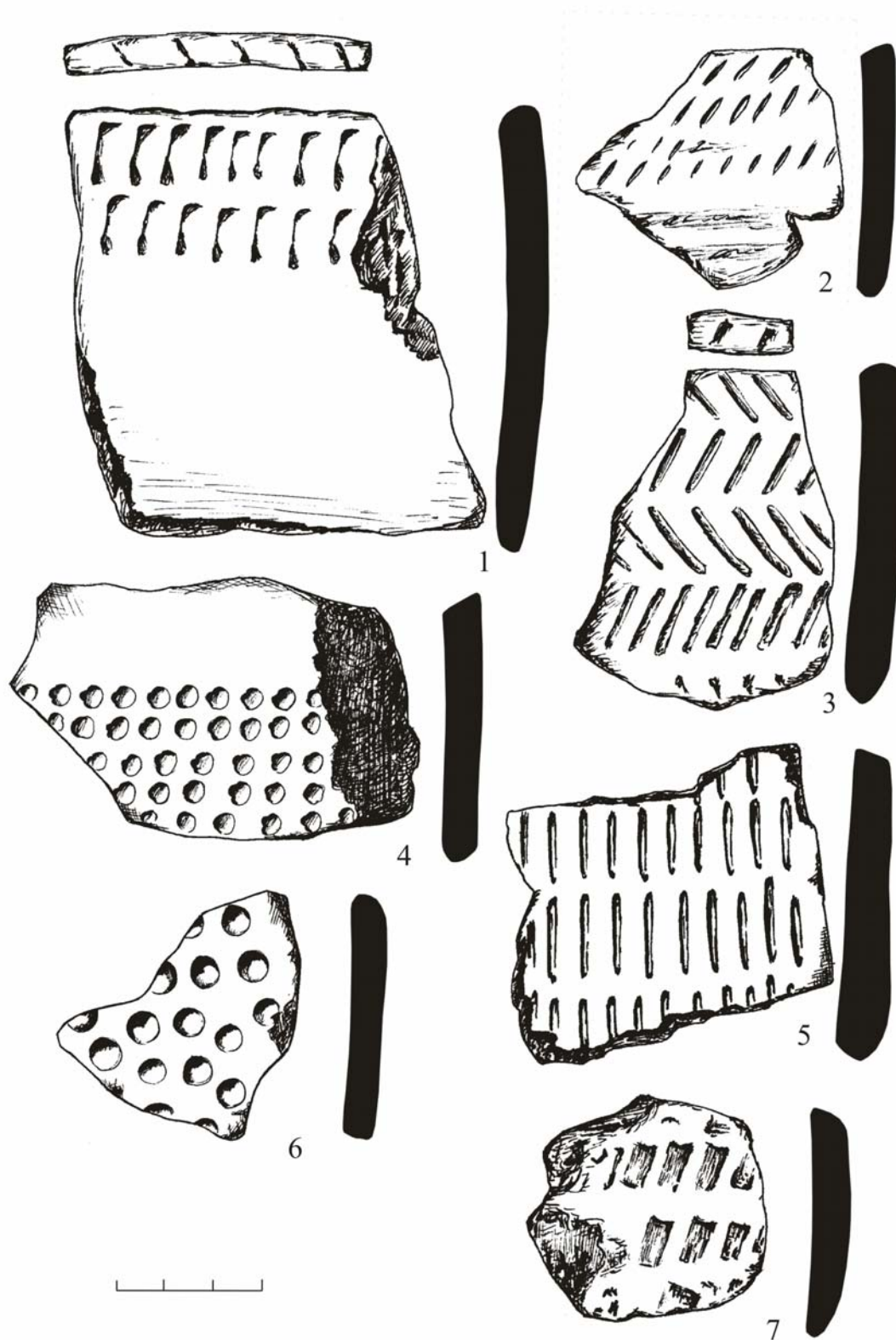

Рис. 20. Позднеэнеолитическая керамика стоянки Чесноковка II.

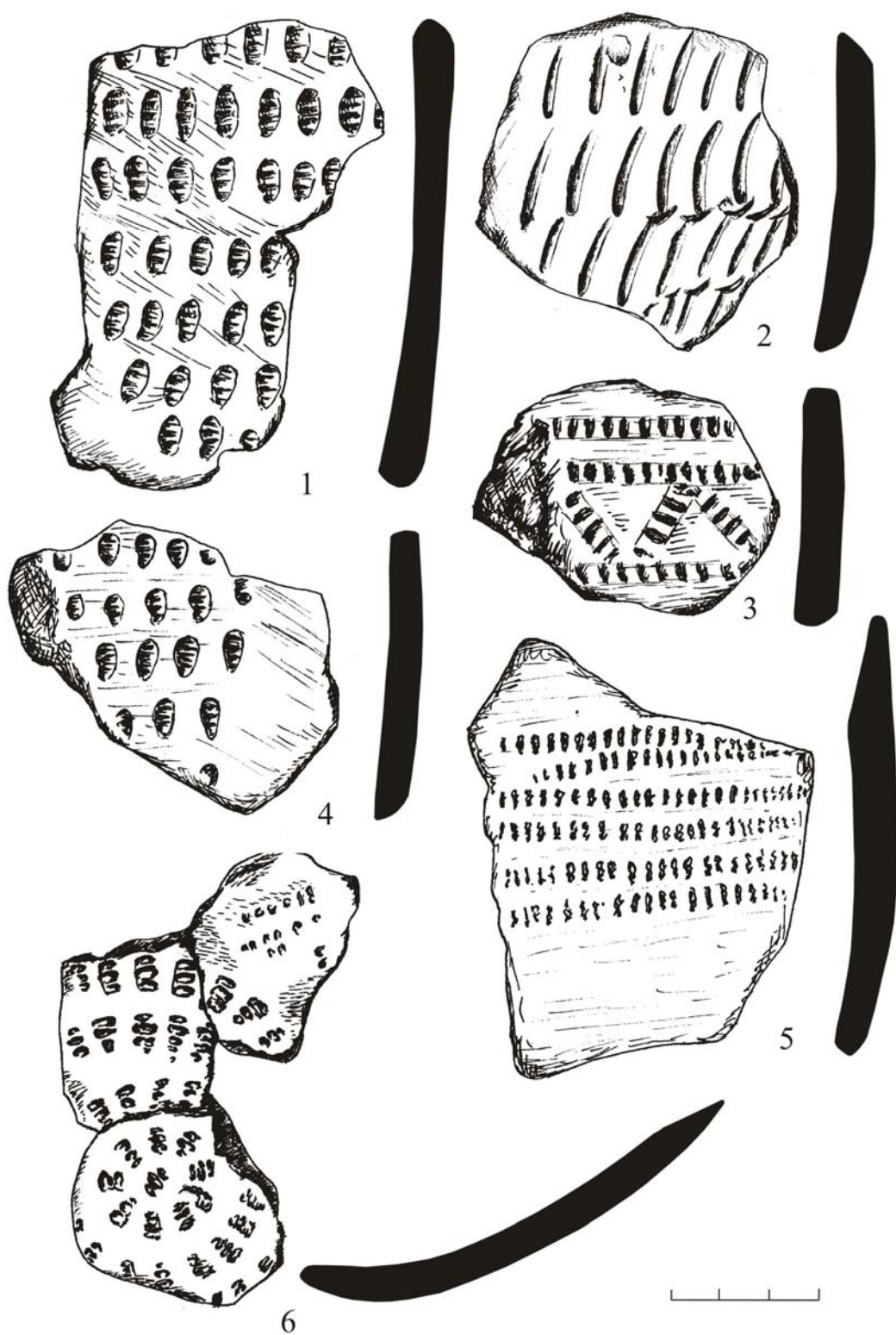

Рис. 21. Позднеэнеолитическая керамика стоянки Чесноковка II.

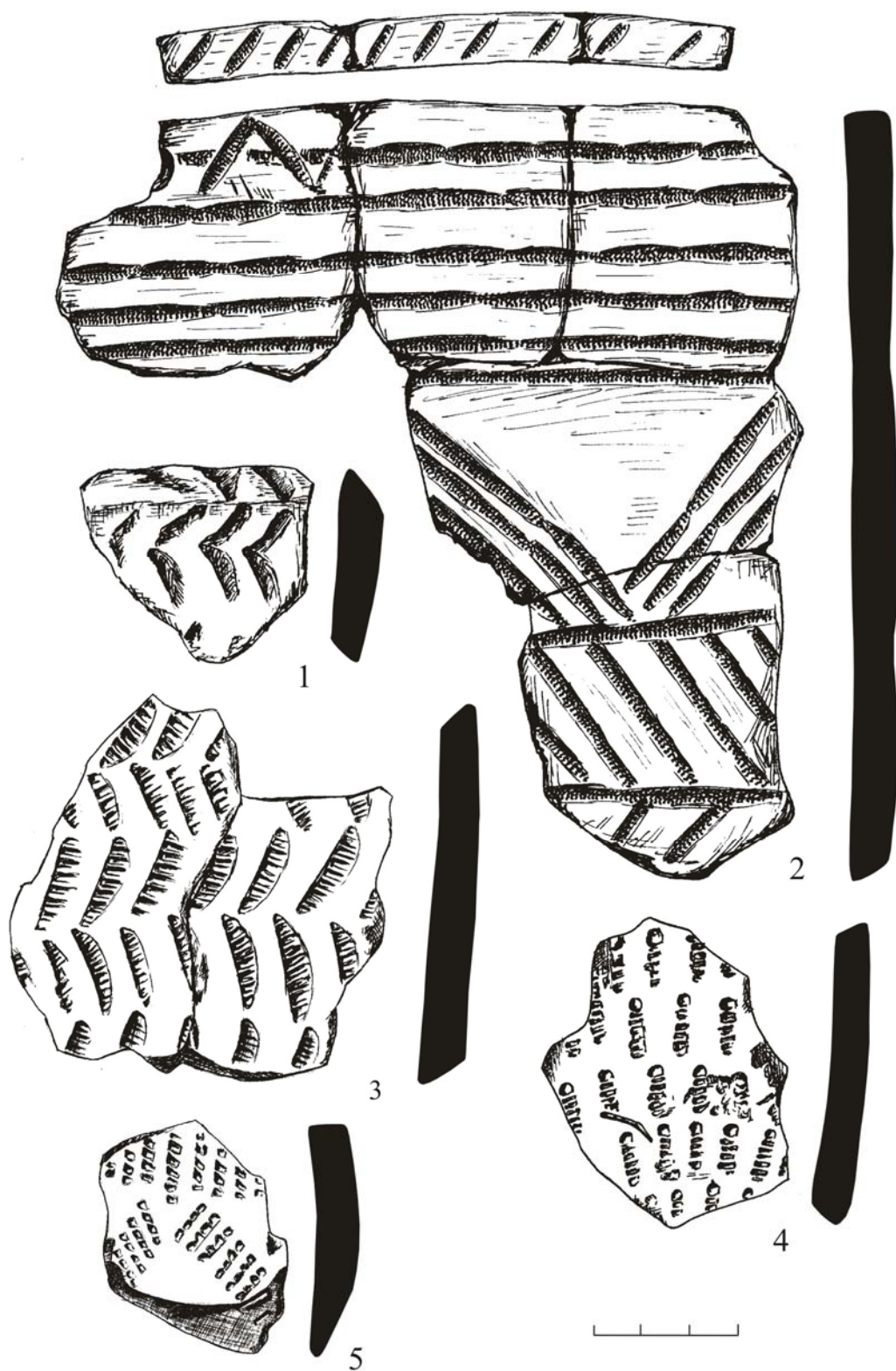

Рис. 22. Позднеэнеолитическая керамика стоянки Чесноковка II.

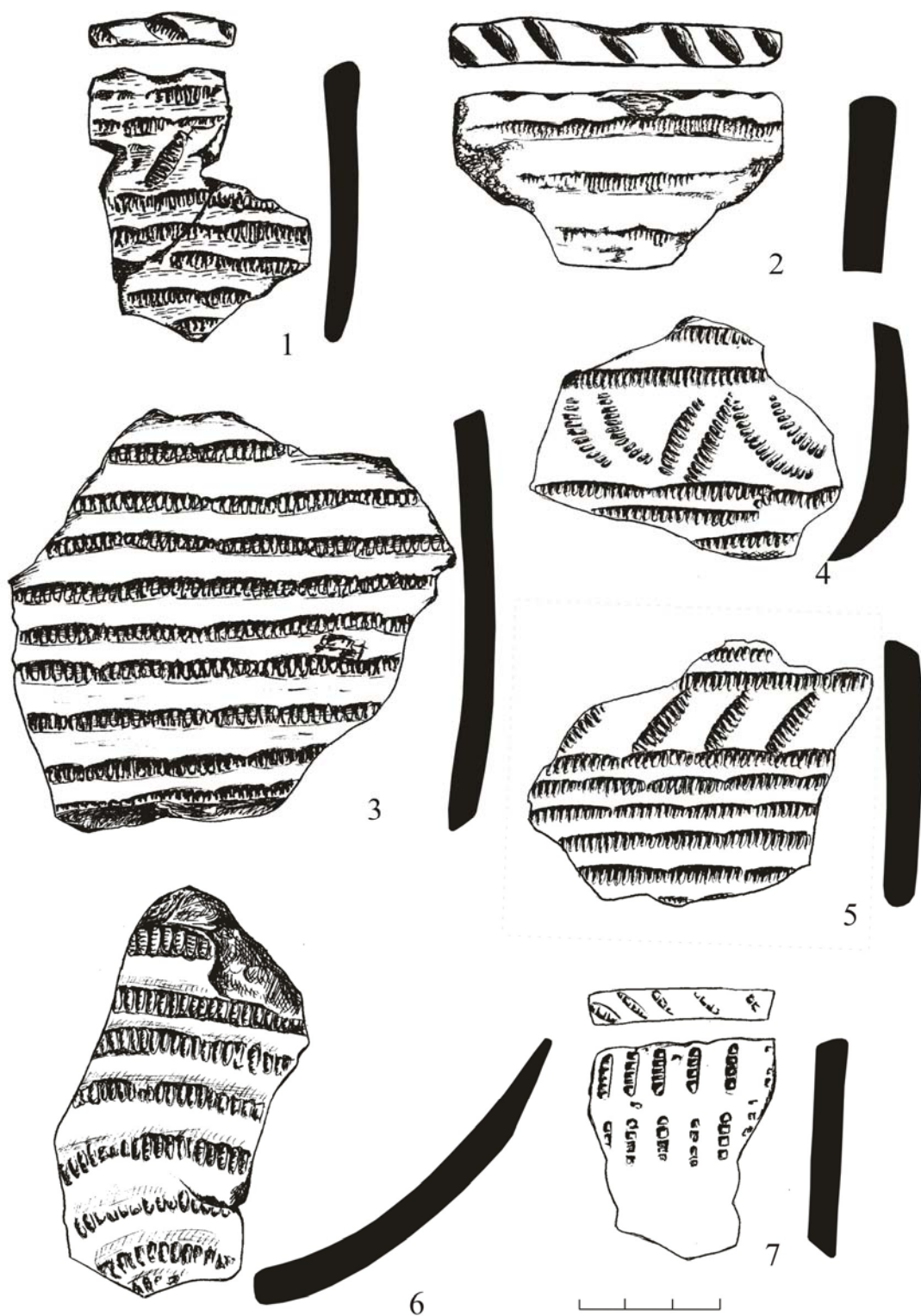
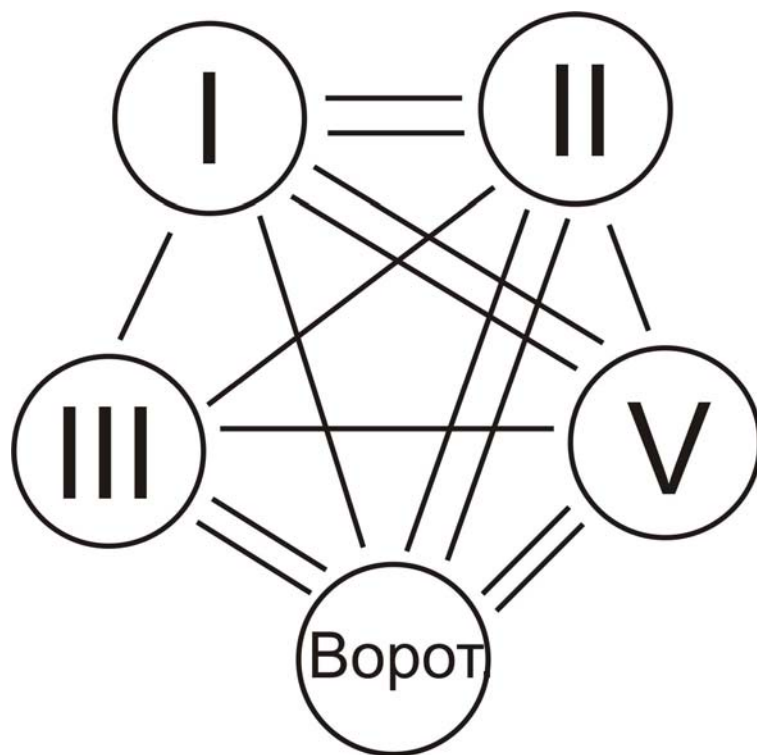

Рис. 23. Позднеэнеолитическая керамика стоянки Чесноковка II.

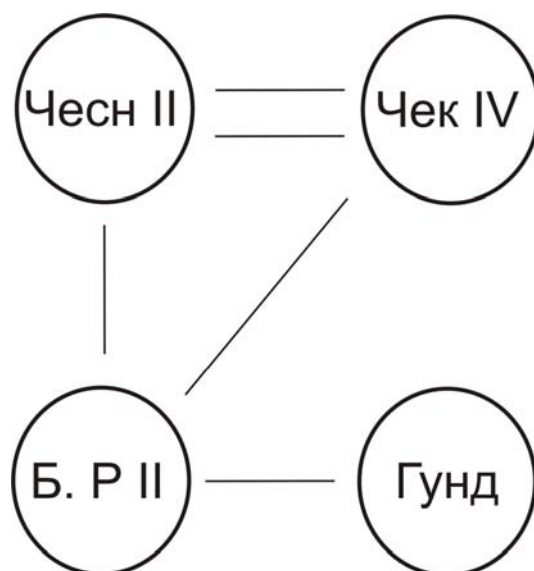
Рис. 24. Позднеэнеолитическая керамика стоянки Лебяжинка IV.

I до 60

II от 60

Рис. 25. Граф связей сосудов Гундоровского поселения.

|| от 70

| 50-60

Рис. 26. Граф связей керамики «лесного облика» Самарского Поволжья.

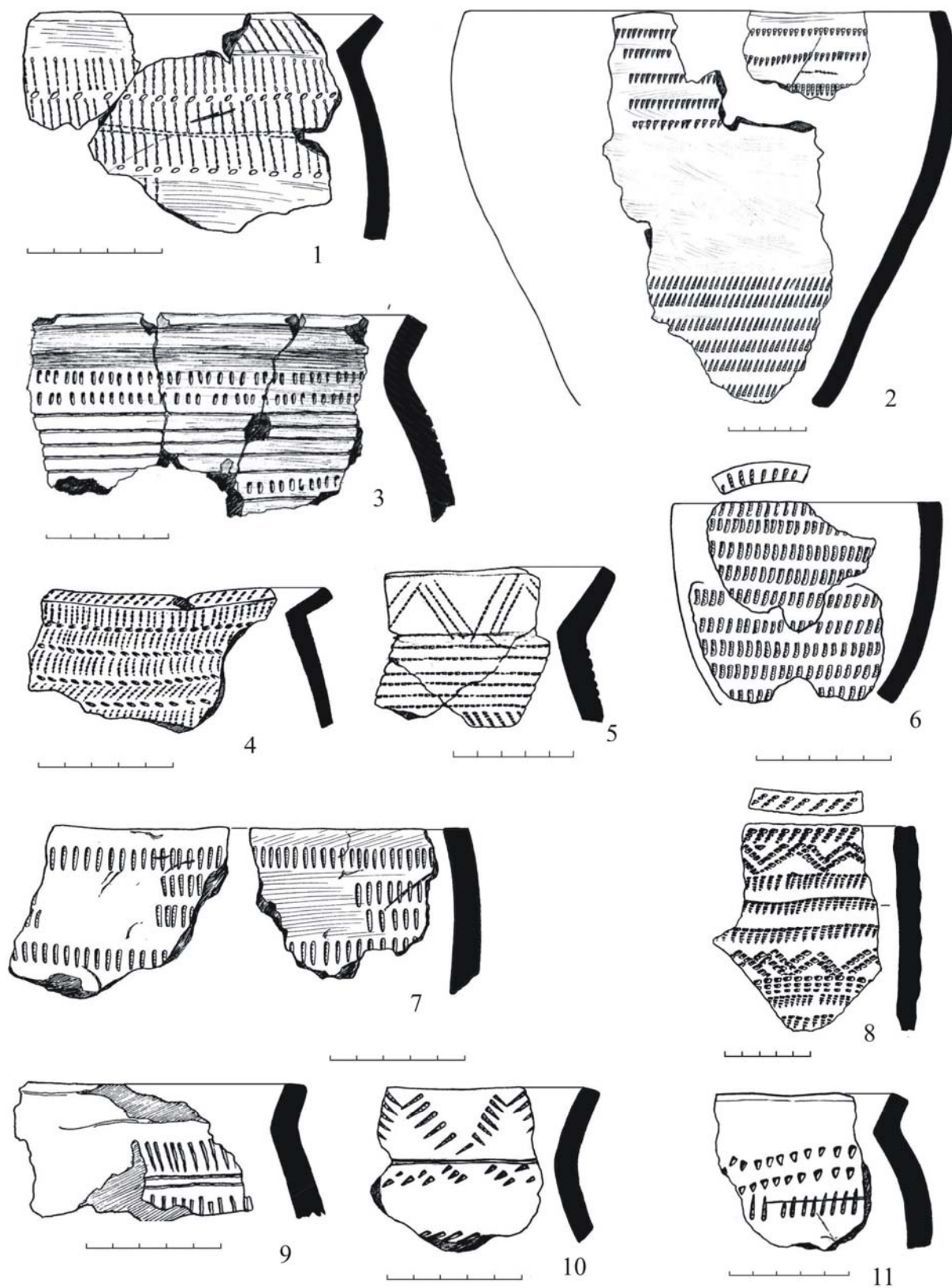

Рис. 27. Керамика «с внутренним ребром» Гундоровского поселения [Королев, 2009в].

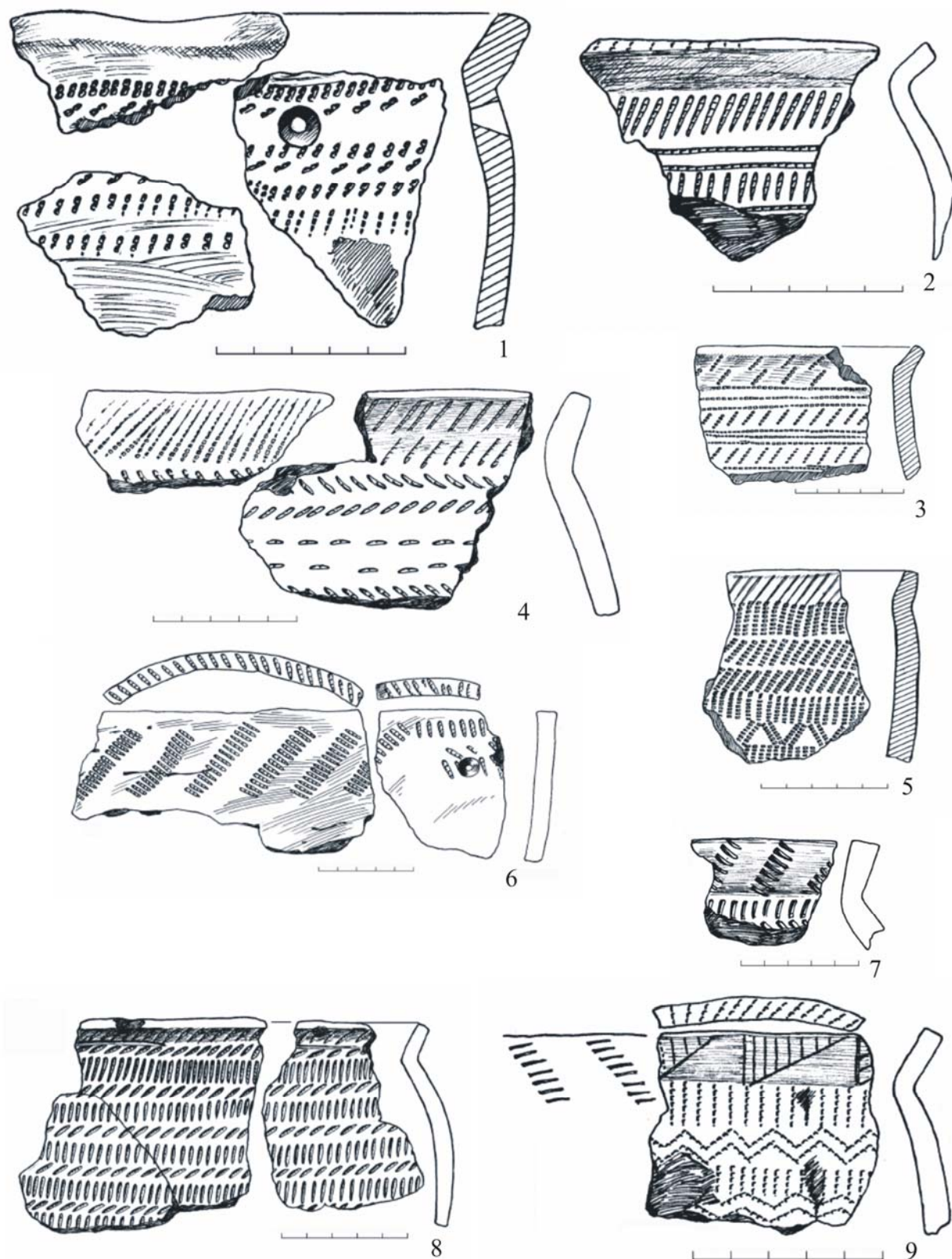

Рис. 28. Керамика «с внутренним ребром» стоянки Чекалино IV [Мочалов, 2008; Королев, 2009а].

Рис. 29. Позднеэнеолитическая керамика стоянки Подлесное V.

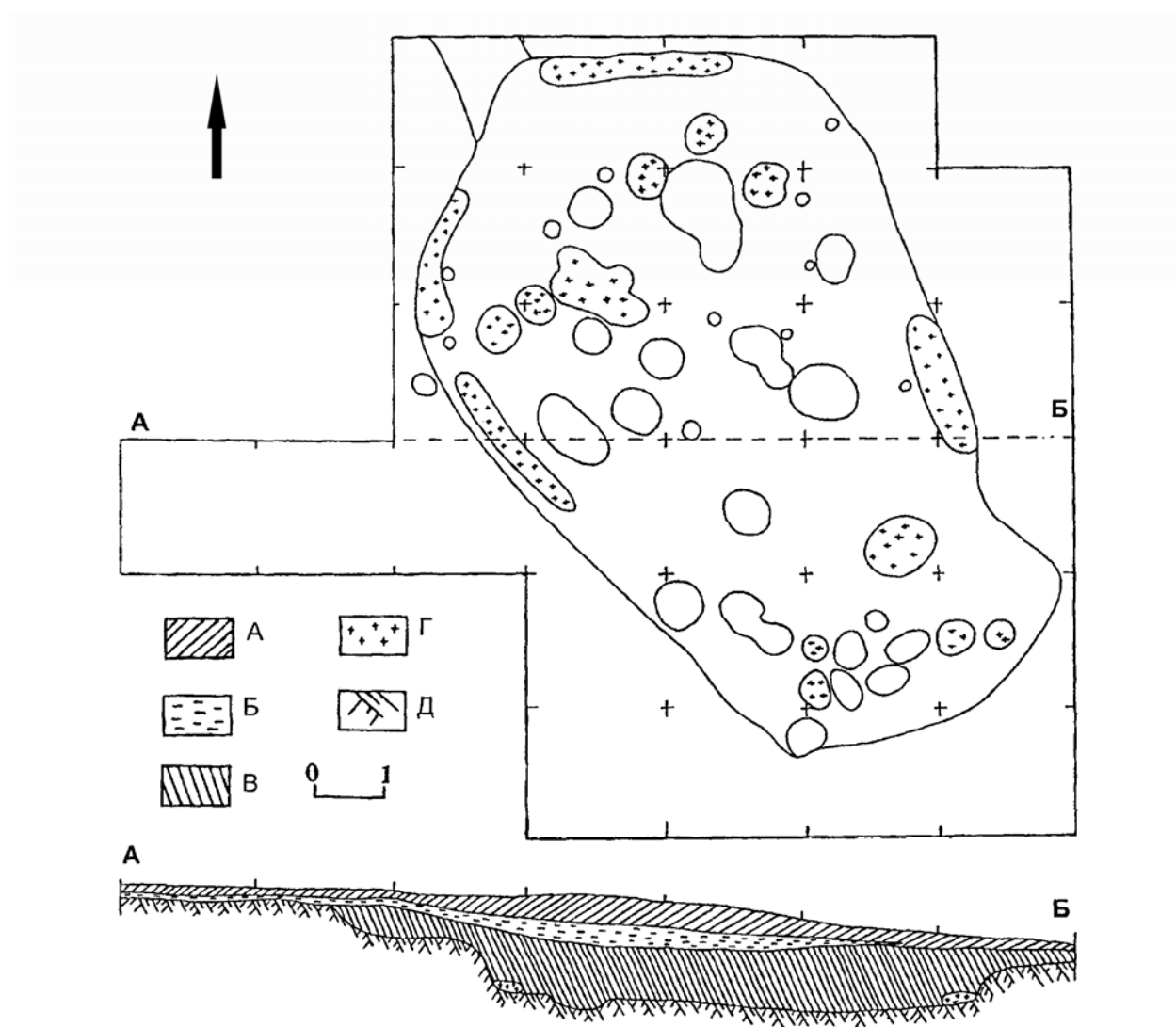

Рис. 30. План жилища поселения Русское Труево II [Ставицкий, 2002].
 А - балласт, Б – прослойка темно-серой супеси, насыщенная углистыми включениями, В – слой супеси светло-коричневого цвета, Г - черная, насыщенная углями супесь, Д – белый песок

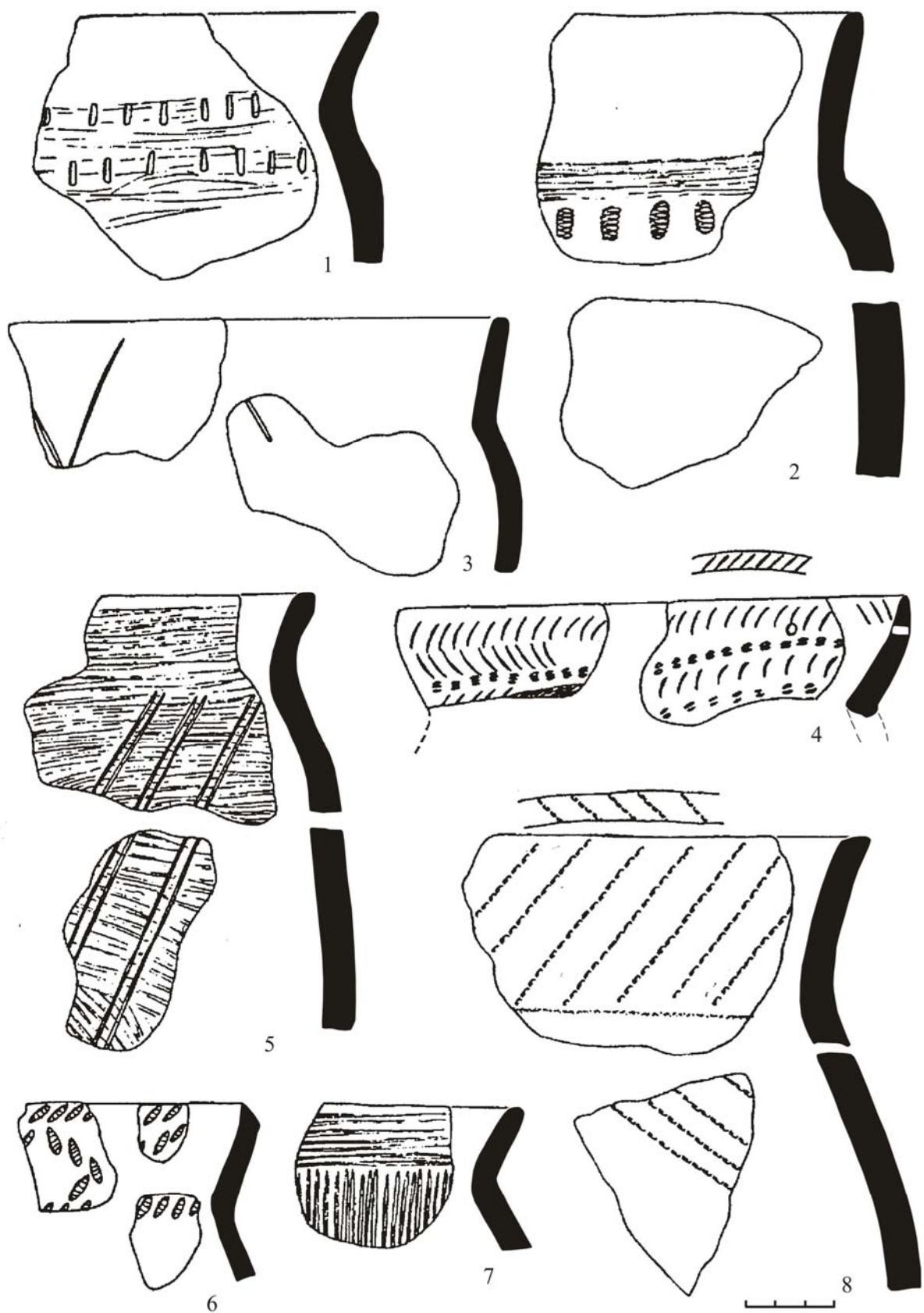

Рис. 31. Керамика поселения Русское Труево II [Ставицкий, 2002].

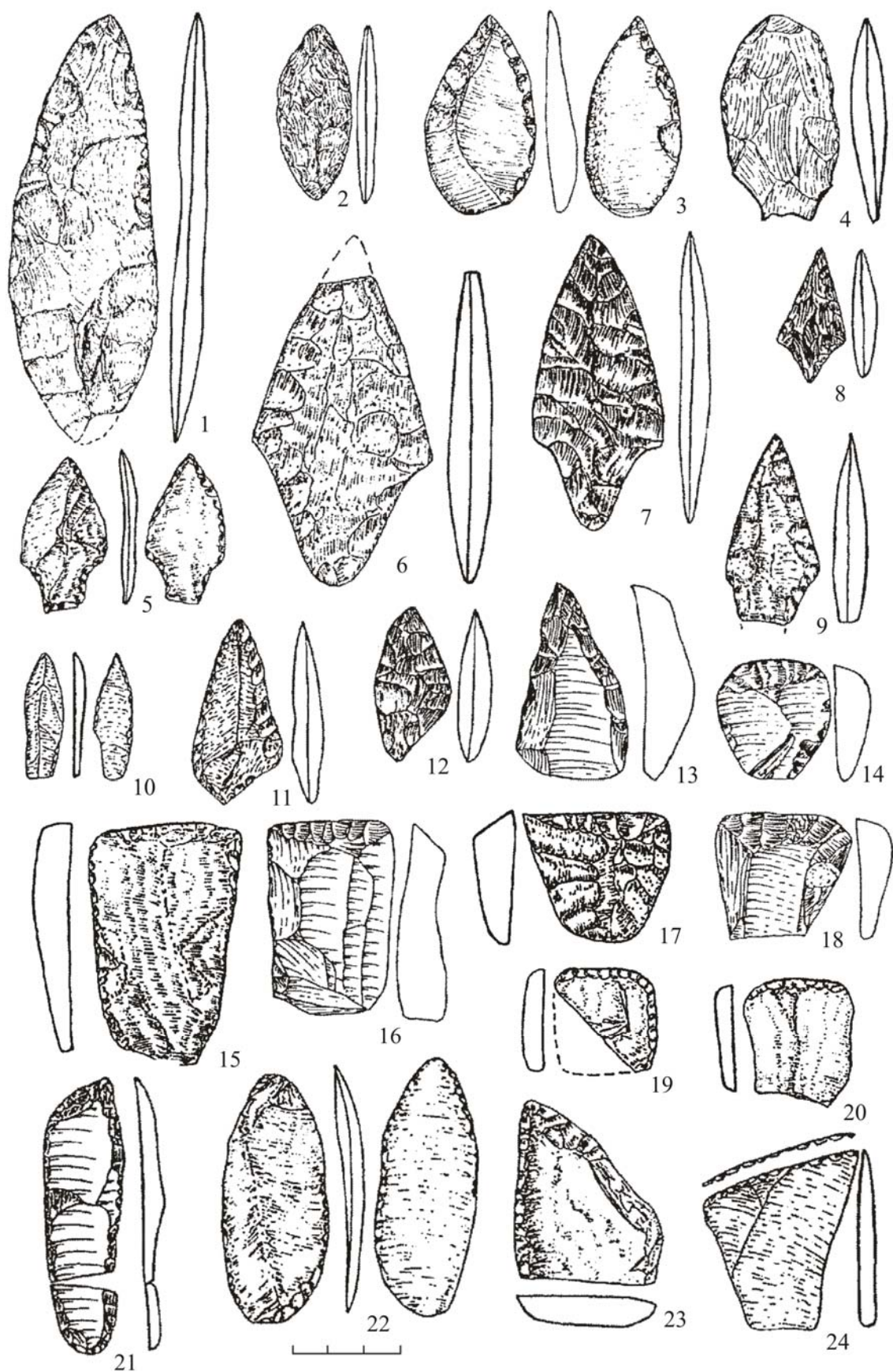

Рис. 32. Каменный инвентарь поселения Русское Труево II [Ставицкий, 2002].

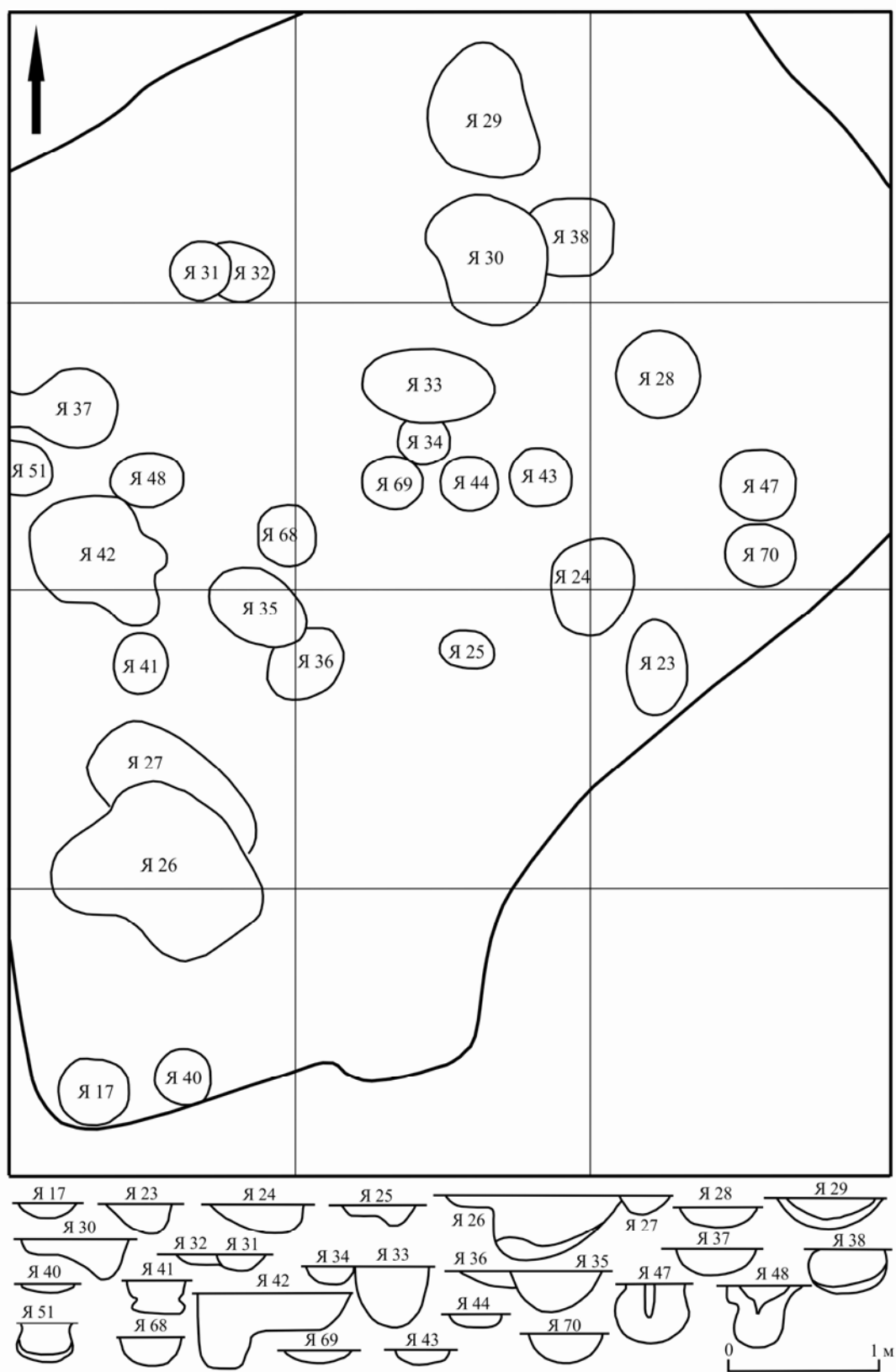

Рис. 33. План жилища поселения Утюж I [Вискалин, 2008].

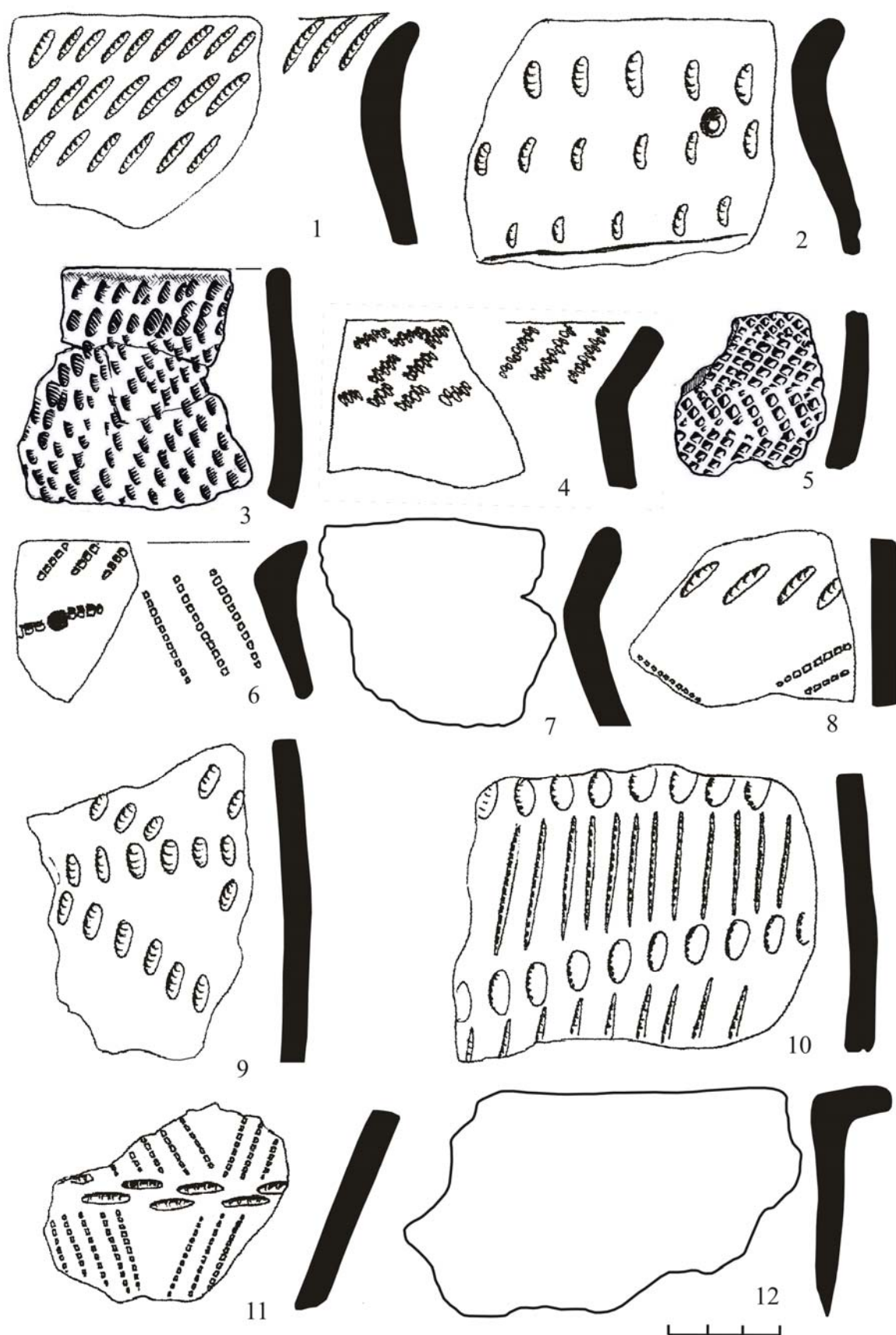

Рис. 34. Позднеэнеолитическая керамика поселения Утюж I (1-11) и Молебное Озеро (12) [Березина, 2007].

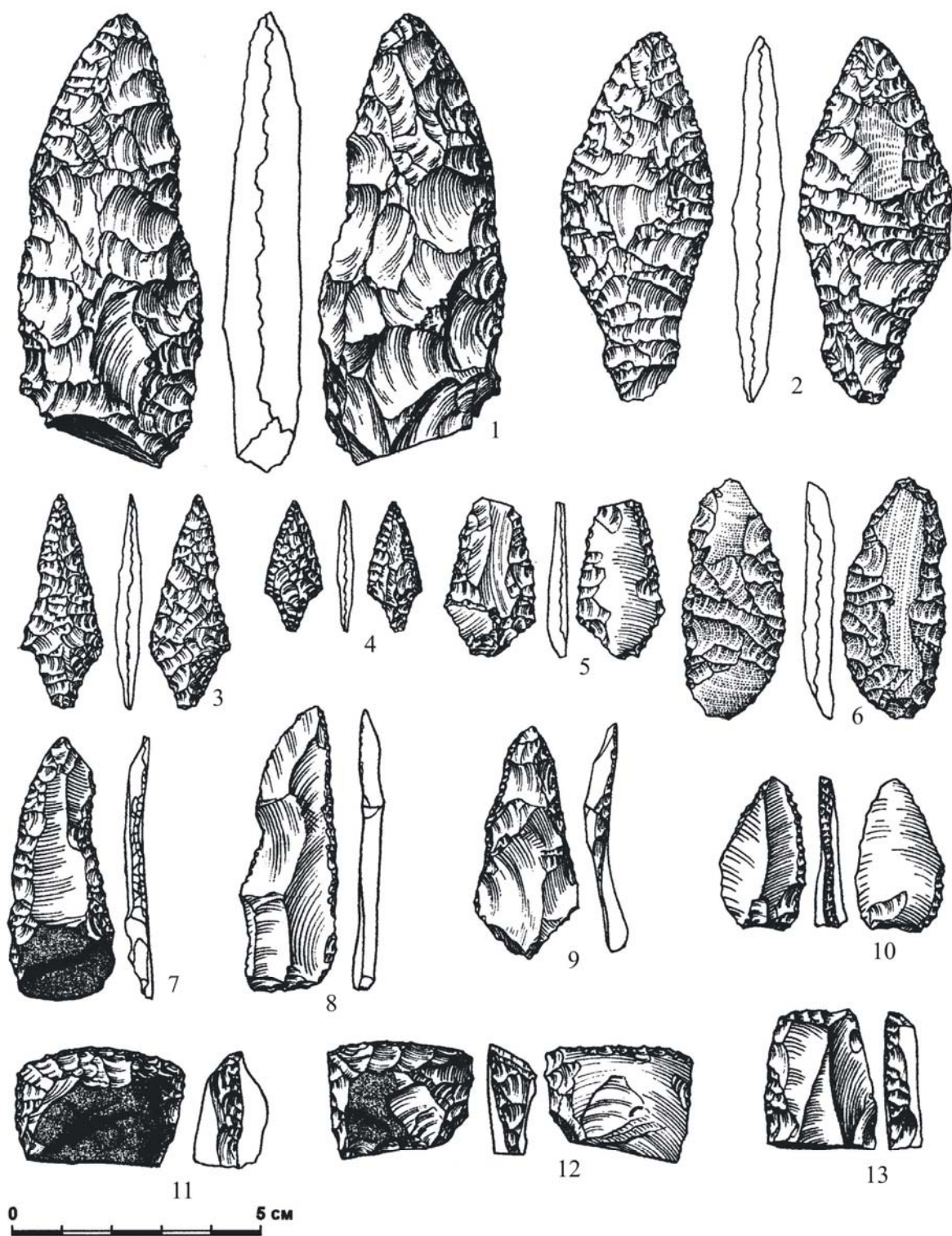

Рис. 35. Каменный инвентарь из заполнения жилища поселения Утюж I [Вискалин, 2008].

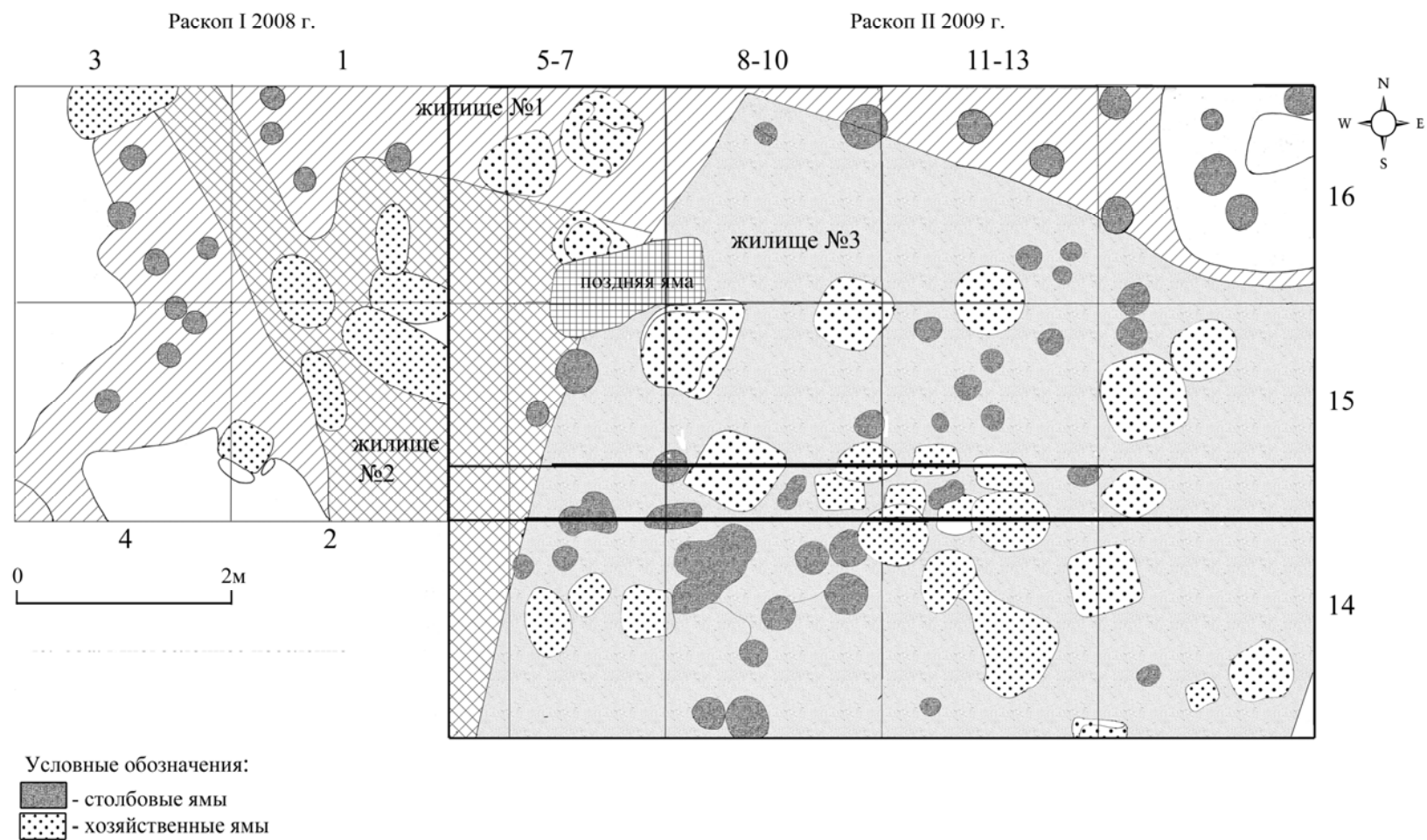

Рис. 36. План жилищ поселения Утюж [Березина, 2010].

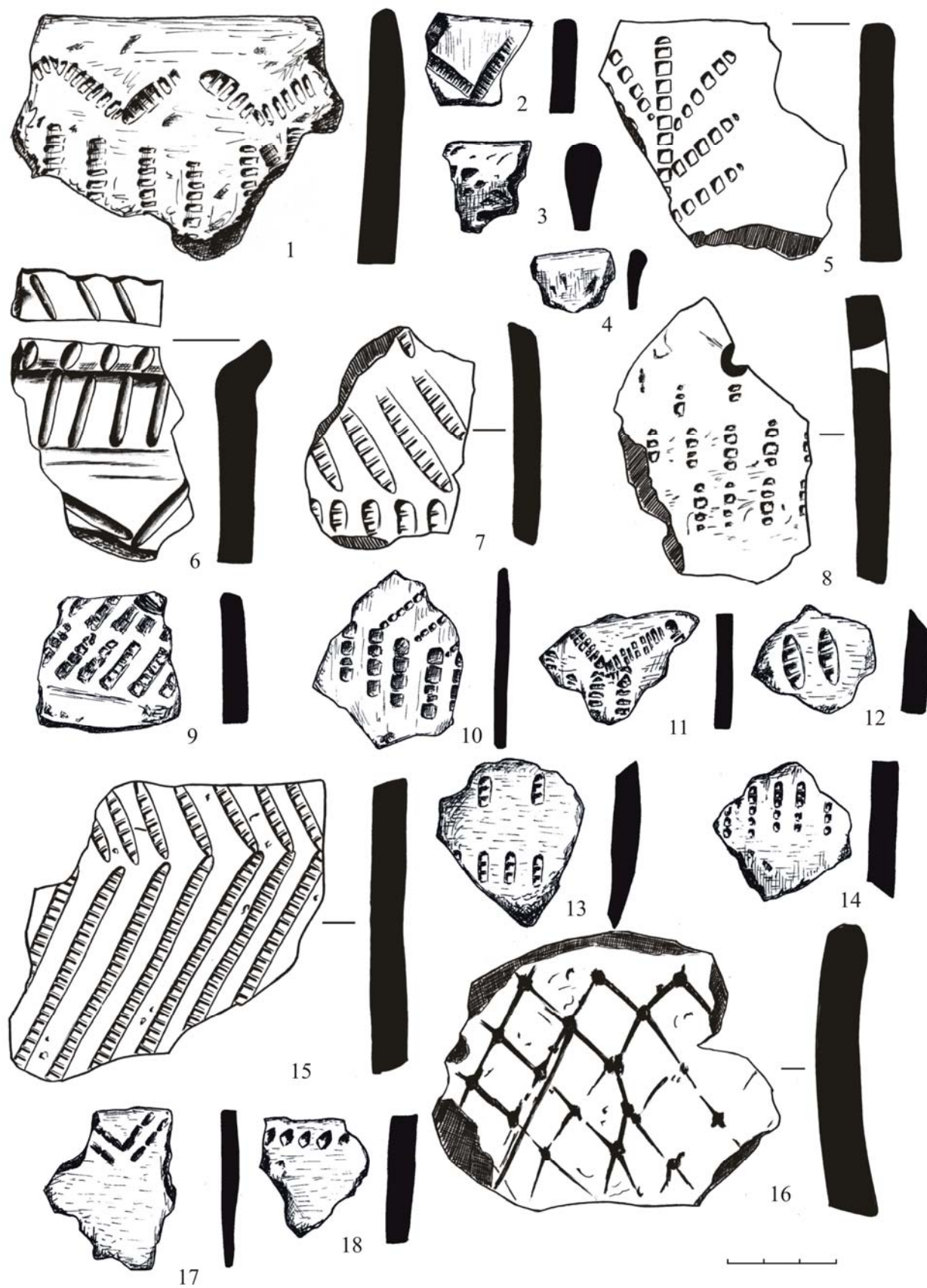

Рис. 37. Энеолитическая керамика поселения Утюж V [Березина, 2010].

Рис. 38. Энеолитическая керамика поселения Утюж V [Березина, 2010].

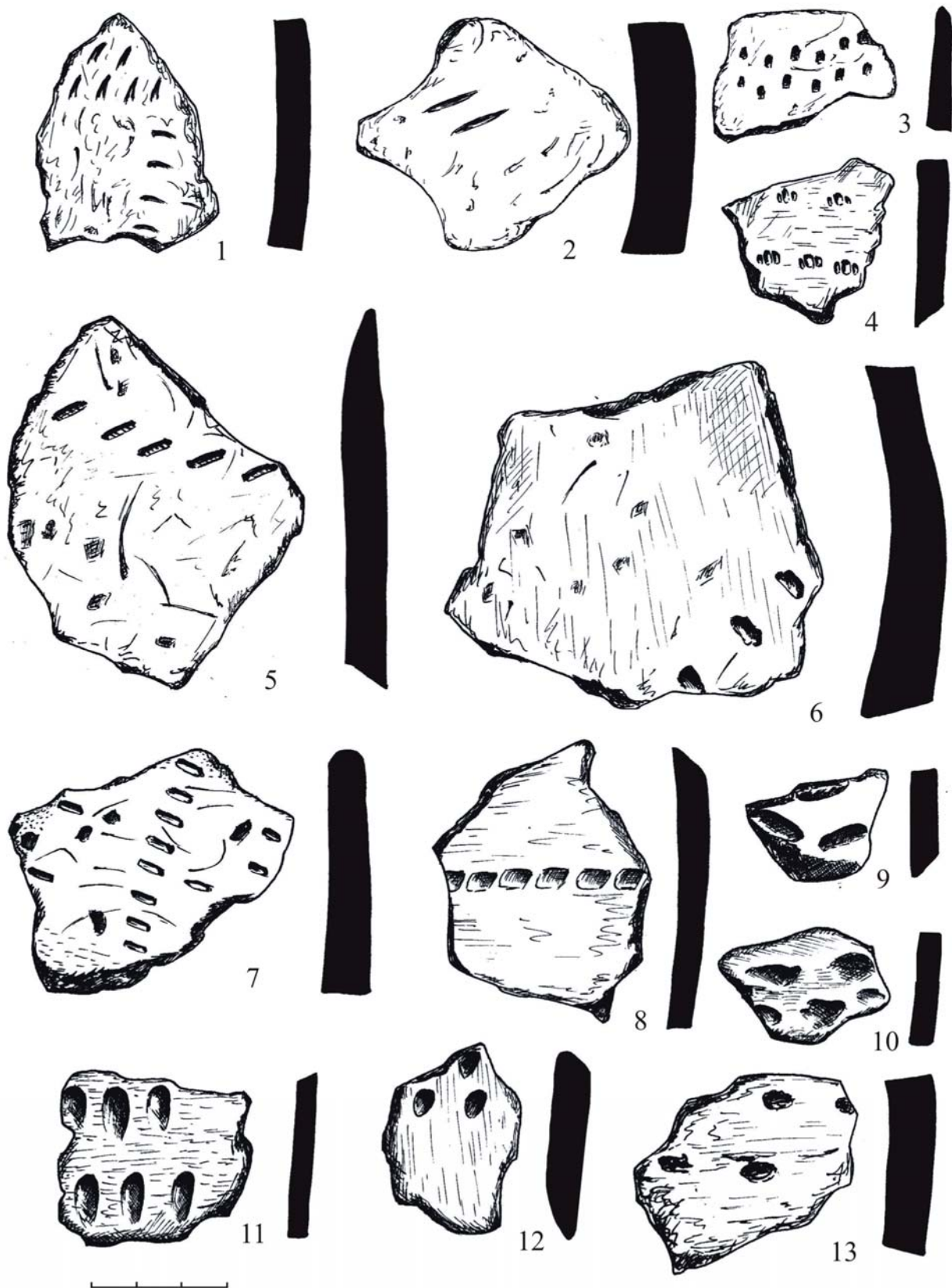

Рис. 39. Энеолитическая керамика поселения Утюж V [Березина, 2010].

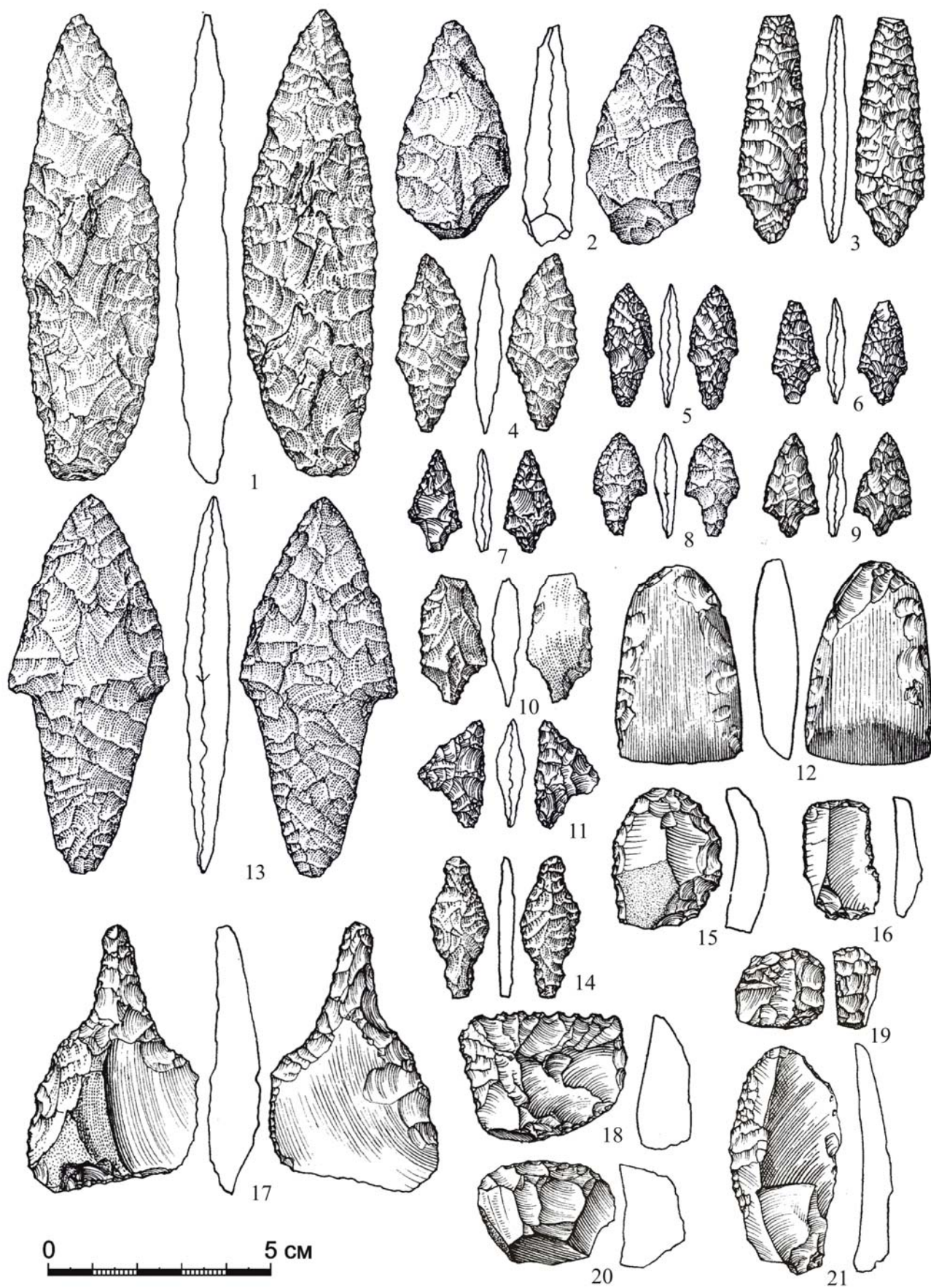

Рис. 40. Каменный инвентарь поселения Утюж V [Березина, 2010].

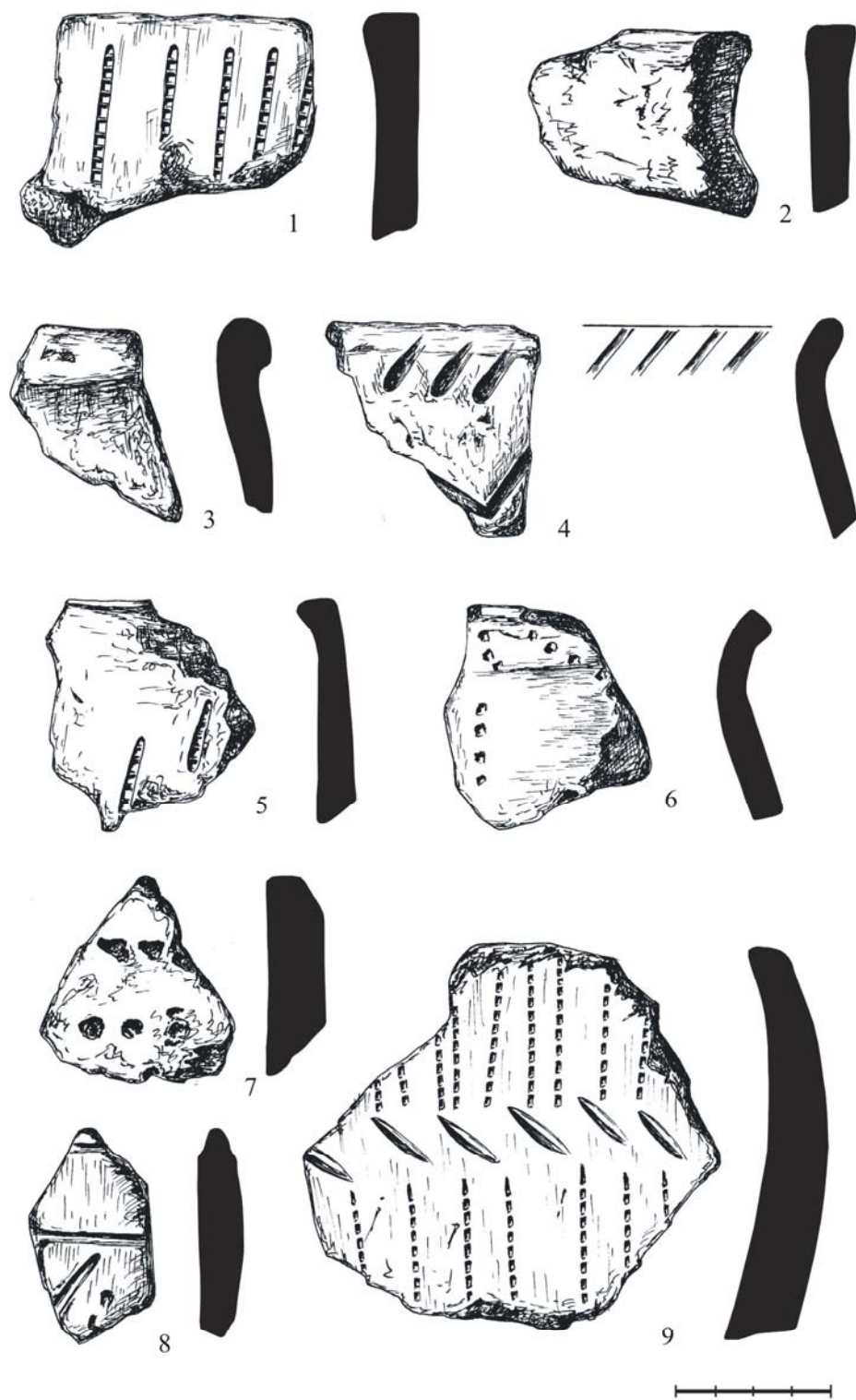

Рис. 41. Энеолитическая керамика поселения Утюжский Бугор.

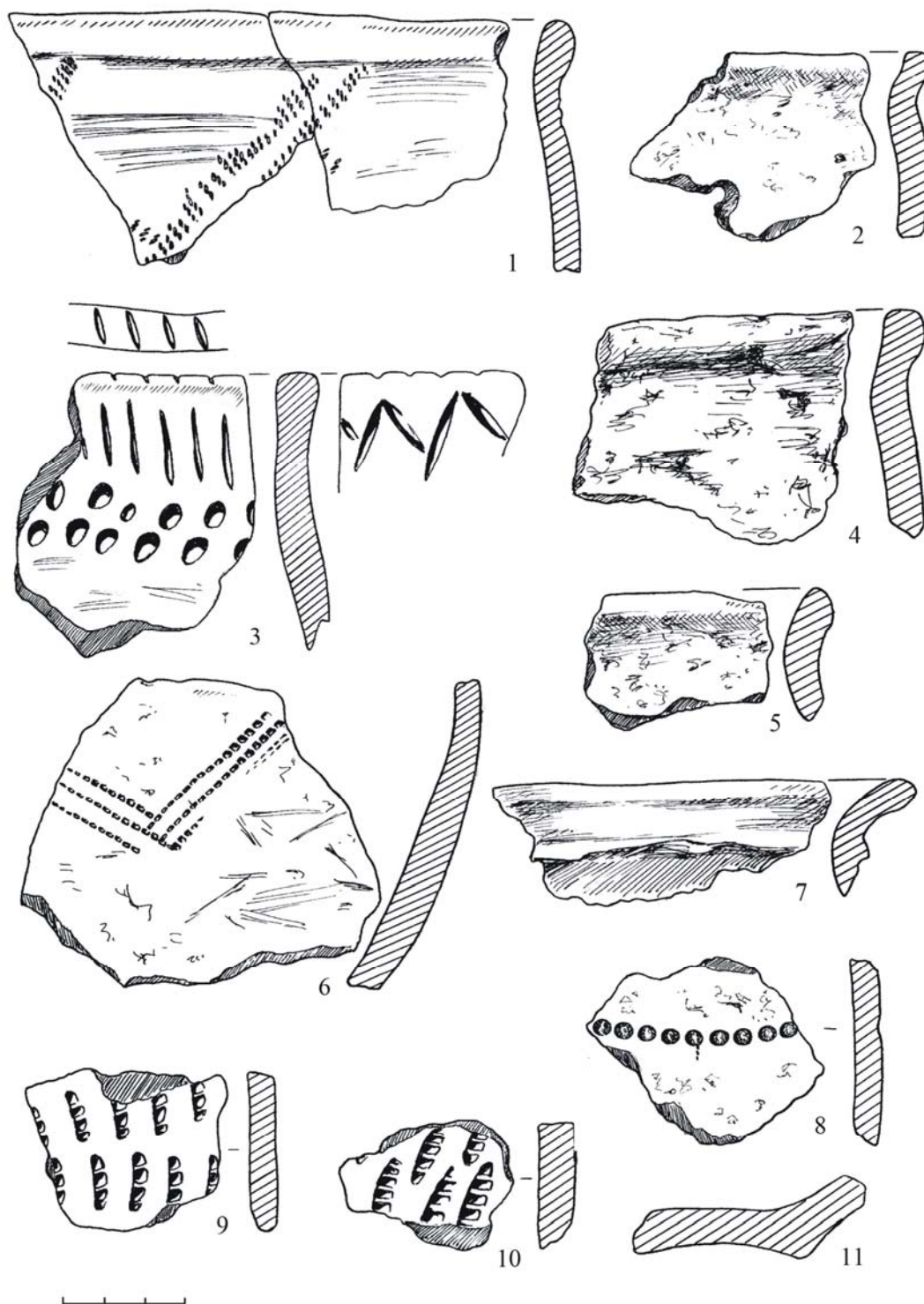

Рис. 42. Энеолитическая керамика стоянки Черненькое Озеро III [Березина, 20106].

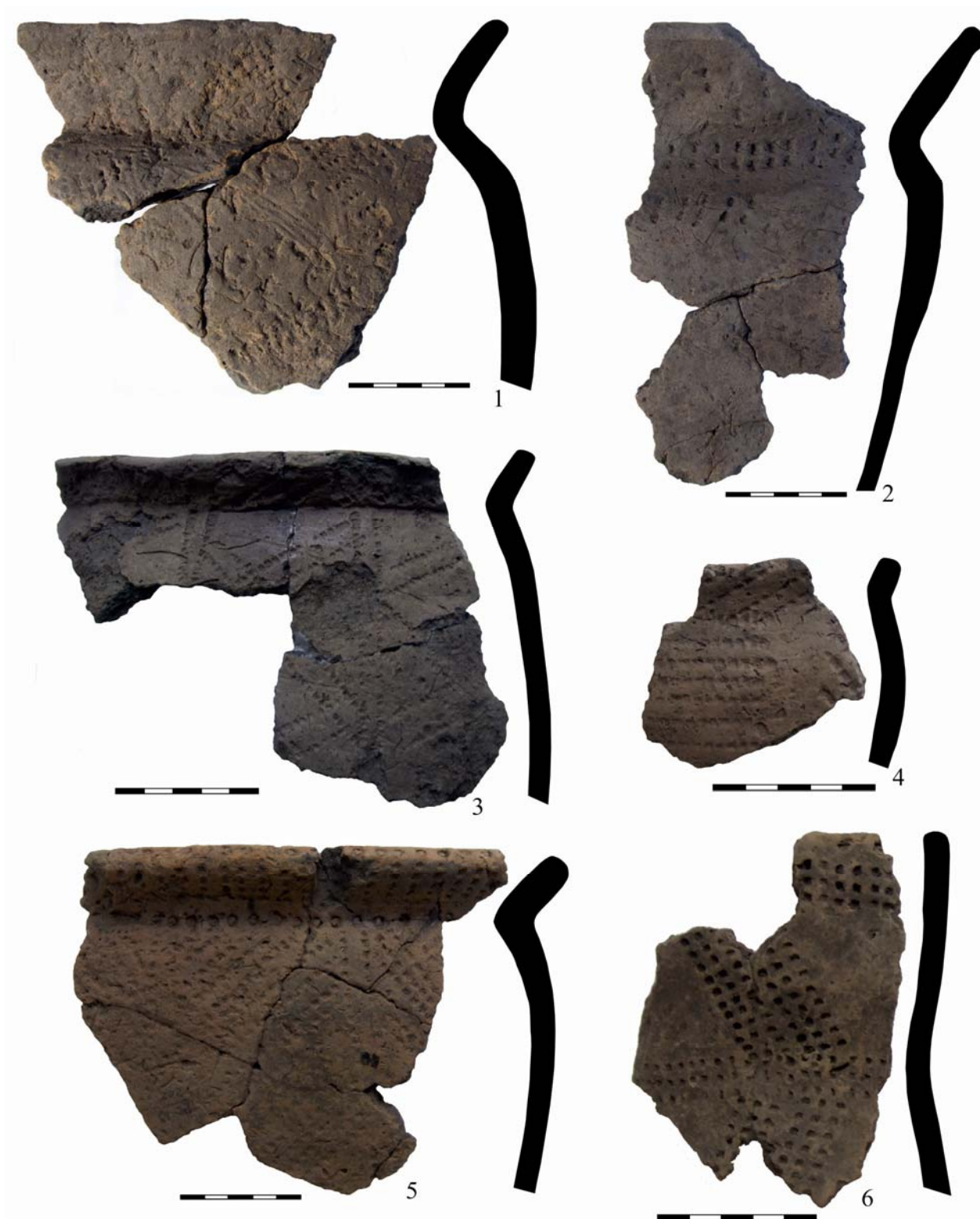

Рис. 43. Энеолитическая керамика стоянок Стемасы (Утюж III) (1-2), Китай-Озеро (3), Майданская (6), Ахмыловского (4) и Руткинского (5) поселений.

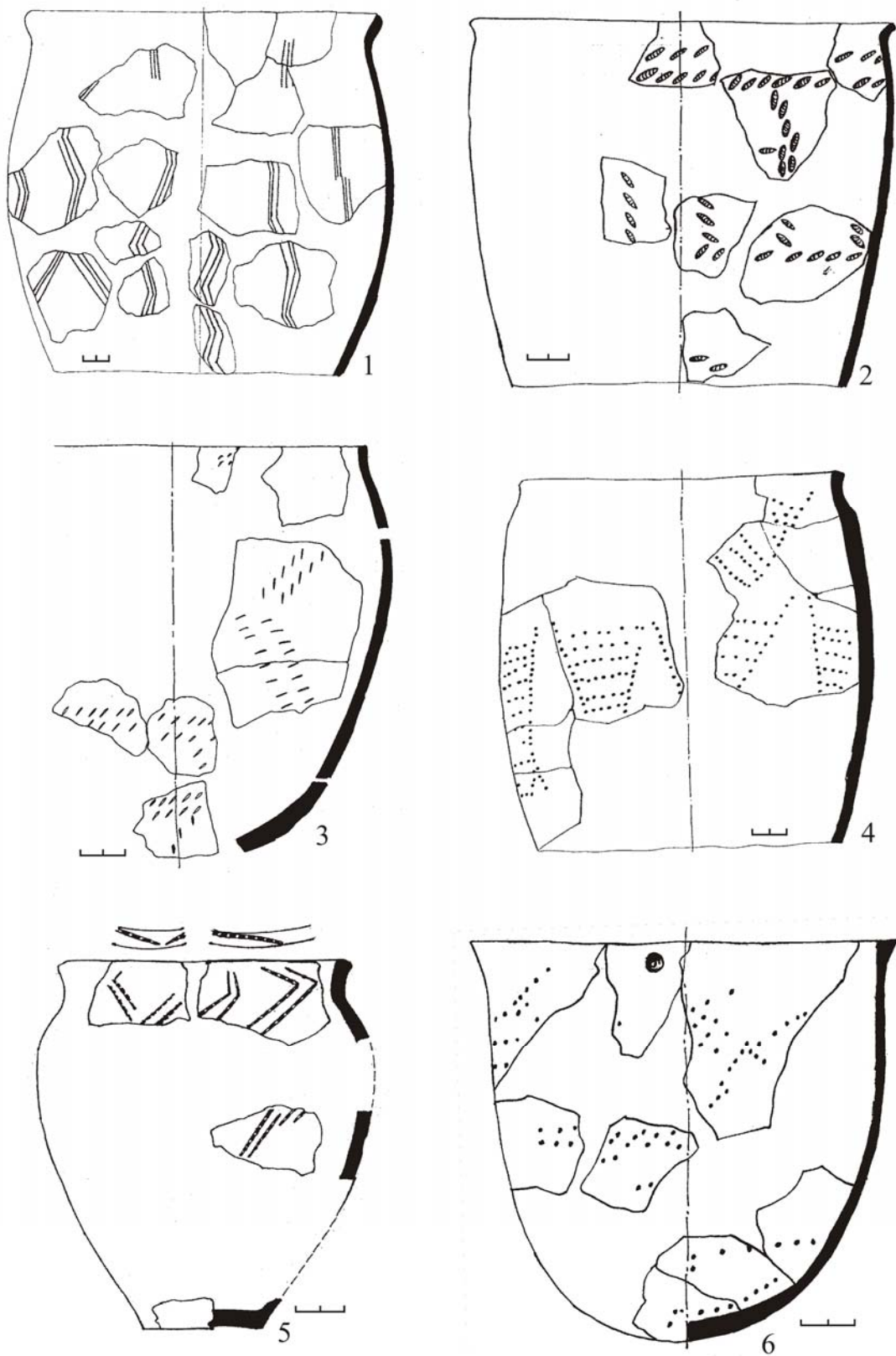

Рис. 44. Энеолитическая керамика поселения Ховрино [Вискалин, 2002а; 2002б; 2003].

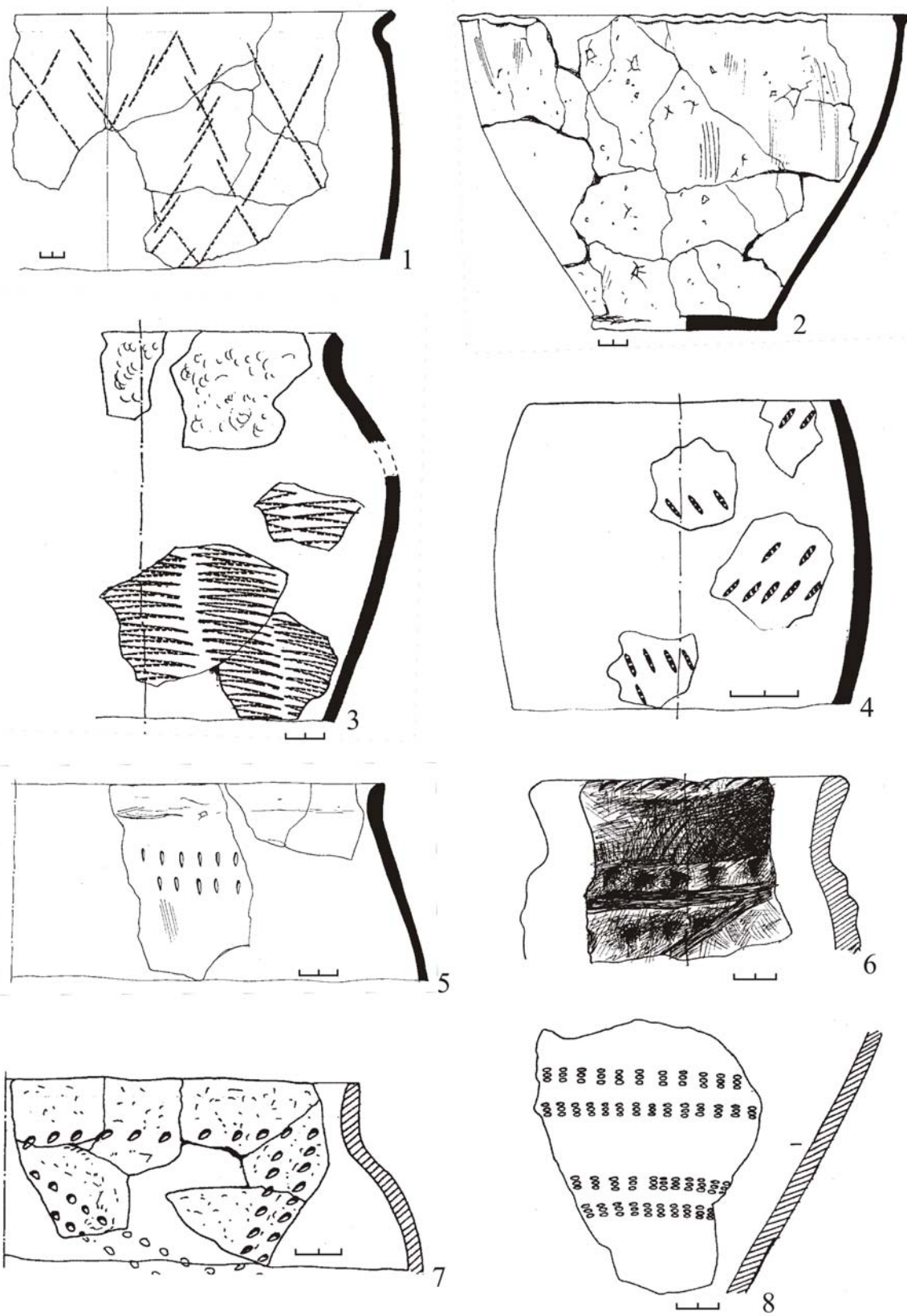

Рис. 45. Энеолитическая керамика поселения Ховрино [Вискалин, 2002а; 2002б; 2003].

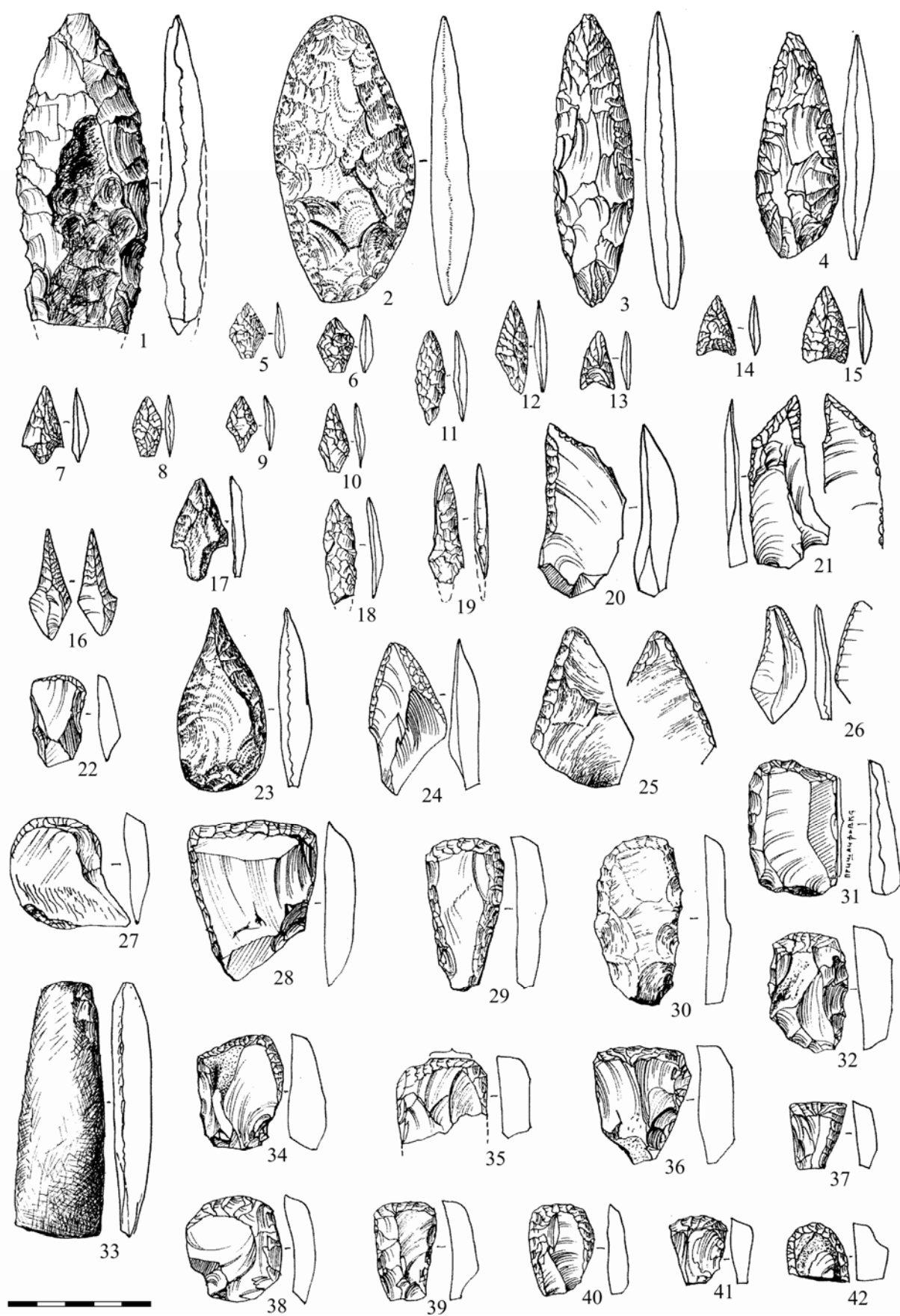

Рис. 46. Каменный инвентарь поселения Ховрино [Вискалин, 2002а; 2002б; 2003].

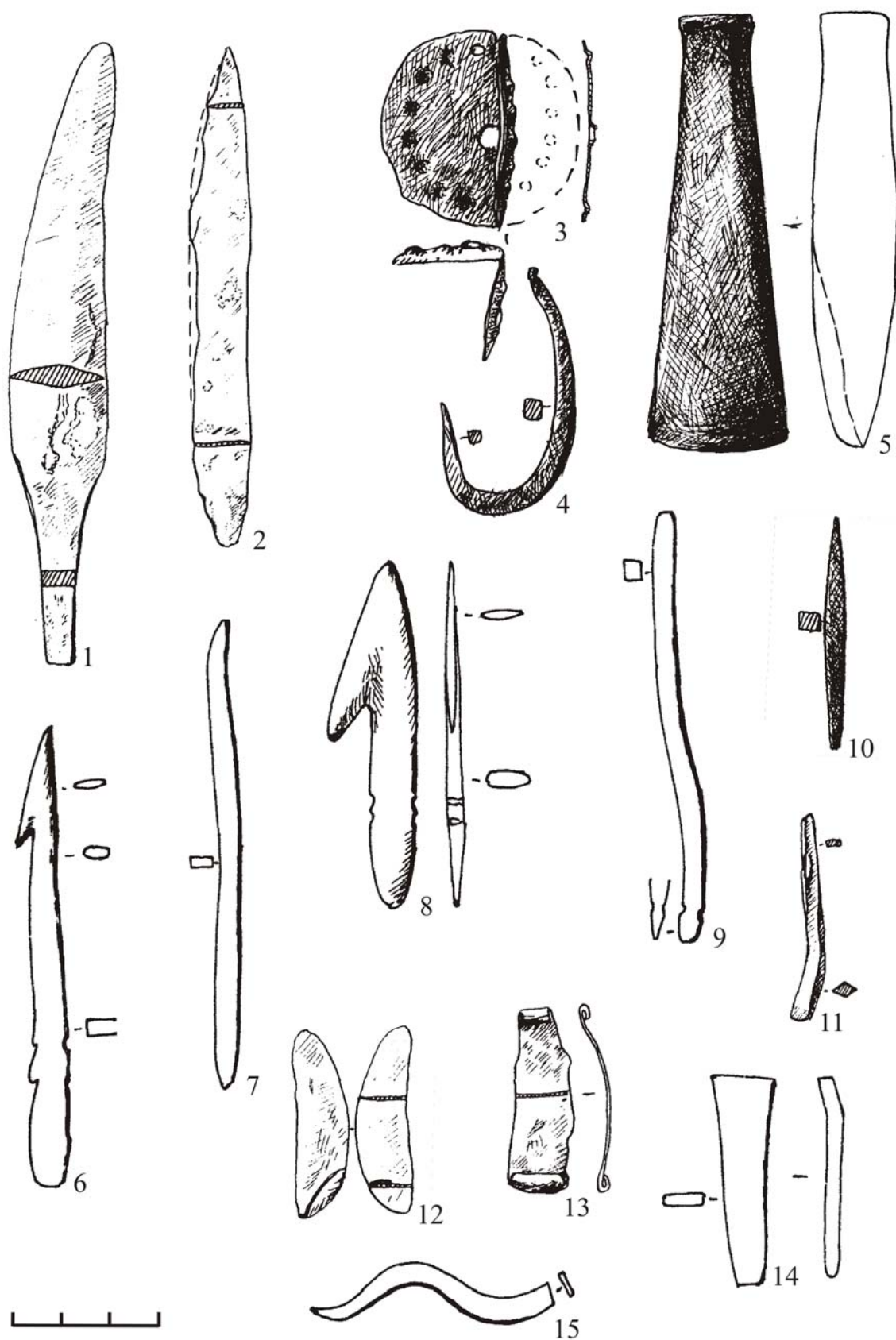

Рис. 47. Металлический инвентарь поселения Ховрино [Вискалин, 2002а; 2002б; 2003].

Рис. 48. Энеолитическая керамика стоянки Новая Деревня [Березина, 2009а].

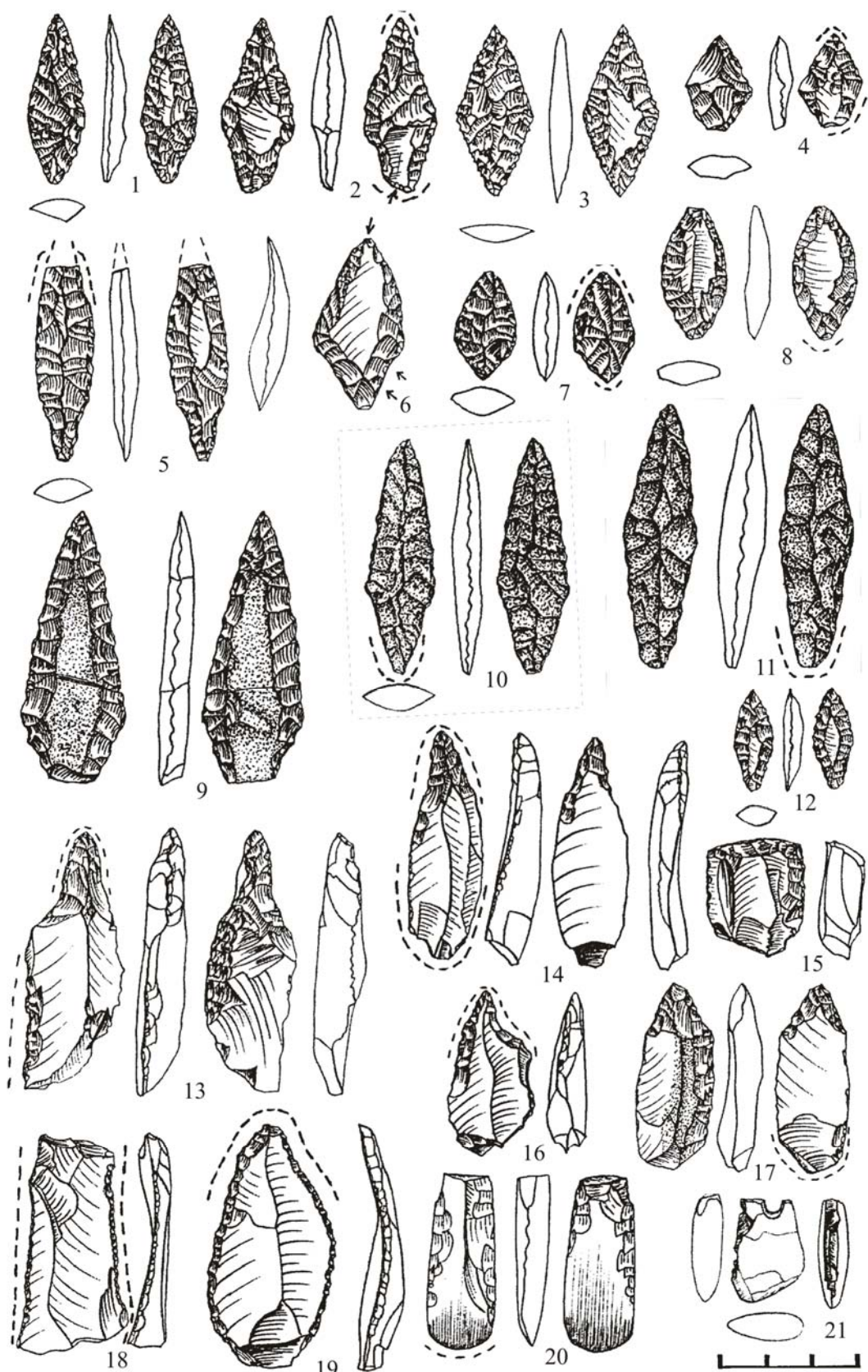

Рис. 49. Каменный инвентарь стоянки Новая Деревня [Березина, 2009а].

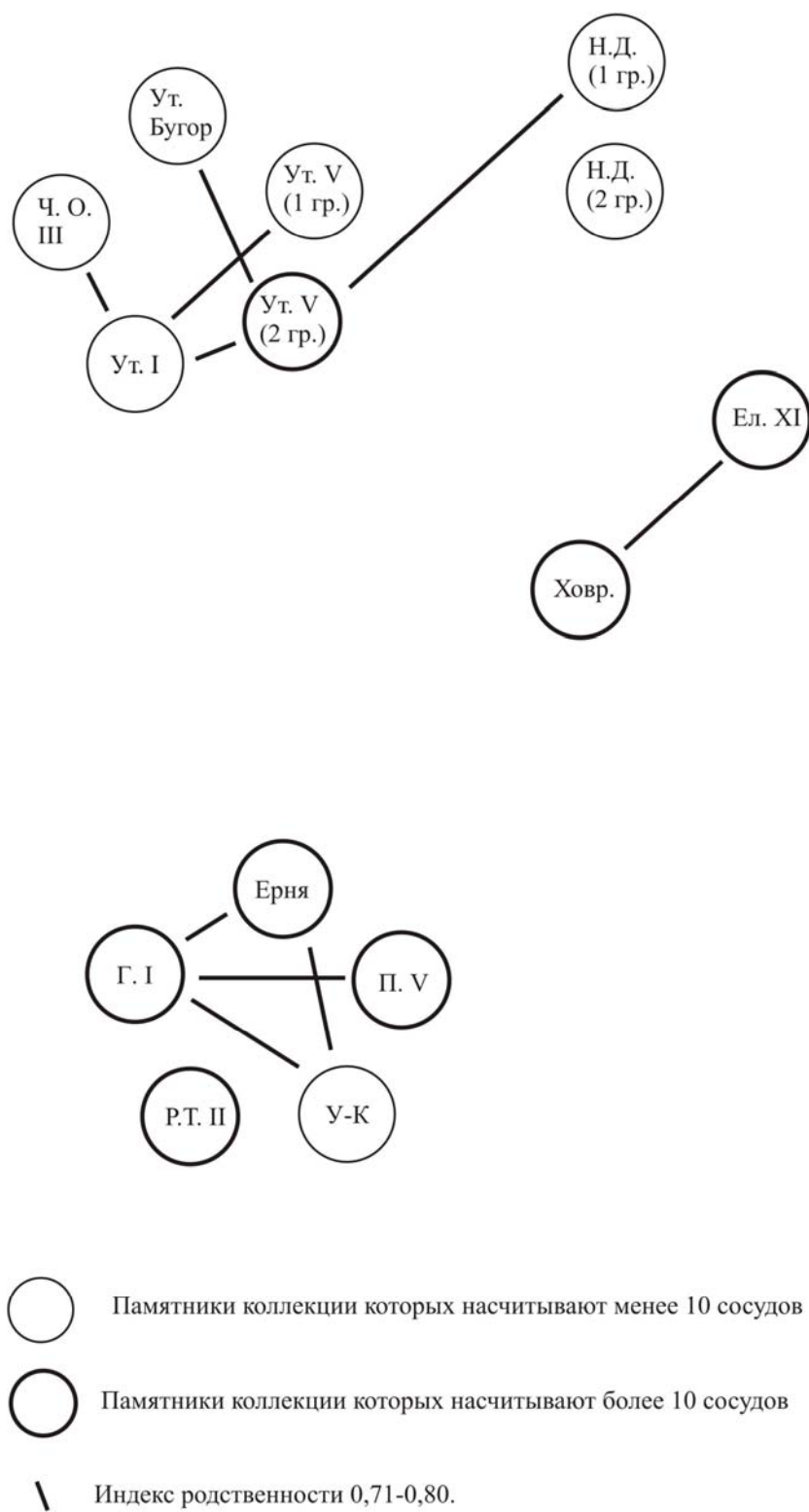

Рис. 50. Граф связей памятников Сурско-Свияжского междуречья.

Рис. 51. Керамика поселения Красный Мост III.

Рис. 52. Энеолитическая керамика Майданской стоянки.

Рис. 53. Энеолитическая керамика поселения Отарское XVIII.

Рис. 54. Энеолитическая керамика поселения Удельно-Шумецкое VI.

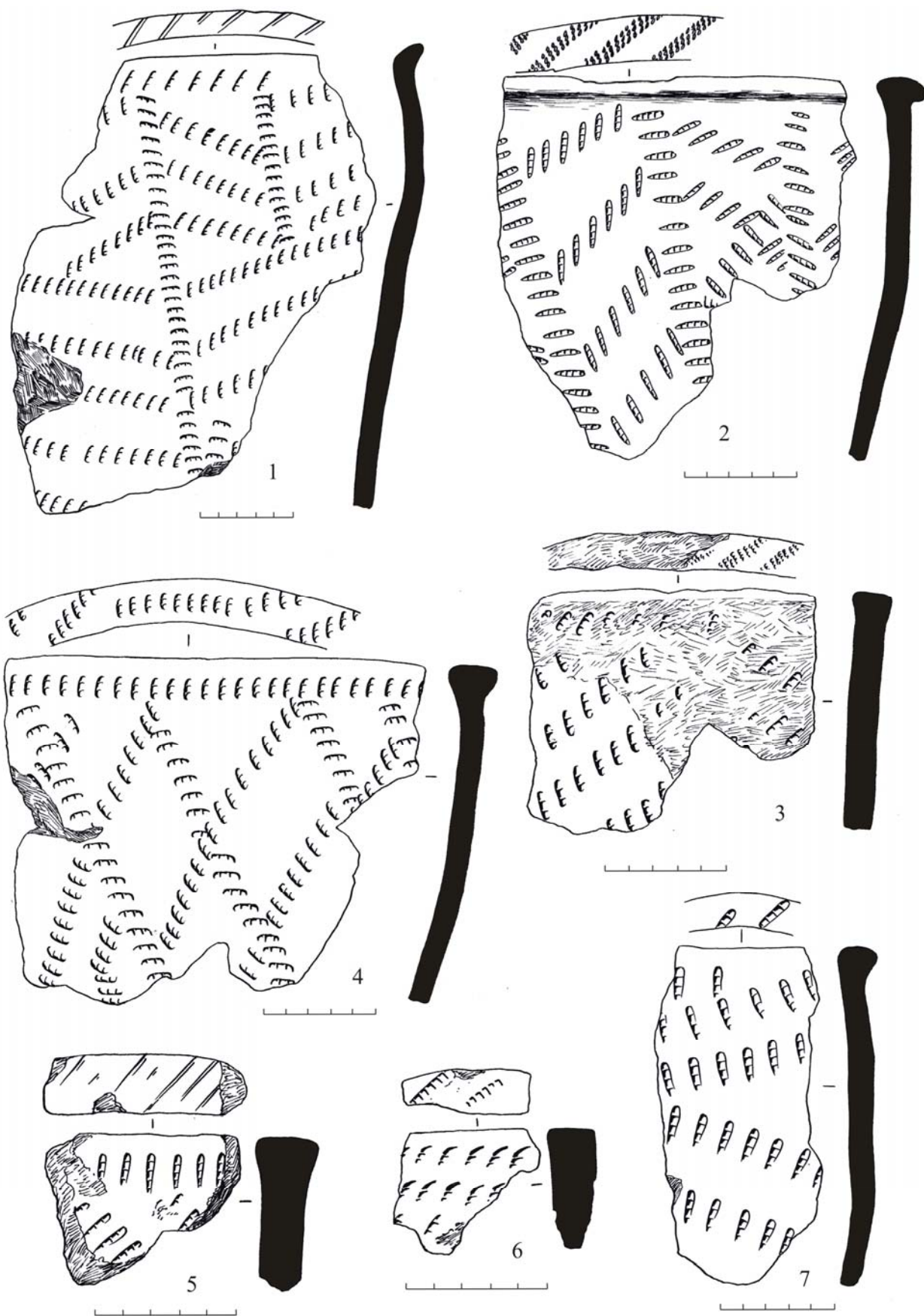

Рис. 55. Керамика поселения Парат XII [Выборнов, 2000].

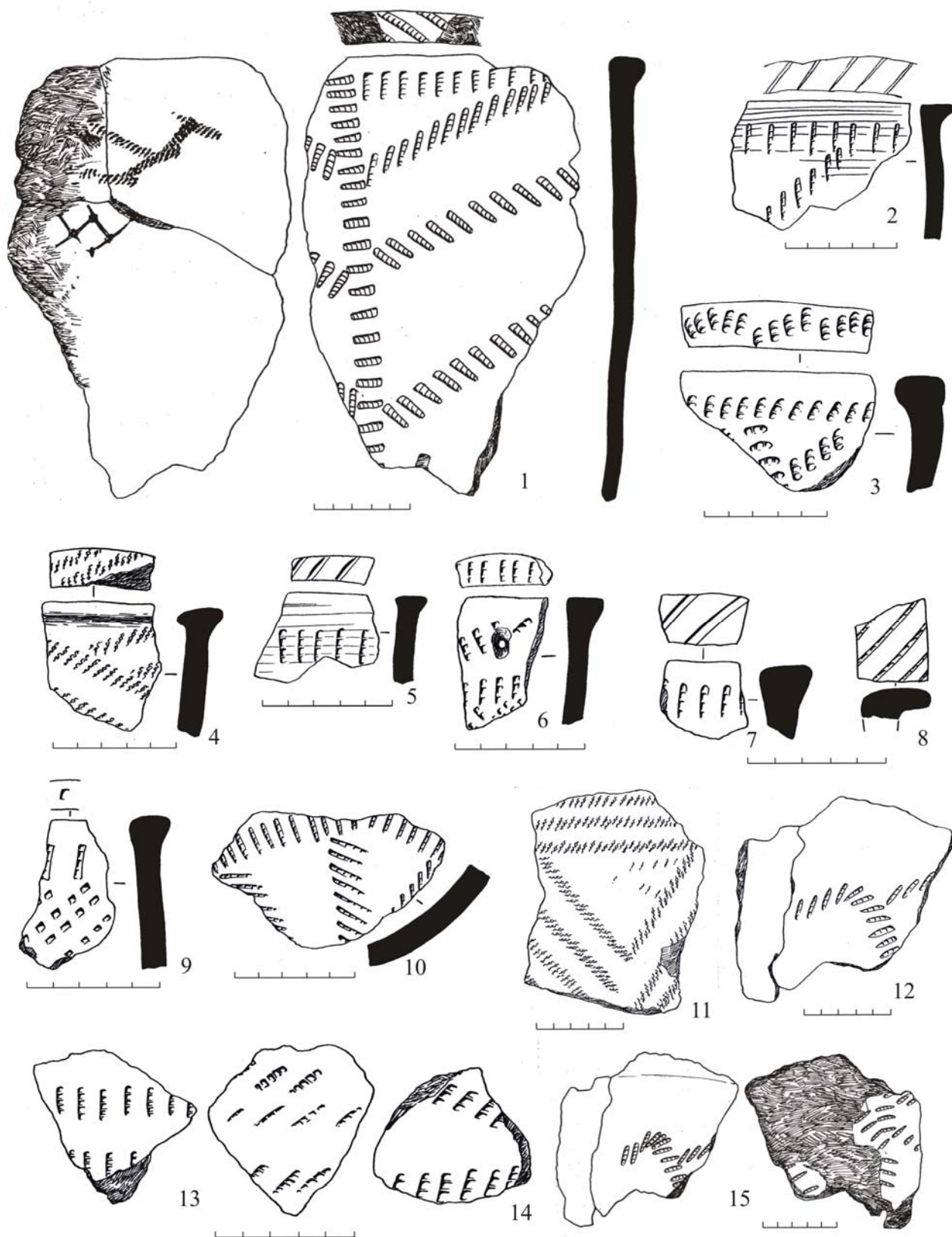

Рис. 56. Керамика поселения Парат XII [Выборнов, 2000].

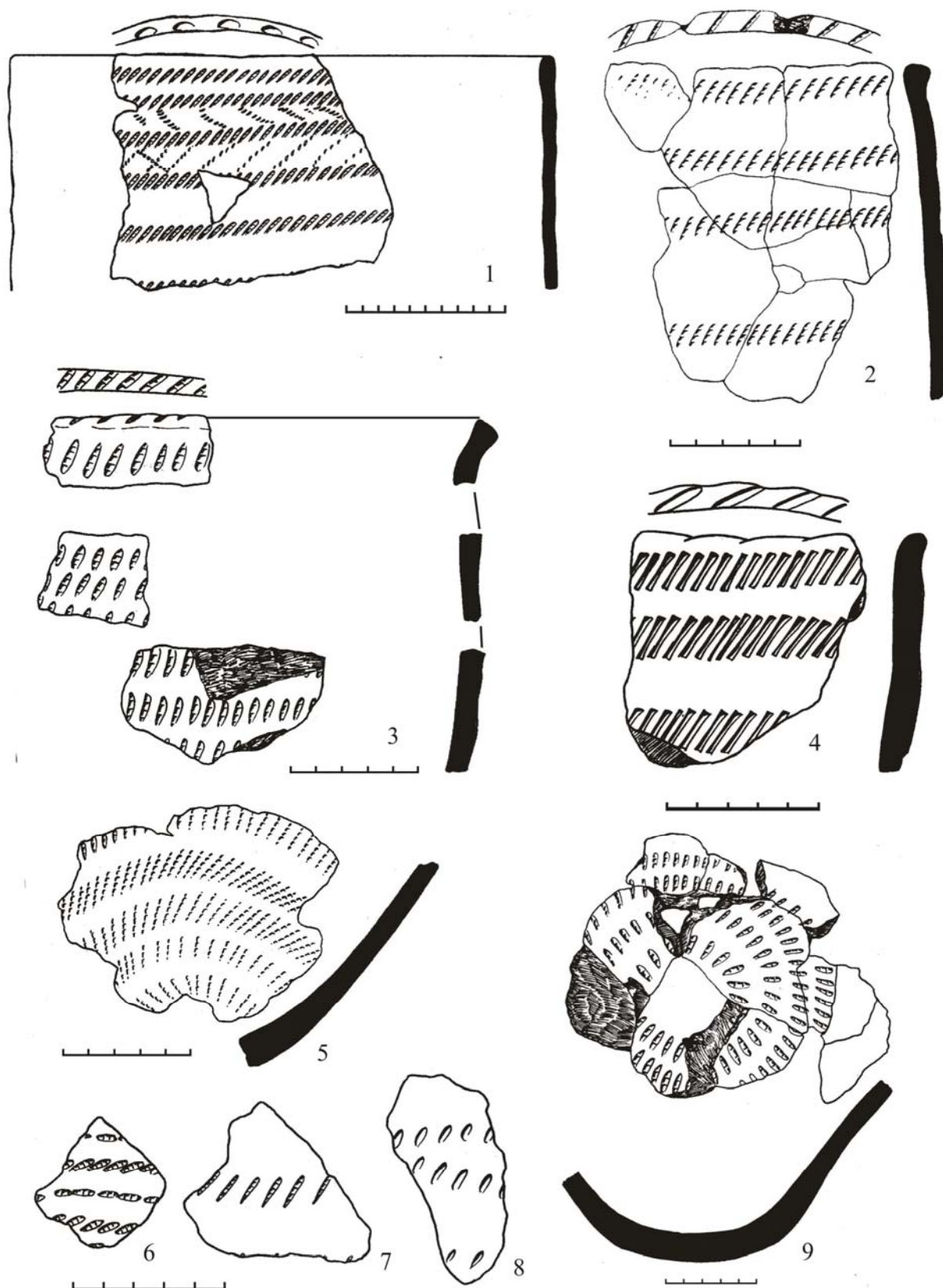

Рис. 57. Энеолитическая керамика Сутырского V поселения (ранний комплекс) [Выборнов, 2004].

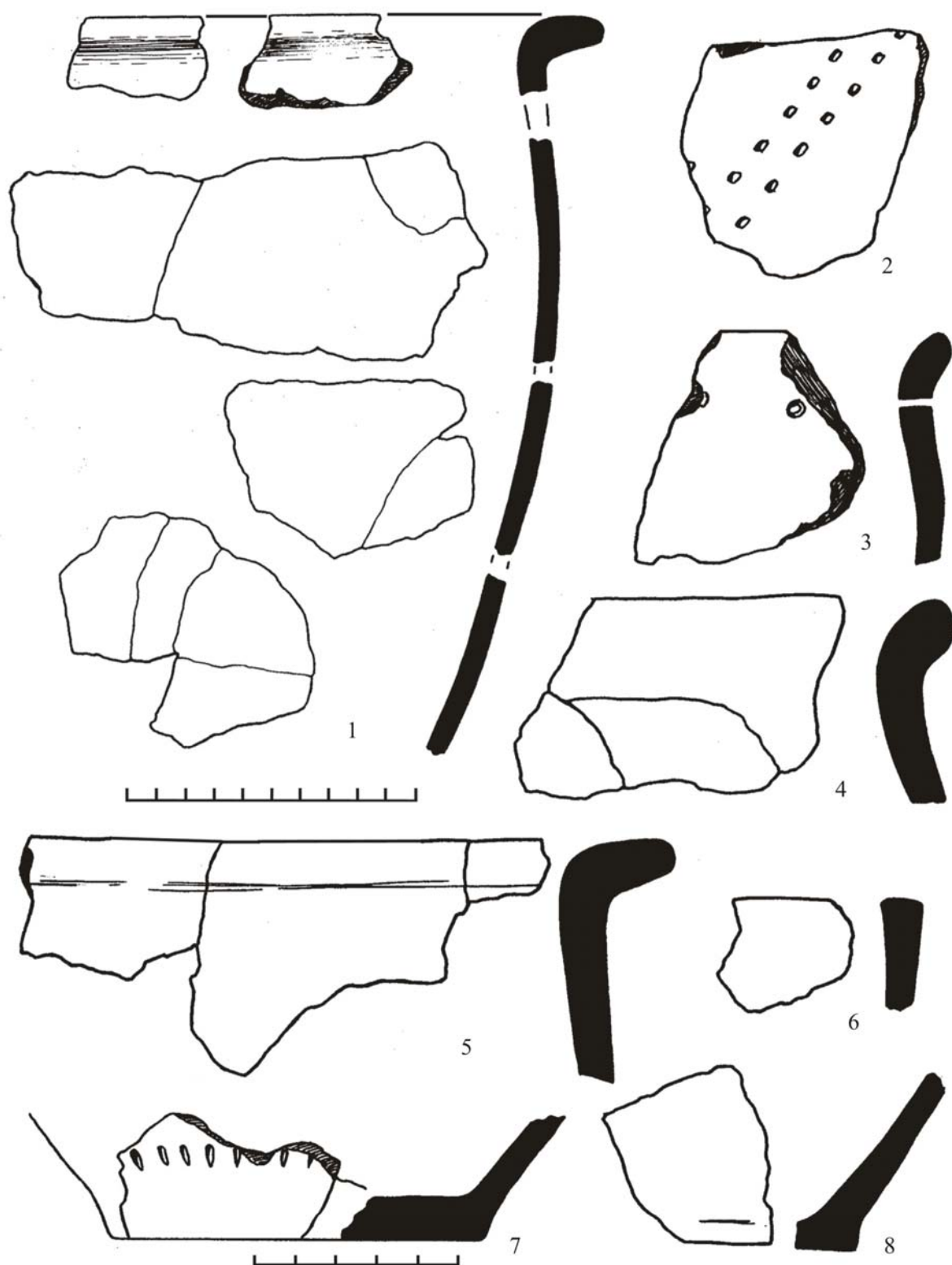

Рис. 58. Энеолитическая керамика Сутырского V поселения (поздний комплекс) [Выборнов, 2004].

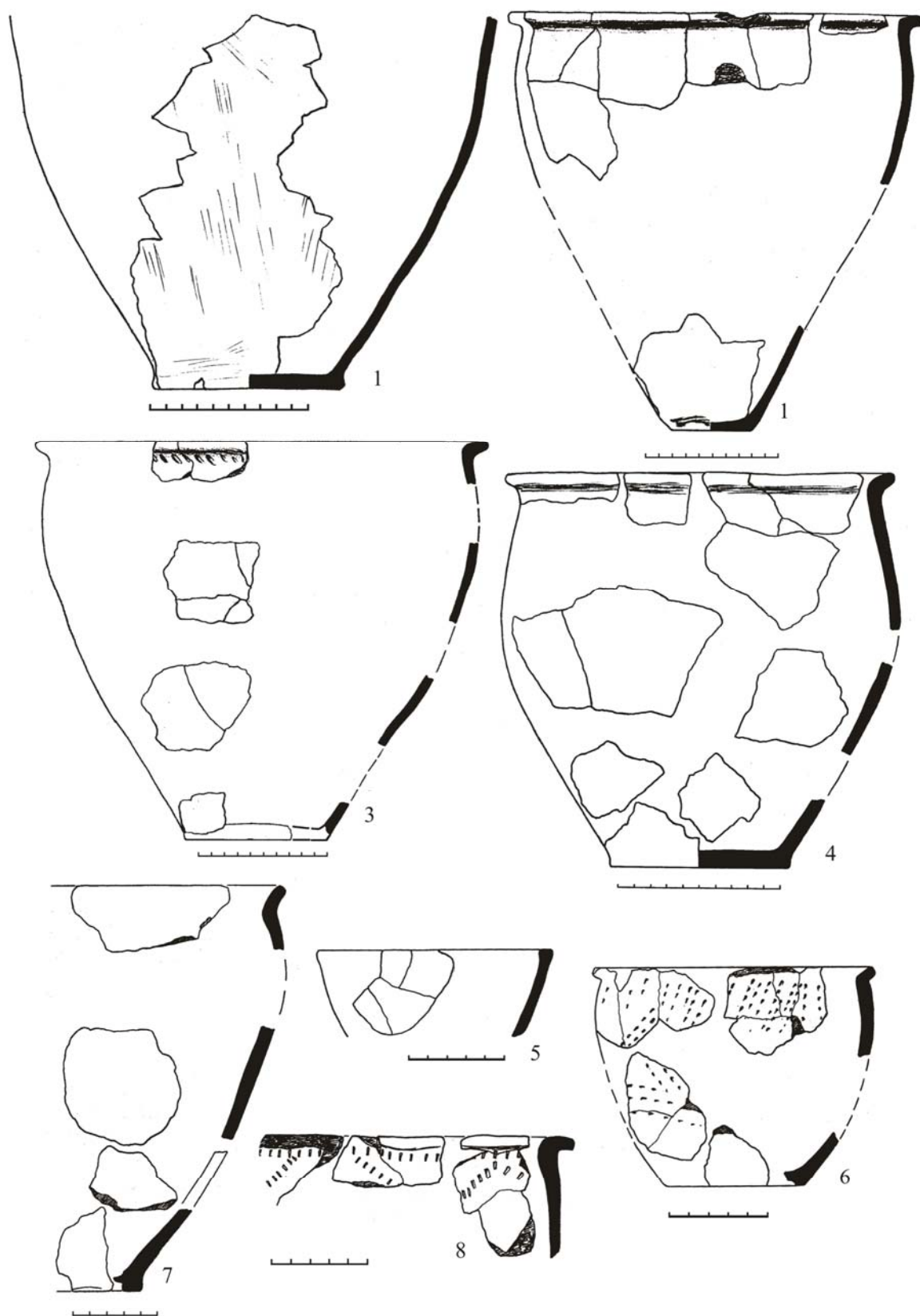

Рис. 59. Энеолитическая керамика Сутырского V поселения (поздний комплекс) [Выборнов, 2004].

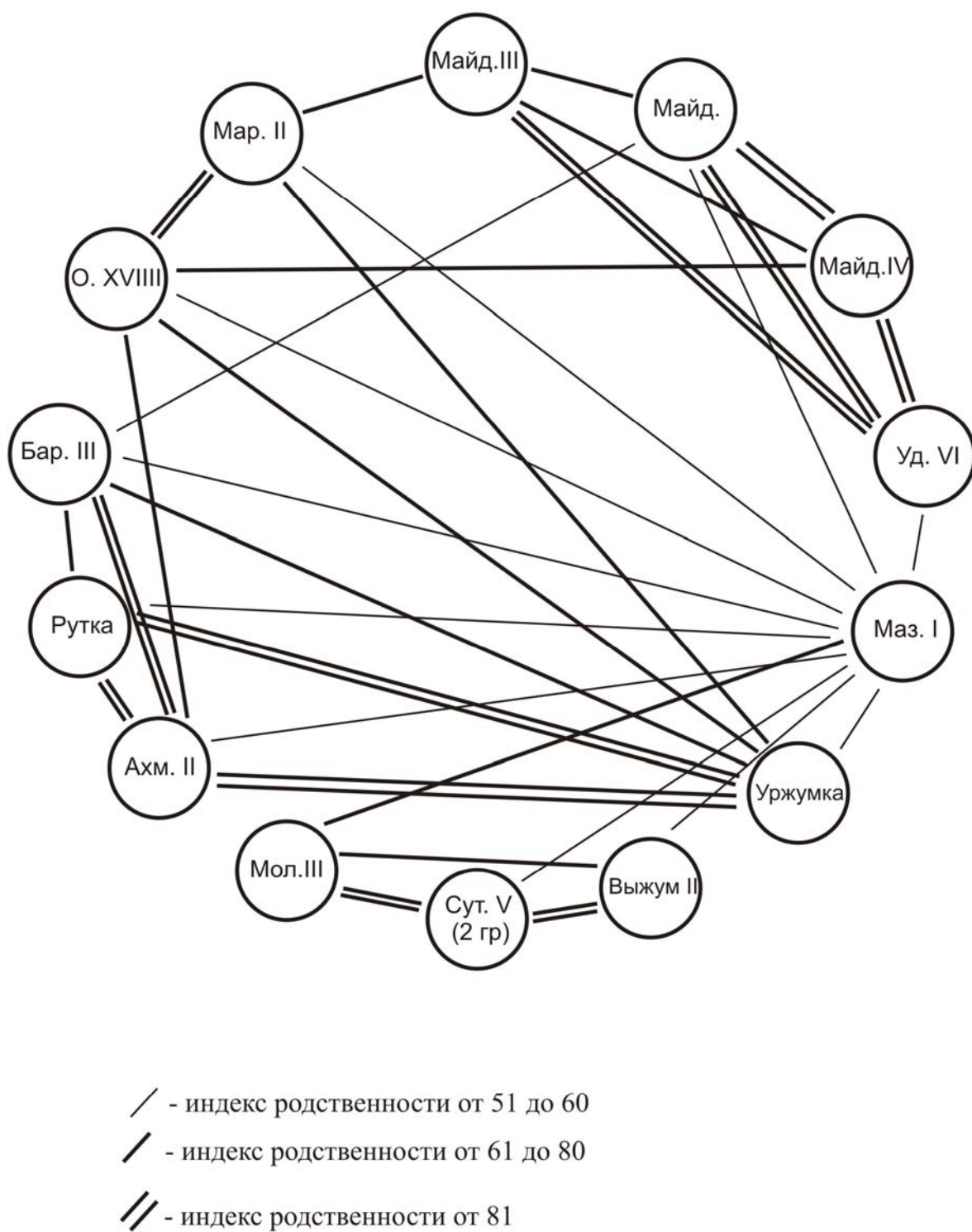

Рис. 60. Граф связей волосовских памятников Марийского Поволжья.

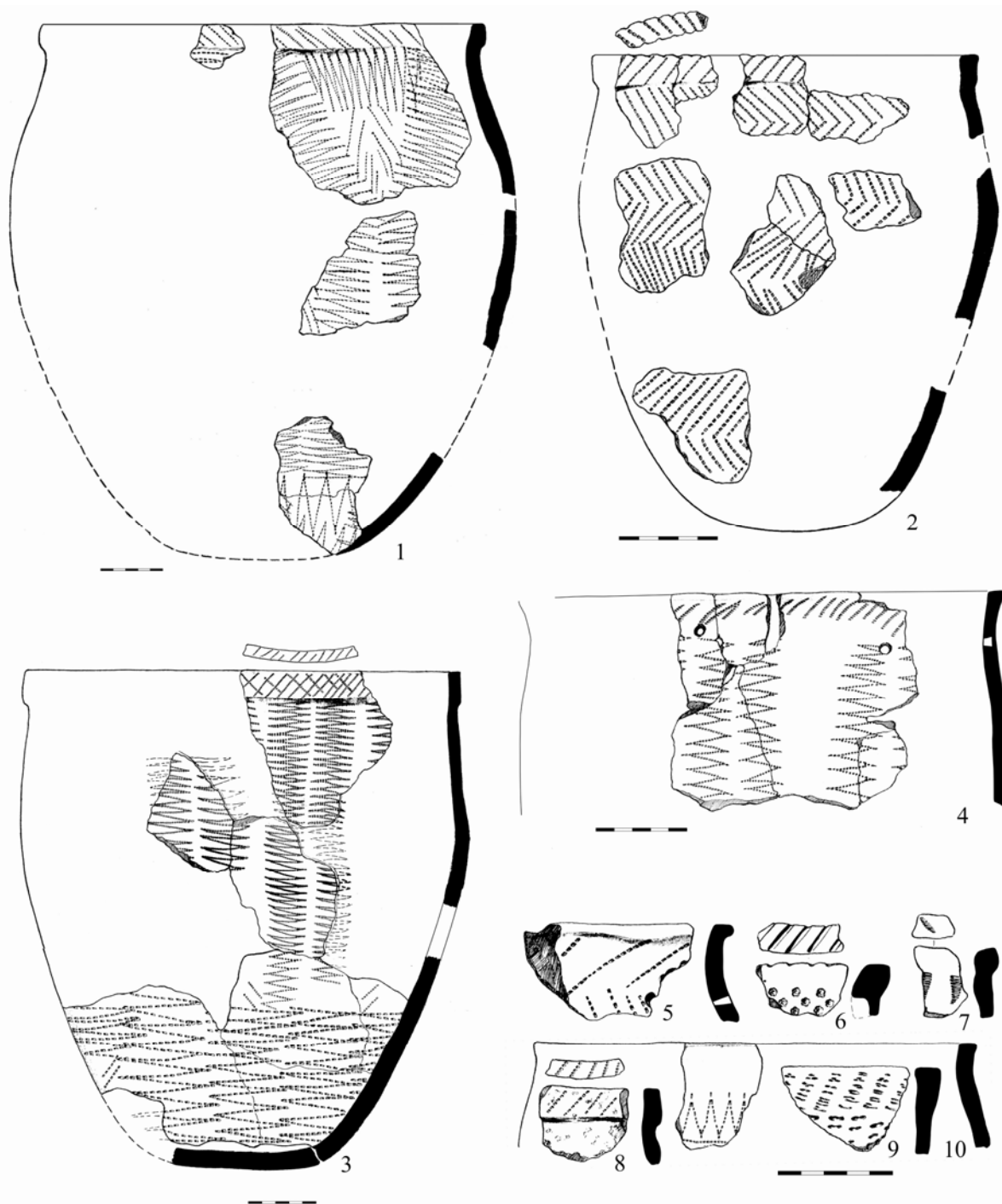

Рис. 61. Энеолитическая керамика поселения Лебяжинка III [Овчинникова, 1995].

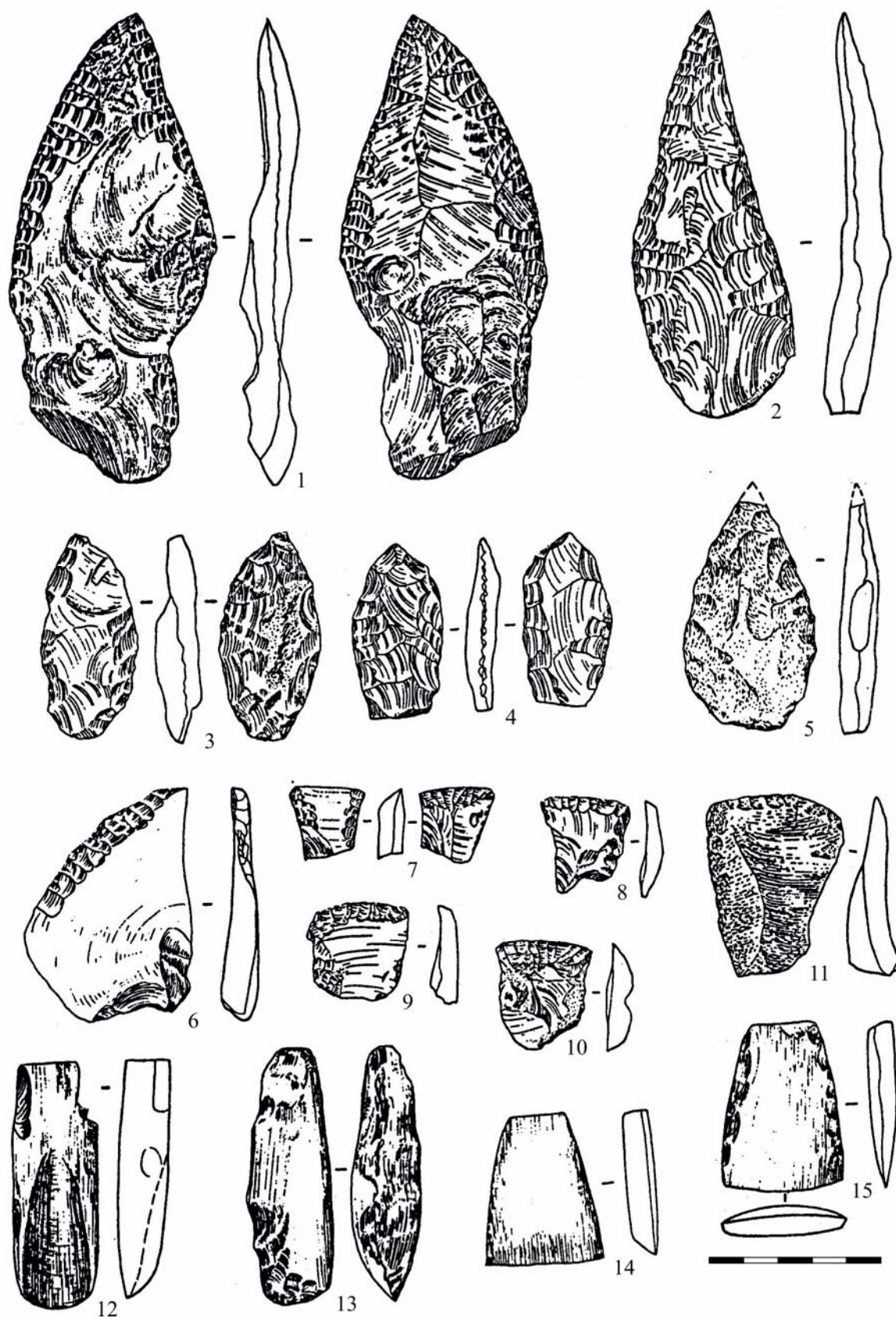

Рис. 62. Каменный инвентарь поселения Лебяжинка III [Овчинникова, 1995].

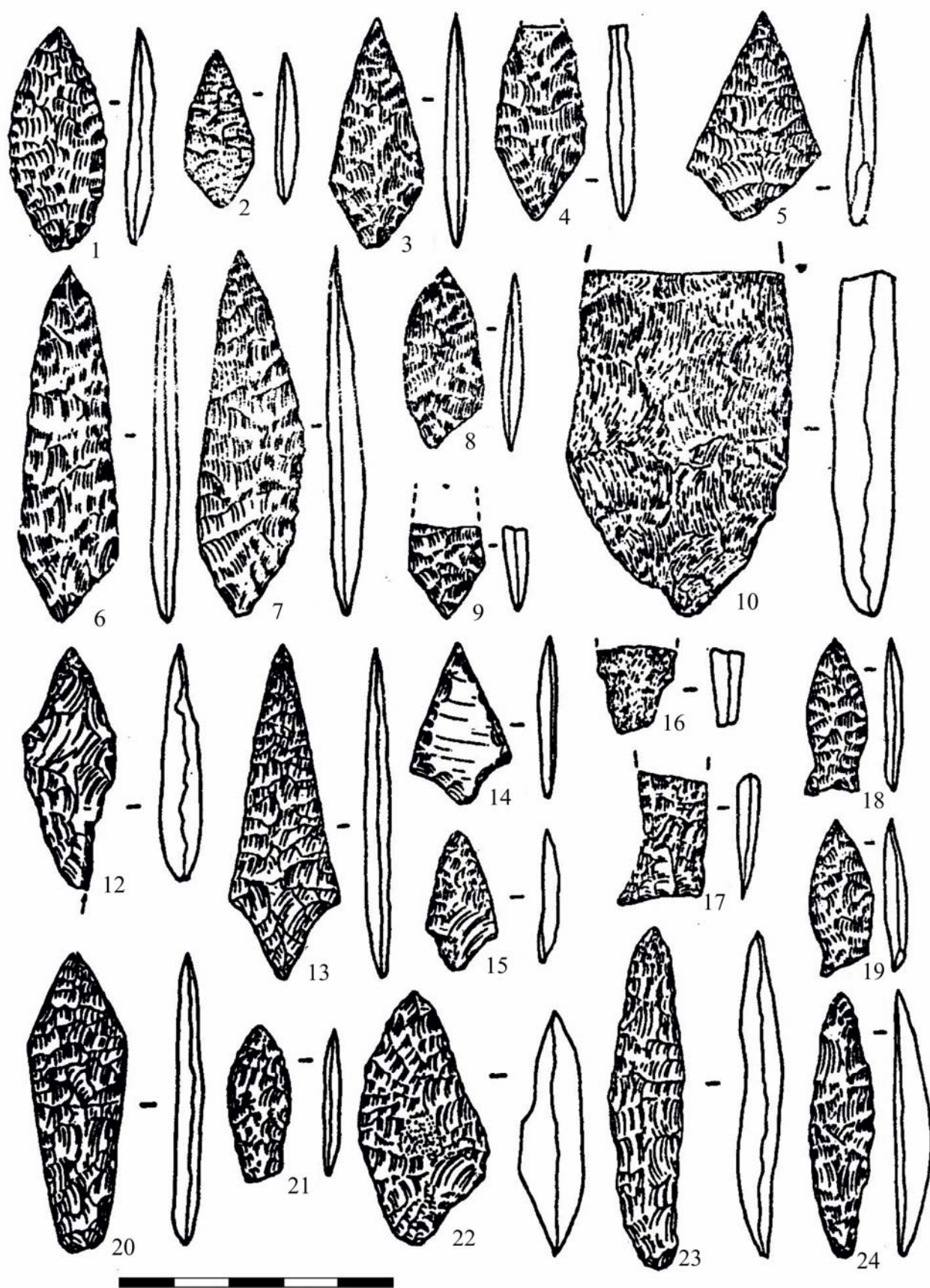

Рис. 63. Каменный инвентарь поселения Лебяжинка III [Овчинникова, 1995].

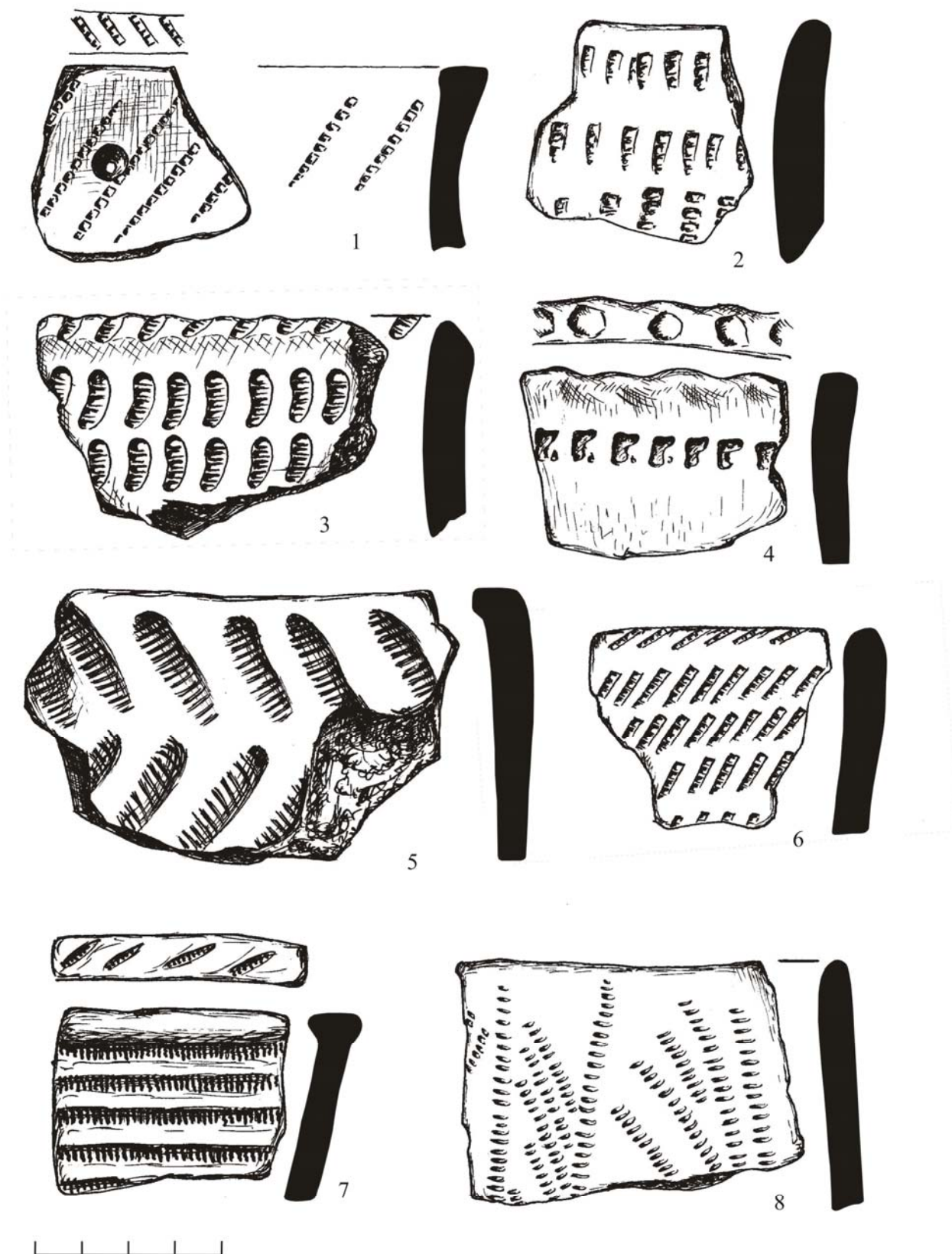

Рис. 64. Керамика тоцкого типа стоянок Ивановская (1-6, 8) и Турганикская.

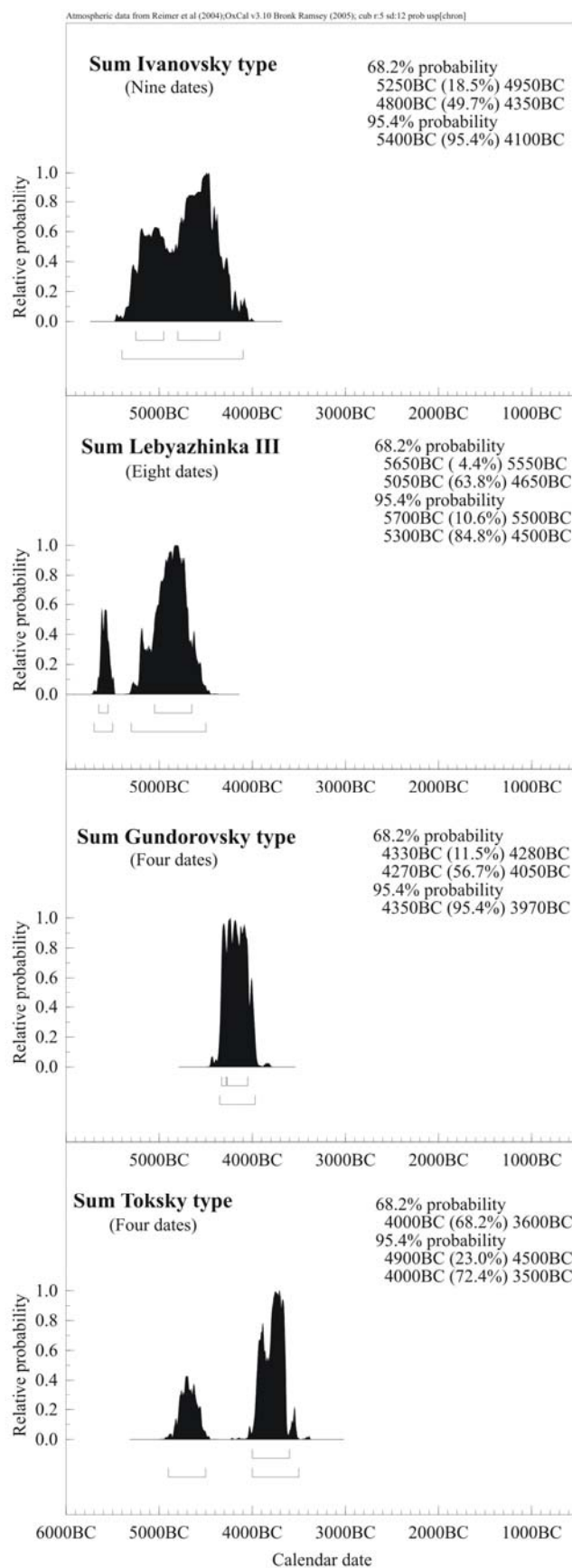

Рис. 65. Графики сумм калиброванных дат для энеолита-ранней бронзы Среднего Поволжья.

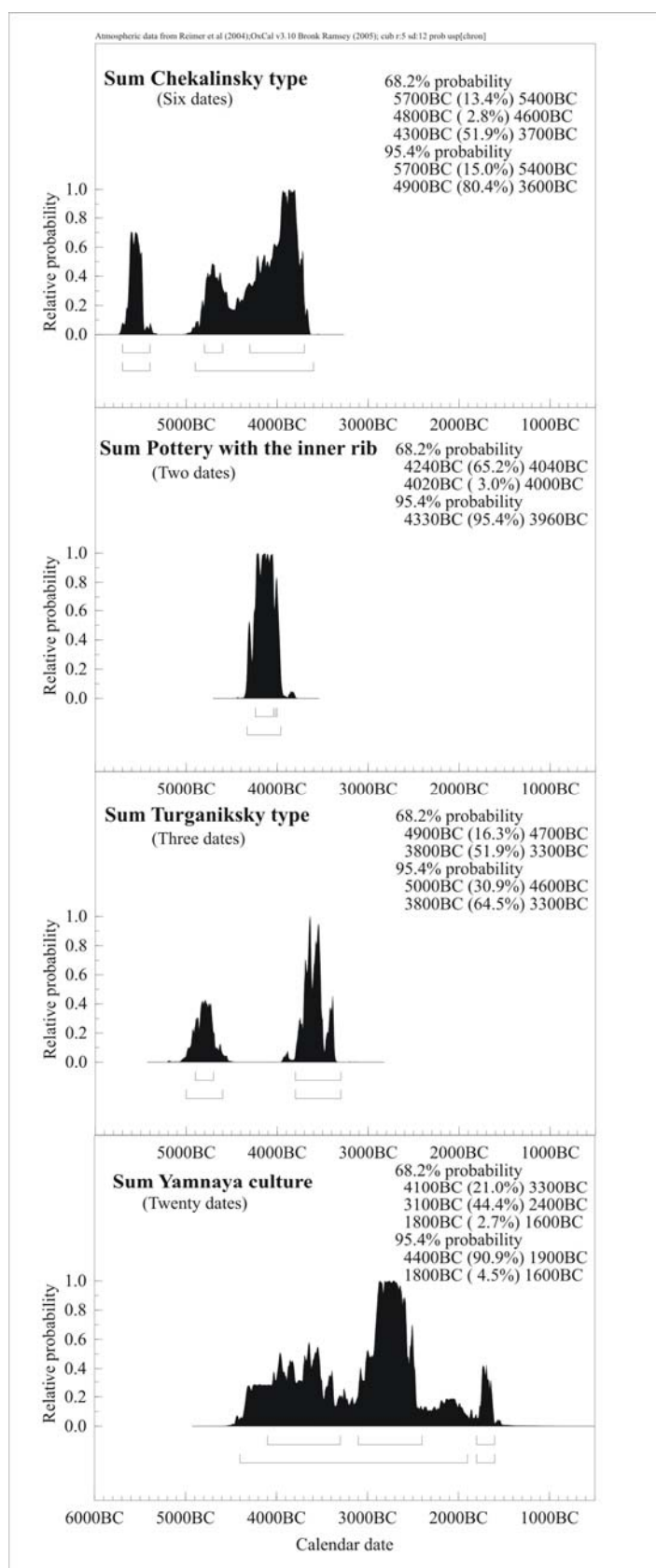

Рис. 66. Графики сумм калиброванных дат для энеолита-ранней бронзы Среднего Поволжья.

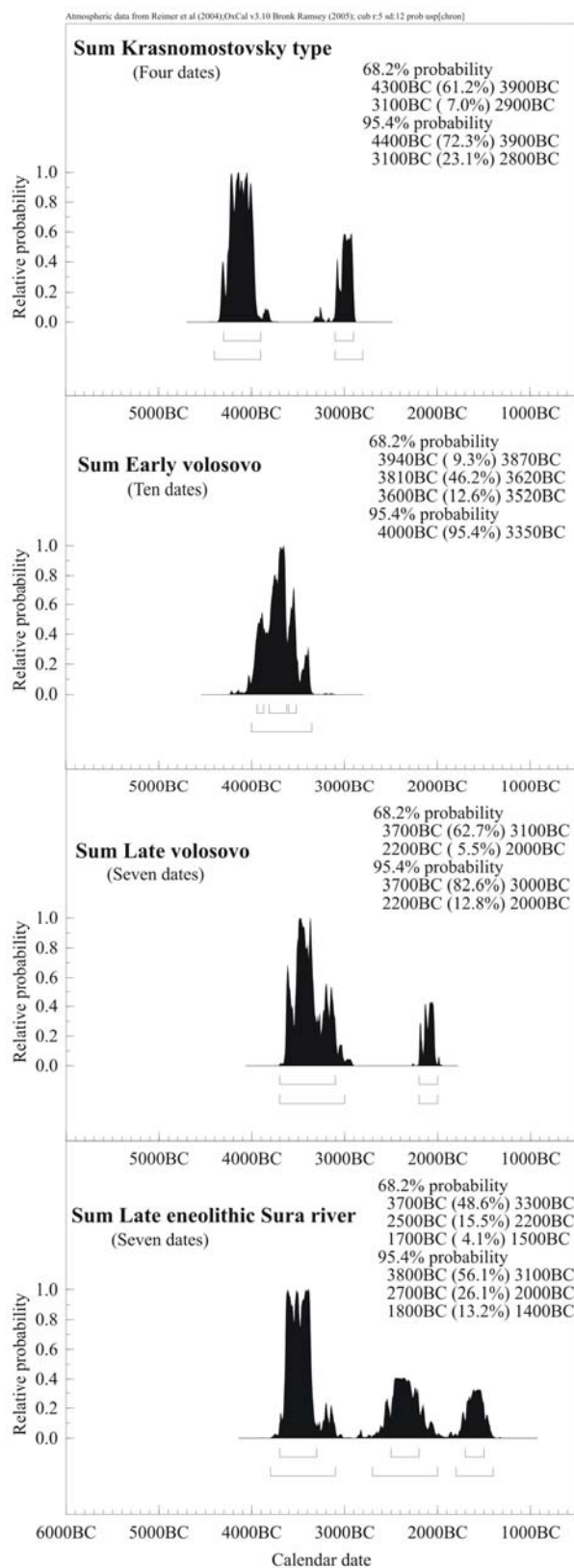

Рис. 67. Графики сумм калиброванных дат для энеолита-ранней бронзы Среднего Поволжья.